

Российская Академия наук
Институт психологии
Министерство образования Российской Федерации
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

А.В. Карпов

**ПСИХОЛОГИЯ
ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ**

Ярославль 2003

ББК Ю954
К 26
УДК 55:013

Печатается по решению научно-издательского совета
Института психологии РАН и редакционно-издательского совета
Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова

Рецензенты:

Лаборатория системных исследований психики Института психологии РАН;
доктор психологических наук, профессор, академик РАО В.Д. Шадриков;
доктор психологических наук, профессор А.В. Юревич

Карпов А.В. Психология принятия решения: Монография / А.В. Карпов;
Институт психологии РАН; Яросл. гос. ун-т. – Ярославль, 2003. – 240 с.
ISBN 5-8397-0296-X

В монографии представлена обобщающая психологическая концепция принятия решения, синтезирующая теоретические взгляды об основных классах процессов решений – индивидуальных, групповых, управленческих и др. Разработана и обоснована целостная многомерная таксономия процессов принятия решения. Раскрыты и охарактеризованы основные психологические закономерности структурной, функциональной, генетической и деятельностной организации каждого из основных классов процессов принятия решения. Выявлены и изучены основные инвариантные закономерности, общие для всех основных классов принятия решения. Впервые раскрыта система базовых и наиболее специфических закономерностей организации процессов принятия решения – закономерностей интегративного типа. Представлены материалы комплексного анализа рефлексивных детерминант результативных параметров и процессуальных особенностей принятия решений, на основе чего категория рефлексии синтезирована с психологической теорией решений. Раскрыта специфика функциональной роли процессов принятия решения в системе психических процессов в целом, а также предложена новая – пятиуровневая концепция структурно-уровневой системы психических процессов.

Для студентов, аспирантов, научных работников, преподавателей психологических факультетов.

Ил. 3. Табл. 2. Библиогр.: 159 назв.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского Фонда фундаментальных исследований (проект № 01-06-80-428).

ISBN 5-8397-0296-X

© Институт психологии РАН, 2003
© Ярославский государственный университет, 2003
© Карпов А.В., 2003

Введение

В научном обиходе сформировался, закрепился и получил широкое распространение термин «психологическая теория решений» (ПТР), призванный обозначить некоторую систему знаний о психологических особенностях процессов принятия решения. Его использование создает иллюзию того, что такая теория, действительно, существует именно как таковая, то есть как концептуально целостная, обобщенная система взглядов о психологических закономерностях организации процессов принятия решения. В реальности, однако, дело обстоит почти противоположным образом, а миф о существовании психологической теории решений, воспринимающийся и использующийся многими исследователями как удобное допущение, затрудняет или даже блокирует трезвую и объективную оценку состояния дел в данной области психологических исследований, а также ее конструктивное развитие в целом. В связи с этим общий замысел данной книги состоит в том, чтобы выявить основные особенности современной ситуации в психологии принятия решения; определить наиболее острые и актуальные проблемы, обусловленные этими особенностями, а также наметить возможные пути их решения.

Первой и во многом определяющей среди этих основных особенностей является как раз такая черта психологии принятия решения, которая прямо противоположна самому термину «психологическая теория решений». Дело в том, что одной из наиболее характерных особенностей современной психологии принятия решения, одной из ее «бед» является именно *отсутствие* целостной, обобщающей теории. Психология решений располагает сегодня множеством частных, локальных теорий и концептуально-объяснительных схем. Однако их синтез в рамках какого-либо более общего подхода, необходимость в котором постоянно подчеркивается исследователями, пока не достигнут. Современная психологическая теория решений – это не «теория» в непосредственном смысле данного понятия (как концептуально

завершенная и непротиворечивая система знаний), а определенная *предметная область*, сфера проблем, концентрирующаяся вокруг феноменов субъективного выбора.

На наш взгляд, именно эта особенность является наиболее негативной. Дело в том, что теория в истинном смысле слова – это отнюдь не «сводка» знаний о различных сторонах, свойствах, закономерностях и модусах того или иного предмета познания. Теория – это обязательно выход на новый уровень обобщения, обуславливающий получение *нового* знания, в чем и состоит специфика теоретического познания по отношению к эмпирическому.

Отмеченная наиболее общая особенность порождает и иные – более *частные*, но в то же время еще более демонстративные и широко известные особенности психологии принятия решения. Это – подчеркнутый и даже намеренно культивируемый ее прагматизм; преобладание нормативно-предписательных (и, соответственно, формализованных) подходов над дескриптивно-объяснительными (содержательно-психологическими); эклектизм в интерпретации, понимаемый, однако, отнюдь не как «концептуальный дефект», а, наоборот, как признак ее разносторонности; доминирование аспектно-аналитического, а часто – и просто мозаичного подхода к исследованию достаточно узких и локальных вопросов вне их должной связи друг с другом; отчетливый эмпиризм, означающий резкое преобладание экстенсивно-кумулятивного способа развития психологии принятия решения над теоретическим.

Еще одна немаловажная особенность современного облика психологии принятия решения связана со спецификой возникновения и развития проблемы принятия решения в целом как междисциплинарной, комплексной, а также с историей эволюции научных взглядов в этой области. Хорошо известно, что данная проблема возникла и очень длительное время развивалась не только как *непсихологическая*, но и как намеренно *депсихологизированная*. Ее развитие – это одновременно и трудный путь преодоления изначальной депсихологизированности этой проблемы, который пройден пока отнюдь не полностью. Сама же ее эволюция – это «движение» не *от* психологии, а *к* психологии. Этим, кстати, объясняется и возникновение самого термина «психологи-

ческая теория решений» как такового: он появился как своего рода реакция на уже разработанную теорию *рациональных* решений, намеренно абстрагирующуюся от субъектных, психологических факторов и детерминант и именно поэтому обнаружившую свою ограниченность и, следовательно, необходимость концептуального расширения.

Тесно связанной с предыдущей особенностью и даже в значительной степени определяющей ее выступает следующая – также важная черта современной психологии принятия решения. Она состоит в том, что до сих пор исследования в данной области явно недостаточно синтезированы с основной – фундаментальной *общепсихологической* проблематикой; не используют в должной мере мощный объяснительный потенциал и категориальный аппарат, разработанный в других, более развитых психологических направлениях, прежде всего, в тех, которые занимают в ней сегодня «лидирующее» положение, и в первую очередь – когнитивной психологии. В связи с этим важнейшей теоретической задачей выступает формулировка, осознание и разработка данной проблемы в ее истинном масштабе – как общепсихологической проблемы.

Более того, еще тревожнее данная ситуация выглядит в свете тенденции, проявившейся в самое последнее время. Она состоит в том, что «разрыв» между концептуальным уровнем представлений о процессах принятия решения и теоретическим уровнем общей психологии не только не сокращается, но и продолжает увеличиваться. В данном отношении наиболее показательны то, что такие «лидерские» направления современной общей и экспериментальной психологии, как когнитивная психология в целом и метакогнитивизм в частности, составляющие «передний край» современных психологических исследований, практически не востребованы теорией решений, а она почти не используется ни в когнитивной психологии, ни в метакогнитивизме.

Разумеется, отмеченные особенности и главные из них – концептуальная несинтезированность существующих представлений и явно недостаточный уровень их общепсихологического осмысления – это, скорее, именно «беда» психологии принятия решения, а не ее «вина». Дело здесь отнюдь не в недостатке внимания исследователей к данной проблеме и не в их «методологической безза-

ботности». Истинная причина этого (что составляет еще одну ключевую особенность общей ситуации в психологии принятия решения) – объективная и *беспрецедентная сложность* процессов принятия решения и, соответственно, трудность их исследования, а также обобщения и теоретического объяснения получаемых результатов. Эта сложность во многом обусловлена другим принципиальным обстоятельством – *качественной гетерогенностью* самого предмета психологии принятия решения. Он, как известно, включает, по крайней мере, три основных макрокласса процессов принятия решения – индивидуальные, групповые и управленческие решения (которые, в свою очередь, дифференцируются на большое число разнородных по многим параметрам типов, видов, форм). Индивидуальные решения изучаются в основном в русле общей и экспериментальной психологии; групповые решения столь же естественно соотносятся с социально-психологическими исследованиями; управленческие решения составляют предмет исследований в психологии управления и теории менеджмента.

В связи с этим в настоящее время в рамках психологической теории решений сформировались три достаточно развитых, но во многом автономных направления – теории индивидуальных, групповых и управленческих решений. Они, имея, конечно, определенные точки соприкосновения, обусловленные фундаментальной общностью предмета исследования, в то же время характеризуются явной специфичностью своего терминологического аппарата, своеобразием доминирующей в них проблематики, собственными традициями, а частично – даже различиями в методологических и концептуальных основаниях, в логике развития. До сих пор они не синтезированы в концептуально непротиворечивую целостность – в обобщающую теорию принятия решения.

Итак, в свете рассмотренных особенностей становится очевидным, что современная психология принятия решения находится пока не на собственно теоретическом, а на *претеоретическом уровне* своего развития. Вместе с тем, не менее характерно и то, что, находясь на этом уровне, она уже содержит многие из необходимых предпосылок для ее трансформации в целостную и обобщающую концептуальную систему, то есть в теорию. Содействие переводу психологии принятия решения на собственно теоретический уровень – это и есть основная, магистральная и стратегиче-

ская задача (точнее, «сверхзадача») ее развития на современном этапе. Предельно четко осознавая ее огромную сложность, мы в то же время считаем, что рано или поздно ее придется начинать решать, поскольку без такого рода попыток дальнейшее осязаемое продвижение в этой области уже вряд ли возможно.

Данная задача, являясь, повторяем, предельно многоплановой и комплексной, включает и такие исследовательские аспекты, которые выступают по отношению к ней *объективно главными*, базовыми и исходными. Одновременно они в наибольшей степени «подготовлены» к своему рассмотрению, а потому наиболее актуальны и реализуемы. В связи с этим именно их изучение должно выступать первоочередным в плане решения общей, сформулированной выше задачи, а их смысл состоит, на наш взгляд, в следующем.

Во-первых, разработка психологической *теории* решений именно как теории, то есть как концептуально целостной и *обобщенной* системы знаний, по определению предполагает необходимость синтеза – обобщения представлений об основных классах процессов принятия решения. Лишь в том случае, если концепция, претендующая на теоретическое познание какого-либо предмета, охватывает и объясняет все основные формы его экспликации и дает им обобщенную интерпретацию, она может обрести статус собственно теоретического знания, ранг теории как таковой. В силу этого, объективно главной выступает задача поиска, выявления и интерпретации общих и инвариантных закономерностей, которые, возможно, присущи всем основным классам процессов принятия решения. Более того, сама обобщающая психологическая теория принятия решения возможна лишь в том случае, если такого рода общие закономерности действительно существуют. В противном случае можно говорить лишь о возможности разработки ряда *частных* психологических концепций принятия решений – концепций индивидуальных, групповых, управленческих и т.п. решений.

В свою очередь, для того чтобы иметь возможность в той или иной форме поставить, а затем решить эту задачу, необходимо специально рассмотреть вопрос о том, какие же, собственно, классы процессов принятия решения являются основными, главными. Иными словами, *для того* чтобы обобщать их закономерности и

прежде чем обобщать, надо определить и обосновать, что же именно подлежит этому обобщению? Процесс обобщения как важный этап построения теории принятия решения требует определенной и достаточной базы: обобщение предполагает наличие обобщаемого. Проще говоря, возникает еще одна крайне важная, но не решенная до сих пор задача – задача разработки психологически обоснованной *таксономии* основных классов процессов принятия решения. До самого последнего времени вопрос о подобной таксономии и тем более вопрос о существовании общих и инвариантных закономерностей, присущих основным классам процессов принятия решения, повторяем, не только не был решен, но и практически не ставился в явной форме. И это вполне объяснимо, хотя и весьма негативно в плане разработки обобщающей концепции принятия решения. Дело в том, что разнообразие и разнокачественность процессов принятия решения настолько велики, что представляется почти невероятным объединить их в общую и согласованную таксономию, а тем более – выявить общие закономерности, которые характерны для всех них. Вместе с тем, обе эти проблемы допускают возможность достаточно конструктивной разработки с позиций развитой нами концепции *интегральных психических процессов*, которая и составляет одно из методологических оснований данного исследования.

Во-вторых, перевод психологии принятия решения с претеоретического уровня развития, характерного для нее сегодня, на собственно теоретический уровень обязательно предполагает реализацию и еще одного плана обобщения. Это, однако, уже не обобщение, производимое «внутри» самой проблемы принятия решения, а обобщение более высокого порядка. Дело в том, что стать действительно обобщенными и концептуально целостными (теоретическими) знания о процессах принятия решения могут лишь в том случае, если они будут органично и по возможности наиболее полно включены в *общий контекст* основной психологической проблематики (прежде всего – общепсихологической). Иными словами, встает задача трансформации самого статуса проблемы принятия решения и ее «возвышения» до уровня общепсихологической проблемы, а для этого – задача синтезирования существующих и вновь получаемых данных с ключевыми общепсихологическими категориями, закономерностями, направ-

лениями. Причем по вполне понятным причинам речь должна, прежде всего, идти о синтезе проблемы принятия решения с наиболее современными – новыми и новейшими общепсихологическими направлениями и полученными в них результатами; с направлениями, занимающими сегодня лидирующее положение в общей и экспериментальной психологии. В связи с этим весьма перспективной и даже необходимой представляется попытка теоретического синтеза проблемы принятия и *когнитивной психологии* в целом, а также *метакогнитивизма* в особенности. На наш взгляд, теория решений именно как теория, то есть как обобщенная система знаний, возможна лишь в том случае, если она будет сформулирована, осознана и раскрыта именно как *общепсихологическая*. Для этого, в свою очередь, должен быть найден и реализован тот «канал», который является в этом плане и наиболее обоснованным и наиболее конструктивным. Им, по нашему мнению, выступает современная когнитивная психология в целом и метакогнитивизм в особенности. Реализация данного положения составляет поэтому вторую основную задачу данной книги.

Формулируя основные задачи исследования, мы считаем необходимым еще и еще раз подчеркнуть, что предложенные в нем варианты их решения не являются, естественно, ни «единственно возможными», ни окончательными. Все они, скорее, лишь шаг на пути достижения общей и стратегической цели разработки обобщающей психологической концепции принятия решения. Вместе с тем, делая этот шаг, мы опираемся на уже достаточно обширный опыт исследования процессов принятия решения основных классов. Дело в том, что эта книга является непосредственным продолжением и в какой-то мере завершением большого цикла работ по проблеме принятия решения, выполненных нами ранее [32, 33, 34, 35, 36, 37, 39, 42, 44]. Их главным итогом явилась разработка ряда частных, специальных концепций – концепций индивидуальных, групповых, управленческих решений. Это обстоятельство, а также обобщающий характер задач данной книги определили собой и ее композицию, и содержание представленных в ней материалов. Она, наряду с новыми теоретическими и экспериментальными результатами, содержит также и данные, которые были опубликованы ранее, но которые подвергнуты здесь иной – более широкой и комплексной интерпретации.

* * *

Считаю своим приятным долгом выразить признательность моим сотрудникам, принимавшим участие в тех исследованиях, которые представлены в этой книге – И.М. Скитяевой, Е.В. Марковой, О.Л. Разумовской. Особая благодарность – Т.А. Корнеевой, выполнившей большую работу по подготовке монографии к изданию. И, наконец, еще об одном. Исследования, представленные в книге, равно как и само ее издание, стали возможными благодаря финансовой поддержке Российского Фонда фундаментальных исследований, за что мы также выражаем большую признательность и благодарность.

Глава 1. Обобщенная таксономия основных классов процессов принятия решения

1.1. Проблема разработки обобщенной таксономии процессов принятия решения

Одной из важнейших задач современной психологии принятия решения и стратегической перспективой ее развития является, как было отмечено во «Введении», необходимость разработки целостных, обобщающих, то есть собственно концептуальных представлений в данной области [26, 39, 42]. Лишь при этом условии возможен переход психологии принятия решения с претеоретического уровня развития на качественно иной – теоретический уровень. Это и условия преодоления ряда присущих ей сегодня негативных особенностей (в частности, эклектизма, описательности, нормативности, аналитичности, абстрактности и др.), а также условие ее синтеза с общепсихологическими представлениями и категориями.

В конечном счете, данная задача направлена на разработку обобщающей психологической теории принятия решения, потребность в которой в настоящее время ощущается все явственнее. Понятно, что ее разработка – это крайне сложная и труднореализуемая задача, точнее, даже “сверхзадача”, а ее полное решение – это, скорее, перспектива развития психологии принятия решения. Однако, в силу ее объективной важности и стратегического значения, любые шаги в направлении ее решения являются позитивными. Естественно и то, что именно в силу своего масштаба данная задача может решаться лишь поэтапно и постепенно – за счет множества исследований, направленных на ее различные аспекты.

Вместе с тем, решение этой наиболее фундаментальной задачи тормозилось и частично блокировалось до настоящего времени принципиальными трудностями концептуального и традициональ-

ного характера. Главными среди них, на наш взгляд, являются нерешенность (точнее, не вполне адекватное решение) трех следующих вопросов. Во-первых, *что* именно должно выступать *базой теоретического обобщения*, то есть на основе каких более частных концепций и представлений должно осуществляться развитие обобщающей психологической теории принятия решения (ПР)? Во-вторых, *как* конкретно реализовывать процедуру обобщения, по какой стратегии ее осуществлять? В-третьих, выполнение каких *условий* может считаться необходимым и достаточным для придания представлениям о процессах ПР собственно концептуального статуса?

Таким образом, для разработки системы обобщающих теоретических положений (которые впоследствии составят содержание обобщающей концепции принятия решения) необходимо вначале установить *объективно* существующие *инвариантные закономерности* основных классов процессов ПР. Именно их последующее отображение на концептуальном уровне (а также соответствующая интерпретация) является главным условием развития обобщающих представлений о процессах ПР. Можно видеть, что исходная основная задача (содействие разработке целостных и обобщающих представлений об основных классах процессов ПР) сводится к двум основным задачам. С одной стороны, необходимо установить, какие же именно классы (виды, типы) процессов ПР являются *объективно основными*, а с другой – выявить те главные *общие закономерности*, которые им присущи. Эти две задачи взаимосвязаны, поскольку решение второй из них предполагает решение первой и может осуществляться лишь после нее.

Сформулированные выше положения определили содержание и последовательность изложения материалов первых двух глав этой книги. Вначале (в первой главе) рассматривается первая из указанных проблем, а затем (в следующей главе) на основании результатов ее рассмотрения анализируется вторая основная проблема.

Вместе с тем, приходится констатировать, что такая вполне естественная с точки зрения “логики предмета” последовательность находится в определенном противоречии со сложившейся в психологии принятия решения ситуацией. Последняя характеризуется тем, что проблема *таксономии* процессов ПР – проблема ус-

тановления и обоснования их главных классов разработана явно недостаточно; отсутствует какая-либо единая и общая их классификация; не определена и полная совокупность их основных типов. Между тем понятно следующее: для того чтобы “обобщать” (вторая из указанных задач), надо уже знать, *что же именно* подлежит обобщению и какова *база обобщения*.

Наряду с этим, при решении указанных задач следует, разумеется, учитывать те результаты, которые были получены ранее при изучении таких важных классов процессов ПР, как *индивидуальные, групповые и управленческие* решения и которые представлены в работах [33, 35, 37, 39, 42, 44]. Эти результаты, с одной стороны, выступают условием и предпосылкой для поиска общих закономерностей процессов ПР; они дают для этого необходимые средства. Но с другой стороны, эти же материалы со всей очевидностью вскрывают реальную сложность организации процессов ПР, неоднозначность, а часто противоречивость и “взаимопроницаемость” их основных классов. Иначе говоря, анализ со всей остротой вскрывает явно недостаточную разработанность проблемы таксономии процессов ПР; показывает ограниченность и неполноту существующих традиционных представлений об основных классах этих процессов. Поэтому представляется необходимым уделить специальное внимание рассмотрению данной проблемы с учетом уже полученных в работах [33, 35, 37, 38, 39, 42, 44] результатов и тех “уроков”, которые следуют из них.

Каковы же главные из этих “уроков”? Что именно показывает явную неполноту существующих представлений о типологии процессов ПР? Какие аргументы заставляют рассматривать эту проблему как актуальную и начинать обобщение именно с нее?

Они обнаруживаются с самых первых шагов анализа и коренятся в самой сути задачи по обобщению закономерностей, присущих различным классам процессов ПР. Действительно, как отмечалось выше, *обобщение* предполагает “*обобщаемое*” – базу, основу для него. Исходный и нерасчлененный предмет исследования (процессы ПР как таковые) должен быть предварительно дифференцирован на его основные классы, отличающиеся друг от друга и по объективным, и по психологическим критериям. Эти классы и должны затем подвергаться обобщению, а его результаты должны рассматриваться как условие для формулировки обоб-

шающих взглядов относительно главных закономерностей организации процессов ПР.

В связи с этим возникает важный вопрос: какая дифференциация предмета (процессов ПР) доминирует в теории сегодня? Каково традиционно принятое и даже закреплённое в структуре самой теории ПР разделение процессов выбора на классы? Сложившийся к настоящему времени вариант ответа на данный вопрос очевиден и прост, причем настолько, что создается впечатление о полной разрешенности и всей этой проблемы. Он предполагает разделение всех типов процессов ПР на *индивидуальные* и *групповые* (то есть на *интраиндивидуальные* и *интериндивидуальные*) решения. Именно они и должны составлять, согласно господствующим в теории решений представлениям, “базу обобщения”, основу для развития обобщающих представлений о принципах выбора как таковых. Вместе с тем, такой подход является, на наш взгляд, недостаточным, о чем свидетельствуют те многочисленные трудности, противоречия и новые проблемы, к которым приводят попытки его реализации. Отметим некоторые из них.

Во-первых, это наиболее принципиальное соображение собственно методологического плана. Процессы ПР, в силу их сложности и интегративного строения, с полным правом должны быть отнесены к тем предметам исследования, которые в принципе не могут быть упорядочены, описаны и проклассифицированы по какому-либо *одному* основанию, одному критерию, “срезу”. Значительно более адекватен подход, базирующийся на *нескольких* основаниях одновременно, точнее – на их системе. И лишь во взаимодополнении этих оснований, в их взаимодействии исходный предмет может получить свое достаточно полное, многомерное раскрытие. Между тем традиционный подход как раз и противоречит сказанному, поскольку предполагает и закрепляет на уровне теории именно такое – *единственное*, “монопараметрическое” разделение процессов по одному основанию и выделение двух классов – индивидуальных и групповых. Их обобщение, разумеется, возможно и даже необходимо, но само по себе еще явно недостаточно. Оно будет лишь “парциальным обобщением” и должно дополняться обобщениями, проводимыми на иных классах, дифференцированных по иным основаниям. Дру-

гими словами, теоретическая база такого обобщения является *априорно зауженной*.

Во-вторых, в собственно теоретическом плане традиционно сложившееся основание дифференциации классов процессов ПР (на индивидуальные и групповые) также отнюдь не безупречно, о чем свидетельствуют многочисленные трудности и противоречия, к которым оно приводит. Все они обусловлены предельно общим и неспецифическим для собственно психологических задач характером этой дифференциации, которая к тому же базируется на критерии, не являющемся психологическим в строгом смысле.

Так, прежде всего, эти трудности связаны с тем, что в рамках дихотомии “индивидуальные – групповые решения” смешиваются и оказываются совершенно недифференцированными принципиально (то есть *качественно*) разные типы и классы процессов ПР. Например, это недифференцированность процессов ПР в *паритетных* и *иерархических* группах, которые, как было показано в [36, 44], различны именно в принципе – качественно, по своим механизмам. При этом наиболее показательно то, что процессы ПР в иерархических группах имеют существенно большее сходство с индивидуальными решениями, а не с групповыми. В результате оказывается, что их *межклассовое* сходство выше, нежели *внутриклассовое*, что, конечно, недопустимо и свидетельствует о явной ограниченности традиционной дихотомии “индивидуальные – групповые решения”. Кроме того, такое разделение “не чувствительно” к различению иных, крайне важных типов и даже классов процессов ПР. Например, в него “не укладывается” такой важнейший и качественно вполне специфический класс процессов ПР, каковыми являются процессы принятия управленческих решений.

Действительно, сама сущность управленческих решений такова, что они воплощают *одновременно* и основные черты индивидуального выбора, и важнейшие черты выбора совместного. Более того, мера выраженности характеристик и индивидуальных и совместных решений достигает в них максимума. Они образуют собой тот уникальный класс решений, который синтезирует в себе два традиционно изучаемых класса процессов ПР. Не переставая быть индивидуальным выбором, а, наоборот, выступая в его наиболее полном выражении, управленческие решения уже не могут быть поняты только как индивидуальные. Вместе с тем, являясь

наиболее сложным, иерархически организованным типом совместных решений, они не могут быть описаны только как таковые, поскольку именно через механизм иерархии включают в себя атрибутику индивидуального выбора. Поэтому они не допускают описания и раскрытия как чего-то одного (либо как индивидуальные, либо как групповые) или даже как их суммативного объединения. Такое раскрытие возможно лишь с позиций их понимания как тех, так и других *одновременно*, то есть с позиций *принципа дополненности* их и как индивидуальных, и как совместных [37, 42].

Данный вывод вполне согласуется с реальным положением вещей, которое эмпирически зафиксировано по отношению к управленческим решениям в более традиционных понятиях – ”диалектике единоначалия и коллегиальности” в выработке управленческих решений; “единстве координационного и субординационного моментов” в них. Проще говоря, управленческие решения – это и есть онтологически представленное *связующее звено* между индивидуальными и групповыми решениями. Теория же управленческих решений в ее собственно психологической части может и должна быть поэтому использована в качестве концептуального моста между теориями индивидуальных и групповых решений.

Далее, с позиций дихотомии «индивидуальные – групповые решения» практически невозможно дифференцировать процессы ПР в зависимости от специфики их *предмета* – направленности либо на преобразование и (или) выход из *объектных* ситуаций, либо из так называемых “*субъектных*” ситуаций (предполагающих интересубъектные взаимодействия и, следовательно, включенность рефлексивных процессов и механизмов). Перечень подобных трудностей и “упущений” можно было бы продолжать. Однако уже отмеченные из них свидетельствуют о недостаточности только традиционной дихотомии, о том, что она, имея право на существование, должна быть дополнена и уточнена иными критериями дифференциации.

В-третьих (и это непосредственно связано с предыдущим обстоятельством), в ходе анализа обнаруживаются дополнительные, не менее значимые, чем традиционно выделяемые, классы процессов субъективного выбора; вскрываются также и иные основания для их дифференциации. И прежде всего, это дифференциация по

главному, ведущему и наиболее “психологичному” критерию – по природе самого *предмета* выбора, то есть того, на *что* он направлен¹. В зависимости от этого можно и нужно дифференцировать процессы “*субъект-объектного*” и “*субъект-субъектного*” выбора. Если в первом случае процесс ПР разворачивается в основном на базе объектных детерминант и не предполагает в явном виде рефлексивного взаимодействия с иными субъектами, то во втором случае ведущими становятся межличностные детерминанты, а предметом выбора является предельно специфическая и даже уникальная реальность – сам субъект (“*другой человек*”), точнее – субъекты.

В этом плане возникает и более общая задача. Какие именно из реально существующих *критериев дифференциации* классов процессов ПР должны трактоваться как основные? Какое число таких оснований необходимо и достаточно для выявления и характеристики главных классов процессов ПР? Ниже мы попытаемся предложить один из вариантов решения этих вопросов.

В-четвертых, существенные и хорошо известные трудности возникают и в связи с определенной условностью традиционной дихотомии («индивидуальные – групповые» решения). Несмотря на ее, казалось бы, предельную простоту, очевидность и даже аксиоматичность, на деле все оказывается значительно сложнее. Например, Р. Кини и Г. Райфа, специально анализировавшие данную проблему, отмечают: “Мы могли бы показать, что ни одно решение никогда не является сугубо индивидуальным, хотя во многих случаях оно может представляться именно таким (во всяком случае – в первом приближении). Однако, если мы посмотрим глубже, то увидим, как взаимосвязаны все решения друг с другом и что любое решение является результатом групповых взаимодействий. С другой стороны, поскольку процесс принятия решений синтезируется в сознании совершенно конкретных людей, мы могли бы доказать, что каждый групповой выбор решения определяется личными решениями индивидуумов (возможно, очень многих) и, следовательно, *групповых решений как таковых – нет*” (выделено

¹ Напомним, что именно свойство предметности рассматривается как объективно главное свойство деятельности в целом; это же положение справедливо, по-видимому, и для ее компонентов, в частности для процессов принятия решения.

нами. – А.К.) [45]. И индивидуальные, и групповые решения – это, строго говоря, абстракции, “полюса” и “чистые”, а потому сугубо эксклюзивные типы. Реально любое решение является и индивидуальным (непосредственно или опосредствованно), и групповым (также – либо непосредственно, либо опосредствованно).

Аналогичные соображения могут быть высказаны и в отношении всех иных способов дифференциации. Например, практически ни одно решение не является ни чисто “субъект-объектным”, ни “чисто” “субъект-субъектным”, а представлено в некоторой переходной, комбинированной форме. Поэтому корректнее считать, что любая дихотомия и любое основание фиксирует не столько типы и классы, сколько определяет “полюса” *континуума*, которым может и должен характеризоваться процесс ПР. Таких континуумов существует несколько (например, “индивидуальные-групповые”; “субъект-объектные” – “субъект-субъектные” и др. – см. ниже). В каждом реальном процессе субъективного выбора они, кроме того, сочетаются, что требует привлечения для характеристики каждого из этих процессов не какого-либо одного, а *системы* таких критериев, оснований в их взаимодополнении.

Таким образом, любое основание дифференциации и, соответственно, выделяемые на его базе классы, типы процессов ПР – это преимущественно *гносеологические конструкты*, а не реально представленные их сущности, не *онтологические* реалии. Последние, будучи объективно комплексными, сочетают в себе множество аспектов, “срезов”, частных, хотя и важных, характеристик; могут быть описаны и объяснены лишь на основе *принципа дополненности* ряда критериев дифференциации. Те понятия, которые уже традиционно используются для классификации видов ПР (например, “индивидуальные” и “групповые”), и те, которые, возможно, должны быть для этого привлечены вновь (например, “субъект-объектные” и “субъект-субъектные” решения) – это, скорее, не указание на объективно представленные типы, а средства выделения в исходно целостном и многомерном явлении субъективного выбора тех или иных его сторон, аспектов, качественных параметров, представленных в единстве и взаимообогащении.

Все сказанное вскрывает упрощенность существующих в настоящее время традиционных представлений о таксономии основных классов процессов ПР, об их явной недостаточности, а ино-

гда – и об их “блокирующей роли” для развития обобщающих взглядов в этой области. Та дифференциация, которая сложилась сегодня и закрепились в теории, дает базу обобщения (два класса – индивидуальные и групповые решения), которая явно недостаточна и неполна для развития адекватных концептуальных представлений о процессах ПР. При этом речь идет не только о необходимости поиска новых критериев дифференциации, но и, возможно, о необходимости нового подхода к этой проблеме в целом. Такой подход, на наш взгляд, должен быть не “монопараметрическим”, а “полипараметрическим”; он должен базироваться не на одном основании, а на их системе. При этом он отнюдь не должен “отменять” существующие взгляды. Напротив, ассимилируя их, он должен одновременно – через осознание их ограниченности и частного характера – развивать и дополнять их, давая в итоге более полную и адекватную экспликацию реальной таксономии процессов ПР.

1.2. Основные критерии обобщенной таксономии процессов принятия решения

Как же может быть решена, хотя бы в первом приближении, эта весьма сложная и актуальная задача? Какой в итоге ее решения может быть более адекватная “база обобщения” для поиска инвариантных закономерностей организации различных классов процессов ПР? Не претендуя, разумеется, на полное решение данной проблемы, мы считаем возможным предложить один из его возможных вариантов. Исходный и главный вопрос формулируется при этом следующим образом. Какова реальная таксономия основных классов процессов ПР? На чем, то есть на какой системе этих классов, должен основываться поиск действительно общих и инвариантных закономерностей организации процессов ПР?

Сформулированную выше общую задачу целесообразно дифференцировать на три более частные подзадачи и попытаться последовательно их решить. Во-первых, необходимо обоснованно определить *главные критерии* – параметры дифференциации основных классов процессов субъективного выбора. Во-вторых, определить соотношения между этими критериями и свести их воедино, именно в *систему* критериев, оснований, преодолев тем

самым их рядоположенность. Система этих оснований может в дальнейшем послужить и собственно дифференциации классов как таковых. Наконец, в-третьих, установленные классы, являющиеся продуктами этой таксономической схемы, необходимо охарактеризовать и описать в плане их *основных* психологических *особенностей*. Рассмотрим сформулированные задачи.

Как известно, при решении задачи определения критериев классификационных и таксономических схем приходится иметь дело с двумя главными вопросами: *сколько и каких* критериев должно быть? На каком *основании* они должны выделяться? Во втором случае встает известная задача *нахождения критериев для отбора самих критериев*, задача определения “вторичных критериев”². Далее, для процессов ПР очень характерна представленность в любом их классе тех особенностей, которые присущи и иным классам выбора, то есть *совмещенность* их свойств. В силу этого выделение тех или иных “чистых” типов и классов является в принципе условным. Любой критерий дифференциации в большей степени фиксирует тот или иной “срез”, аспект в многомерной организации ПР; вскрывает ту или иную качественную грань, которая их различает. В результате этого на тех “полюсах”, которые образованы крайними значениями любого из критериев, условно выделяются некоторые формы процесса ПР; они традиционно и рассматриваются как его классы.

Вместе с тем в этом плане существует и еще одна важная закономерность: чем более общими и синтетическими (а значит, и “экологичными”) являются критерии дифференциации, тем более обоснованными и реальными оказываются представленные на “полюсах” значений критериев классы процессов ПР. Обобщенный критерий, который сам (по определению) интегрирует в себе ряд параметров, дает обычно более “онтологичную” дифференциацию на классы процессов ПР, описывает не параметры классов, а сами классы. И наоборот, если используется какой-либо частный и локальный критерий, то и производные от него типы ПР

² Ее своеобразие состоит в том, что она для своего решения требует некоторых дополнительных – уже “третичных” критериев – и так без ограничения. Эта задача, как известно, не имеет строго логического решения, а может быть разрешена лишь посредством наложения некоторого внешнего ограничивающего фактора [22].

будут с необходимостью условными. Они будут являться, скорее, *гносеологическими* конструктами, нежели *онтологически* представленной реальностью. Поэтому основным требованием к критериям является их, по возможности, высокая, а в идеале – максимальная степень обобщенности.

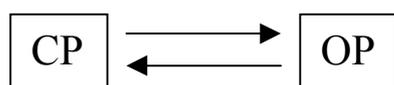
В свете сказанного, упрощается решение и еще одного – также трудного таксономического вопроса. Дело в том, что в принципе число возможных критериев дифференциации очень велико, а строго говоря, не ограничено. В особой степени это относится именно к процессам ПР как интегральным, многомерным, синтетическим, обладающим целой системой качественных “измерений” [35, 39, 42]. Поэтому в принципе их таксономия может иметь достаточно большую размерность. Если, однако, руководствоваться сформулированными выше требованиями соблюдения высокой меры обобщенности критериев, то это число сразу же резко снижается. Многие частные параметры и критерии начинают – именно в силу их обобщения – объединяться, входить в более общие основания. В результате число критериев *максимальной (или субмаксимальной)* степени обобщенности практически никогда не бывает большим. Размерность “пространства классов” субъективного выбора *обратно пропорциональна* мере обобщенности измерений, координат этого пространства (то есть критериев). Отсюда вытекают определенные следствия.

Уменьшение меры обобщенности критериев повышает размерность их “пространства”, приводит к большей дифференциации классов и типов, но резко (в геометрической прогрессии) затрудняет задачу их последующего обобщения. Именно эта ситуация и сложилась сегодня в психологии принятия решения, характерной чертой которой является очень *большое* число эмпирически установленных, локальных критериев дифференциации типов, классов процессов ПР, которые, однако, чрезвычайно трудно синтезировать и обобщить именно из-за их количества. Это выступает одной из главных причин отсутствия концептуально целостной обобщающей теории принятия решения. И наоборот, чрезмерное повышение меры обобщенности критерия дает недопустимо “грубую” дифференциацию, не отражающую реального многообразия классов процессов ПР. Это также очень характерно для современной психологии принятия решения: она, как известно,

использует в основном лишь *один, но зато максимально обобщенный* критерий (критерий разделения на индивидуальный и групповой выбор). В результате “база обобщения” оказывается априорно зауженной и неадекватной.

На наш взгляд, существует выход из этой ситуации, характеризующейся, как следует из сказанного, противоречивыми особенностями. Он “подсказывается” сформулированной выше закономерностью. По-видимому, мера обобщенности критериев должна быть хотя и очень высокой, но все же не “предельной”. Таксономия поэтому должна быть не “единичной”, то есть базироваться не на одном максимально обобщенном критерии, а на сочетании критериев, которые можно обозначить как *субмаксимальные*. Они, с одной стороны, не являются предельными по степени своей обобщенности, а потому дают более содержательную дифференциацию, нежели максимально обобщенный критерий. Но, с другой – они все же обладают очень высокой мерой обобщенности и потому определяются теми или иными важнейшими сторонами процессов ПР в целом, их базовыми инвариантными характеристиками. В связи со сказанным возникает проблема определения этих – основных и инвариантных закономерностей, которые не только могут, но и должны быть положены в основу дифференциации главных классов процессов ПР.

Несмотря на свою очевидную теоретическую сложность, данная проблема может быть решена, по нашему мнению, вполне естественным способом. Действительно, *любой* процесс ПР в его *максимально обобщенном* виде может быть описан следующей схемой (“формулой”), имеющей обобщенно-структурный смысл. Эта схема абстрагирована от содержательных характеристик выбора и фиксирует лишь его “каркас” – связи его основных образующих. Она имеет очень простой вид³:

Такая намеренно симплифицированная схема показывает, что при *самой* первой и *самой простой* дифференциации структуры

³ В этой схеме «CP» символизирует субъекта решения, а «OP» – объект решения.

процессов ПР выявляются *три* его базовых компонента, которые одновременно являются *инвариантными и главными* для любого класса этих процессов (два структурных – СР и ОР и один функциональный – связи между ними). Тем самым, эта, повторяем, намеренно упрощенная, но не становящаяся от этого менее универсальной (а скорее, наоборот) схема дает необходимые ориентиры для определения главных критериев, оснований дифференциации классов процессов ПР. Она непосредственно указывает, что таких критериев (оснований) должно быть также *три* – соответственно числу ее компонентов. Наряду с этим, она “подсказывает” – определяет, какие именно по *содержанию и смыслу* должны быть эти критерии.

Первый критерий (и, соответственно, основание таксономии) соотносится с тем компонентом, который обозначен на схеме как “СР”. Это означает, что данный критерий должен базироваться на каких-либо фундаментальных различиях *организации* самого субъекта выбора в процессах ПР. Речь при этом должна идти не о тех или иных частных и локальных различиях, а о различиях максимально обобщенных. Они должны быть по своему масштабу такими, чтобы образованные в соответствии с ними “полюса” *охватывали собой весь диапазон* типов субъективного выбора. Очевидно, что такими наиболее глобальными различиями субъектной основы процессов ПР как раз и является дифференциация на индивидуальный и интериндивидуальный (коллективный, групповой, совместный) выбор⁴.

Таким образом, можно видеть, что данный критерий приводит к такой дифференциации, которая фактически эквивалентна традиционно используемой в теории решений – к выделению индивидуальных и групповых решений. И это весьма конструктивно для вновь разрабатываемой таксономической схемы. Во-первых, традиционно существующее разделение процессов ПР на два их главных класса “не отменяется”, не отрицается ею, а напротив, органически входит в нее (хотя к ней не сводится). Во-вторых, обнаруживается, что этот критерий, несмотря на его большую значи-

⁴ Например, по отношению к проблеме деятельности это приводит к основной дифференциации двух важнейших ее классов – индивидуальной и совместной деятельности.

мость, никак нельзя считать единственным и исчерпывающим (что преобладает сегодня в психологии решений). Напротив, через преодоление «постулата его единственности», а также в рамках общей структурной схемы субъективного выбора он обретает свое истинное место. Отметим и то, что именно он – в силу его наибольшей очевидности – достаточно рано был использован в теории решений для дифференциации основных классов процессов ПР.

Второй критерий (и, соответственно, основание таксономии) соотносится с тем компонентом схемы, который обозначен как “ОР”. Он хотя и менее очевиден, чем первый, но более глубок и психологичен, в большей степени соответствует психологической природе процессов субъективного выбора. Действительно, уже с момента возникновения теории принятия решений как самостоятельного научного направления – причем даже *вне* собственно психологических подходов был четко осознан тот фундаментальный психологический факт, что процессы выбора могут быть различными именно по данному параметру. Прототипом формулировки этого критерия явилось разделение Дж. фон Нейманом и О. Моргенштерном всех ситуаций выбора на “*игры с природой*” и “*рефлексивные*” игры [67]. На “психологическом языке” такое разделение означает дифференциацию двух качественно различных типов ситуаций выбора. Первый не предполагает представленного в явном виде взаимодействия “решателя” («субъекта решения») с “другими людьми”, субъектами и тем более – воздействие на них через реализацию выбора. Это так называемые “субъект-объектные” ситуации. Второй тип ситуаций, напротив, включает в себя межличностные взаимодействия как основное средство выработки решений. Однако главное состоит в том, что самим *предметом* выбора здесь также выступает определение способов своей деятельности и поведения в отношении “других субъектов”, выбор способов воздействия на них и (или) управления ими. Это так называемые “субъект-субъектные” ситуации.

Можно видеть, таким образом, что при переходе к ситуациям второго типа коренной – качественной трансформации подвергается не какой-либо частный (хотя и важный) компонент выбора, а

его главный атрибут – *предмет выбора*⁵. Предметом “приложения” базовой – регулятивной функции процесса ПР здесь выступает либо организация собственного поведения в отношении других субъектов, либо даже непосредственно организация их поведения, деятельности (как, например, в процессах принятия управленческих решений). Предметом выбора становится, таким образом, столь специфический внешнеположенный объект, каким выступает сам *субъект* (точнее – субъекты), “другие люди”, “социальные объекты” (по Дж. Брунеру [101]). Тем самым возникает качественно иная организация выбора в целом, при которой его субъект и объект оказываются и “равномощными” по своим возможностям, и идентичными по механизмам своего функционирования, и вообще как бы односущностными. Это активизирует, в частности, систему рефлексивных взаимодействий, что также придает уникальность данному классу процессов ПР.

Следует подчеркнуть, что во многих других (как правило, более развитых, нежели психология принятия решения) областях и направлениях психологии давно осознан и реализован в исследованиях факт принципиальных различий “субъект-объектных” и “субъект-субъектных” взаимодействий. В этом плане достаточно отметить, например, качественную специфичность процессов “социальной перцепции”, дифференциацию в структуре общего интеллекта так называемого “социального интеллекта”⁶. В процессах ПР как наиболее сложных и комплексных психологических явлениях указанные различия, по-видимому, не только сохраняются, но и усиливаются, выходят на первый план.

⁵ В этой связи необходимо еще раз подчеркнуть, что именно этот атрибут – свойство предметности – является основным и для деятельности в целом, и для ее дифференциации на виды, типы, классы. Она претерпевает наибольшие трансформации при его изменении [56].

⁶ Есть основания считать, что указанная закономерность носит общий, как бы «сквозной» для всех психических явлений характер. Ее примеры широко известны, хотя до сих пор не получили должной теоретической интерпретации (это, скажем, специфика сенсорно-перцептивных процессов при использовании в качестве стимула лица человека; специфический подтип мнемических процессов – так называемая «память на лица», еще более «дробный» подтип памяти – «память на имена», являющаяся разновидностью процессов «семантической памяти», и др.).

Констатация этого важного, на наш взгляд, обстоятельства не должна, однако, вести к его абсолютизации. Следует помнить, что разделение всех классов выбора на “объектный” и “субъектный” подчиняется *общему правилу* критериев их дифференциации. Дело в том, что подавляющее большинство ситуаций реального выбора включают в себя компоненты обоих этих классов, характеризуются как “субъект-объектными”, так и “субъект-субъектными” детерминационными взаимодействиями. Они тем самым являются *комбинированными*. Поэтому и сами “субъект-объектные” и “субъект-субъектные” ситуации – это, так сказать, их “чистые” типы. Они образуют “полюса” определенного диапазона, внутри которого пропорция между ними существенно меняется. В силу этого каждая реальная ситуация локализуется внутри данного диапазона; о ней можно говорить как о принадлежащей к тому или иному типу в большей или меньшей степени.

Сочетание рассмотренных критериев, взятых хотя бы в их элементарном – дихотомическом виде, уже дает новую – *двухмерную* типологию процессов субъективного выбора (в отличие от одномерной – традиционно принятой). Взяв “полюса” этих критериев и скомбинировав их, можно получить матрицу размерностью 2×2 , включающую четыре основных класса процессов ПР (см. табл. 1).

Она, являясь более полной, нежели разделение решений на индивидуальные и групповые, включает и систематизирует четыре фундаментальные и качественно различные сферы существования основных (эмпирически установленных) типов процессов ПР. Она поэтому вполне достаточна для решения многих теоретических задач. Вместе с тем, только этих двух критериев еще недостаточно для адекватной экспликации реально существующих основных классов субъективного выбора. Это вытекает и из того, что пока “охваченными” являются не все три, а только два компонента общей схемы субъективного выбора.

Двухмерная типология классов субъективного выбора

Форма субъекта решений	Направленность (предмет решений)	
	«Объектная» (О)	«Субъектная» (С)
Индивидуальная (И)	ИО	ИС
Групповая (Г)	ГО	ГС

Примечание: ИО – «индивидуальные объектные решения», что соответствует «абстракции индивидуального» выбора как основного предмета современной психологии решений; ГО – «групповые объектные» решения, что соответствует традиционной трактовке понятия «процессы групповых решений» и составляет основной предмет психологии групповых решений; ИС – «индивидуальные субъектные» решения, что соответствует процессам межличностных, в том числе и коммуникативных, решений; ГС – «групповые субъектные» решения, что соответствует, во-первых, процессам принятия межгрупповых решений; во-вторых, соотносится с механизмами внутригруппового давления.

Кроме того, четыре дифференцированные «сферы существования» процессов ПР и, соответственно, четыре их класса являются пока весьма общими, точнее – недостаточно *специфицированными* в плане психологических особенностей процессов ПР в них.

Двухмерная типология хотя и более содержательна, нежели традиционная – одномерная, но пока неполна, «уплощена» (в прямом смысле – то есть представлена плоскостной схемой). Реальная же организация субъективного выбора – опять-таки в прямом смысле – *многомерна*, требует выхода в некоторое «пространство»; предполагает введение, по крайней мере, еще одного – *третьего* «измерения». Между тем задача выявления этого третьего измерения наиболее сложна по сравнению с двумя уже рассмотренными. Согласно нашим представлениям (см. схему на с. 23), оно связано не с тем или иным ее структурным компонентом, а с *отношением*

между ними. Какой же содержательно-психологический смысл оно имеет?

Для того чтобы ответить на данный вопрос, необходимо привлечь некоторые основные положения современной психологии принятия решений – как теоретического, так и методологического плана.

Очевидно, что с содержательной стороны отношение субъекта и объекта решений, их взаимодействие в выборе – это и есть сам *процесс*, ход выработки и принятия решения. Он детерминируется всей совокупностью характеристик субъекта решения и его объекта. В очень большой мере это содержание, конкретные варианты его организации зависят, естественно, от уже рассмотренных качественных различий в структуре субъекта и природе объекта решений.

Вместе с тем, одним из основных положений теории решений является тезис, согласно которому содержание процесса ПР *несводимо* к совокупности субъектных и объектных детерминант, то есть зависит не только от характеристик субъекта и объекта выбора. Дело в том, что, наряду с так называемыми “*решенческими*” факторами (в число которых и входят особенности субъекта и объектной ситуации), существует важная категория “*внерешенческих*” факторов. Они, не будучи связанными непосредственно ни с информационными, ни с иными характеристиками ситуации, ни с особенностями “*решателя*”, действуют как бы извне, привносятся в процесс выбора со стороны средовых (но поэтому – и наиболее экологичных, мощных) детерминант. Тем самым “*внерешенческие*” факторы задают или даже определяют конкретный *режим* реализации процессов выбора. Речь при этом идет, естественно, не только о режиме как “*совокупности условий*” (например, временных условий). Это – *вся* система требований, условий и ограничений, накладываемая на процесс выбора извне средой (социальной, профессиональной, бытовой, “*вещной*”) ⁷.

В конкретных и особенно экспериментальных исследованиях, однако, очень трудно учесть отмеченную детерминацию. Вполне закономерно поэтому, что она практически не учитывается в тра-

⁷ Безусловно, главную роль в этой “*средовой*” детерминации играют именно факторы социальной макро- и микросреды.

диционных для теории решений схемах экспериментов, а также явно недостаточно включена и в ее концептуальные схемы. Этим обусловлена, в частности, *аналитичность* современной психологии решений: “субъект-объектные” отношения в ходе решений рассматриваются преимущественно лишь “изнутри” – в плане их собственных детерминант, но в недостаточной увязке с реальной и сильной внешнесредовой детерминацией. Для преодоления этой аналитичности необходимо, на наш взгляд, включить уже в саму таксономию основных классов субъективного выбора такой критерий, который воплощал бы в себе “внерешенческие” (средовые, экологичные – в широком смысле) факторы, задающие общий режим и образующие контекст для осуществления данного процесса.

Таким образом, можно видеть, что задача определения третьего критерия прямо связана с фундаментальными проблемами теории решений: с проблемой ее *экологической валидности*; с проблемой перехода от аналитической парадигмы ее изучения к системной; с проблемой синтеза “решенческих” и “внерешенческих” факторов как двух основных категорий детерминант процессов выбора.

Далее, сама категория “внерешенческих” факторов (как системы внешних детерминант) чрезвычайно разнообразна, гетерогенна и многомерна. Ее очень трудно (если вообще возможно) “свернуть” до одного “измерения”. На наш взгляд, более конструктивно определить в этой широкой системе такой параметр, который играл бы в ней *главную* роль, а затем реализовать его в типологии классов субъективного выбора. Очень показательным, что эта весьма сложная задача тем не менее решается достаточно естественным образом⁸. Ответ на него непосредственно вытекает из основных эмпирических и теоретических данных и даже из их общей – философской интерпретации.

Действительно, в теории решений “красной нитью” проходит положение о существовании фундаментальной зависимости между содержанием процессов ПР и *мерой* накладываемых на них *внешних ограничений* как таковых – безотносительно к их конкретному

⁸ Такой естественный характер решения проблемы определения третьего критерия можно рассматривать как своеобразный индикатор его корректности.

содержанию. Однако указанный фактор (мера, степень внешних ограничений) по определению является очень *обобщенным*, интегрирующим в себе *все* частные внешние “ограничители”. Тем самым он и по этому параметру – степени обобщенности – наиболее адекватен задачам построения обобщенной типологии основных классов процессов ПР.

Определяющая роль данного фактора раскрыта во многих исследованиях, отражена в важных феноменах, положена в основу ряда специальных концепций. Отметим лишь некоторые из них. Так, один из наиболее фундаментальных феноменов теории решений – явление “добровольного – принудительного выбора” [94, 110, 147, 153] фактически *эквивалентно* сути данного критерия. Эти два класса субъективного выбора различаются именно *качественно*, причем практически по всем объективным и субъективным параметрам, чему есть огромное количество экспериментальных и фактических подтверждений [95, 97, 105, 109, 132, 136, 156]. Частным, но очень важным проявлением этого общего феномена являются существенные различия так называемого “инициативного” и “навязанного” выбора, специфичность “проактивного” выбора по сравнению с “реактивным” [48].

Далее, в ряде концепций и, прежде всего, в «теории реактивного сопротивления» Д. Брема [98] именно этот феномен, будучи взятым за основу, также вскрывает его фундаментальное значение; показывает качественные трансформации процессов ПР, обусловленные им. Причем речь идет не только о перестройках и вариантах самих процессов ПР, но и о качественной специфичности *личностных* реакций на него.

Кроме того, следует отметить и то, что даже такая очень общая личностная типология, как дифференциация по параметру “локуса контроля” (на интерналов и экстерналов), по существу, также базируется на анализируемой здесь закономерности. В конечном итоге, сам локус контроля – это то, как субъект трактует и интерпретирует степень своей свободы; на основе чего он пытается строить свое поведение и свой выбор: либо на приоритете “внутренних”, либо на приоритете “внешних” факторов; либо пытается сам его *определить*, либо исходит из его *предопределенности* внешними (экстернальными) факторами. Даже на уровне философского осмысления проблемы принятия решения именно этот

параметр занимает не просто ведущее, но и эксклюзивное положение. Ничто так сильно не влияет на выбор, как степень его свободы или “несвободы”. Это нашло закрепление и в классической философской проблеме “свободы воли”, и в оппозициях фатализма и волюнтаризма, детерминизма и индетерминизма и др. [1, 9, 66, 151].

Наконец, очень показательным и то, что “внутри” этого обобщенного, многопараметрического (и, повторяем, объективно одного из главных) фактора столь же естественным образом дифференцируется его ведущий, как бы “стержневой” параметр. Излишне, по-видимому, доказывать, что во всей системе внешних ограничений и “внерешенческих” детерминант ведущую и определяющую (а очень часто – и предопределяющую) роль чаще всего играют факторы *социального* плана, социально-психологического порядка. Именно социум в целом, социальная микросреда в особенности и конкретные межличностные отношения в частности образуют ту совокупность наиболее сильных “ограничителей”, “внерешенческих” факторов, которая задает ту или иную степень “свободы-несвободы” выбора. Эти ограничения могут выступать в самых разных формах, начиная от норм морали и права, этических норм и правил и кончая, допустим, “взаимными обязательствами” или отношениями “доминирования-подчинения”. Любой “нормальный”, то есть реализующийся в естественных условиях и под влиянием “экологичной” – социальной детерминации выбор, именно в силу своей исходно социальной природы несвободен. Однако мера этой “несвободы” может существенно различаться, что и дает в итоге разные варианты субъективного выбора.

Данный параметр (критерий) допускает возможность адекватной операционализации, поскольку существует четкий и вполне однозначный его эквивалент, используемый в теории решений. “Свободный” выбор – это “на языке” теории решений – “добровольный”, “инициативный”, “ненавязанный”, “проактивный” выбор. “Несвободный” выбор – это, соответственно, “принудительный”, “навязанный”, “реактивный” выбор. Следует учитывать и то, что общая мера зависимости субъекта от *социальной* ситуации, а значит, и степень “свободы” выбора сильнее всего зависит от аналогичных, то есть также *социально-психологических* причин. Она чаще всего определяется реальным

социальным статусом субъекта решений, который задает степень его “свободы-несвободы”. Поэтому данный критерий в целом наиболее адекватно может быть операционализирован как параметр “паритетных решений (равноправных, не испытывающих принуждения со стороны других субъектов решения) – иерархических решений” (предполагающих включение социальных “механизмов несвободы” – иерархии, принуждения, власти)⁹.

1.3. Структура и содержание обобщенной таксономии основных классов процессов принятия решения

На основе проведенного в предыдущем параграфе анализа можно выделить *три* основных критерия дифференциации классов субъективного выбора и, соответственно, три базовых основания, система которых и должна быть реализована в их обобщающей таксономии:

1. Индивидуальные решения	———>	Групповые решения
2. «Субъект-объектные» решения	———>	«Субъект-субъектные» решения
3. Паритетные решения	———>	Иерархические решения

Эти три критерия – основания в значительной мере *ортogonalны* по отношению друг другу (хотя и не полностью, что выдвигает самостоятельную проблему их взаимосвязи,

⁹ Показательно, что именно этот параметр, хотя, конечно, и в силу иных причин и иной логики, выделился как главный и в теории *групповых решений* (дифференциация групп и групповых решений на два основных типа – паритетные и иерархические). Следует иметь в виду, что само понятие паритетности, в действительности, шире, чем его использование в словосочетании “паритетные группы” или “паритетные решения”. По отношению к групповым решениям оно означает равноправие, равностатусность членов группы в их правах по выработке решения. По отношению к индивидуальному выбору это понятие несколько модифицируется и расширяется: оно означает непредопределенность решений со стороны внешних социальных детерминант, паритетность как независимость индивида и процесса решения.

“совмещенности” – см. ниже). Сочетание этих критериев может быть поэтому отображено трехмерной, то есть пространственной моделью, где они представлены именно ортогонально и образуют три основные координаты (см. рис. 1).

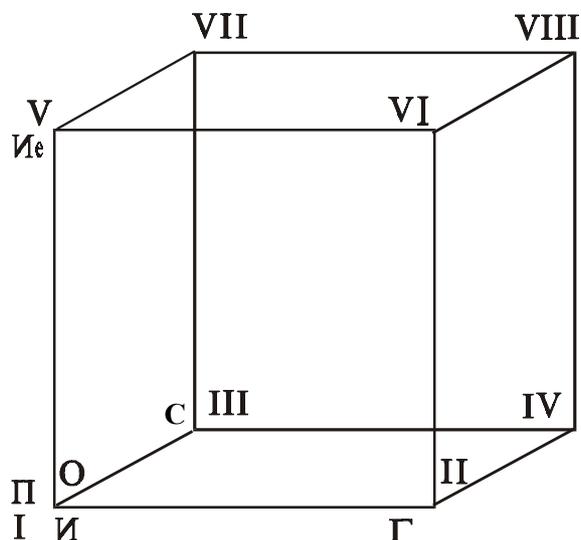

Рис. 1. Геометрическое представление взаимосвязи основных классов объективного выбора

Можно видеть, что пространственная модель представлена в виде куба, вершины которого образованы всеми восемью возможными сочетаниями “полюсов” трех критериев-оснований, положенных в ее основу. Отсюда вытекают два следствия. Во-первых, внутри куба, поскольку он образован наиболее общими параметрами субъективного выбора, располагается аналогичное, то есть также *общее пространство субъективного выбора*, включающее все иные его – более локальные типы, виды, формы и т.д. Во-вторых, каждое из восьми основных сочетаний «полюсов» есть не что иное, как символизация *основных классов* процессов ПР, образующих в совокупности их обобщенную *таксономию*.

Очень показательно и то, что данная таксономия обладает следующими важными свойствами. 1. Она включает все известные, в том числе и традиционно выделяемые в теории решений в качестве основных, классы процессов ПР. 2. Она является более общей, нежели существующие таксономические схемы, указывает на существование качественно иных – также основных классов. 3. Она охватывает предельно широкий (по существу, исчерпывающий) круг реальных ситуаций деятельности и поведения, в которых

имеют место процессы ПР. 4. Она упорядочивает эти классы, позволяя представить их не как аддитивную, рядоположенную совокупность, а как целостную структуру, поскольку она раскрывает также и закономерные связи между ними.

Таким образом, модель указывает на существование не двух и даже не четырех основных классов субъективного выбора, а восьми таких классов. Уход от “плоскостной” (табл. 1) и тем более “линейной” классификации позволяет преодолеть “уплощенность” первой и примитивность второй и выйти в *реальное пространство* процессов ПР, в значительно большей степени охватить все их реально существующие – главные классы. Суть этих классов может быть резюмирована в следующем виде (см. табл. 2).

Таблица 2

Основные классы процессов принятия решения

<i>Таксономический класс процессов ПР</i>	<i>Таксономическая «формула» класса ПР</i>	<i>Феноменологический тип процессов ПР; основная сфера представленности</i>
Индивидуальные объектные паритетные	ИОП (вершина I куба)	Процессы принятия индивидуальных решений; индивидуальная деятельность.
Групповые объектные паритетные	ГОП (вершина II)	Процессы принятия групповых решений; совместная деятельность.
Индивидуальные субъектные паритетные	ИСП (вершина III)	Процессы принятия межличностных решений; групповое функционирование.
Групповые субъектные паритетные	ГСП (вершина IV)	Процессы принятия межгрупповых решений; интергрупповое функционирование.
Индивидуальные объектные иерархические	ИОИе (вершина V)	Процессы «принудительного выбора»; индивидуальная деятельность и поведение.
Групповые объектные иерархические	ГОИе (вершина VI)	Процессы «принудительного группового выбора»; совместная деятельность и групповое поведение.
Индивидуальные субъектные иерархические	ИСИе (вершина VII)	Процессы принятия «неравно-статусных», «принуждающих»

<i>Таксономический класс процессов ПР</i>	<i>Таксономическая «формула» класса ПР</i>	<i>Феноменологический тип процессов ПР; основная сфера представленности</i>
ческие		(властных) решений; иерархические межличностные взаимодействия.
Групповые субъектные иерархические	ГСИе (вершина VII)	Процессы принятия управленческих решений; совместная деятельность иерархического типа.

Таким образом, рассмотренные материалы позволяют представить все известные сегодня, эмпирически установленные и феноменологически описанные виды и типы процессов субъективного выбора как теоретически возможные их *главные классы*. При этом не все из описанных эмпирически видов, типов, форм входят в таксономию, а лишь те, которые удовлетворяют системе трех критериев, воплощенных в ней, – ее главных оснований. Так, можно видеть, что в таксономической схеме отражены и индивидуальные, и групповые решения (два традиционно выделяемых класса); и “добровольный” выбор и “принудительный” выбор (к которым относятся решения 1-го и 5-го классов – “паритетные индивидуальные” и “иерархические индивидуальные”); и процессы управленческих решений; и «неравностатусные» межличностные решения, и межгрупповые решения, а также и иные, описанные эмпирически классы процессов ПР.

Кроме того, схема дает и новые сочетания, предписывающие выделение в качестве именно главных и таких классов, которые пока не дифференцированы в теории решений. В частности, это процессы VI класса. Их можно обозначить еще и как процессы принудительного группового выбора. «Принудительный» выбор выделен и исследован в качестве одного из классов ПР для индивидуальных решений. Он, однако, не менее типичен и для групповых решений – для ситуаций, когда не индивид, а группа в целом ставится перед необходимостью осуществлять принудительный выбор. Как показывают исследования [36, 44, 127, 146], он обладает явной спецификой, отличающей его от “добровольного группового выбора” ничуть не меньше, чем принудительный индивидуальный выбор отличается от добровольного индивидуального

выбора. Например, именно в условиях “принудительного группового выбора” происходит резкая максимизация механизма “реактивного сопротивления”: он трансформируется из интраиндивидуального в интериндивидуальный план, усиливается за счет группового резонанса и обретает такую степень интенсивности, которая либо блокирует сам выбор («феномен саботажа»), либо придает ему контрнаправленность по отношению к “навязываемой” группе задаче.

Итак, данная таксономия является более *полной*, нежели все существующие, и включает их в себя в качестве *частных* случаев. Она дает поэтому наиболее полное и структурированное представление об основных – базовых классах процессов субъективного выбора. При этом, естественно, следует еще раз подчеркнуть условность и неполноту любой гносеологической конструкции, каковой является и предложенная модель. Она обладает лишь определенной степенью приближенности к реальной многомерности “онтологического пространства” субъективного выбора. Это пространство является, по-видимому, не трехмерным, а многомерным – *n*-мерным. Однако, поскольку в основу модели положены объективно главные и наиболее обобщенные параметры процессов ПР, то и представленная в ней номенклатура также охватывает аналогичную, то есть основную совокупность реально существующих классов. Адекватность предложенной модели определяется, на наш взгляд, не только относительно большей полнотой номенклатуры включенных в нее классов. Дело в том, что данная модель дает и их структурное, то есть целостное представление в их существенных взаимосвязях. Такое – именно структурное – представление позволяет установить ряд следствий, свидетельствующих не только о констатирующе-описательных, но и об объяснительных особенностях модели.

Первое из них состоит в том, что любой класс процессов ПР, дифференцированный лишь по какому-то одному критерию, является принципиально гетерогенным, неоднородным даже в своих основных качественных проявлениях и поэтому не может считаться, строго говоря, унитарным. Действительно (см. рис. 1), если взять крайние полюса всех трех критериев по отдельности («индивидуальные – групповые»; «субъект-объектные – субъект-субъектные»; «паритетные-иерархические»), то могут быть выде-

лены шесть классов субъективного выбора – соответственно по два для каждого критерия. Они образуют на рис. 1, однако, не “точки”, а плоскости. Каждая из этих плоскостей образована сочетанием двух других критериев-оснований и дает дифференциацию, как минимум, на четыре основных класса. Например, одна из плоскостей, соотносящаяся с традиционно выделяемыми индивидуальными решениями, включает в действительности четыре разных класса процессов субъективного выбора (вершины куба I, III, V, VII). Все они обозначают качественно различные процессы ПР (ср., например, классы V и VII: индивидуальный “принудительный” выбор в объектных ситуациях и «принуждающий» выбор в субъектных ситуациях). Аналогичным образом, еще одна плоскость, соотносящаяся с групповыми решениями, также включает четыре качественно разных класса (вершины II, IV, VI, VIII). Здесь, в частности, можно указать на принципиальные различия классов II и VIII, то есть различия паритетных и иерархических групповых решений.

Итак, ни традиционные, выделенные по критерию “индивидуальные – групповые” два класса субъективного выбора, ни любые иные классы, выделяемые по одному критерию, не являются, строго говоря, классами. Монопараметрическая дифференциация дает группы классов; эти группы качественно гетерогенны. В пределах каждой группы, а также в целом реальные классы раскрываются как бы “через самих себя”, через соотнесение друг с другом. При этом каждый критерий дает “на полюсах” его значений группу из четырех классов. Внутри каждой из шести групп классов они образуют некоторый “срез” – плоскость качественных проявлений субъективного выбора. Но точно так же и сами эти “плоскостные” отображения согласованы друг с другом, поскольку эти плоскости образуют целостную конфигурацию: каждая пара плоскостей имеет общую грань, а расположенные на ней классы являются общими для них. Тем самым каждый из восьми классов (вершины куба) одновременно входит в две из шести групп (грани куба) и уже самой своей принадлежностью к ним одновременно их и синтезирует. Все 12 граней куба символизируют эти связи, придавая тем самым «полносвязность» всем группам классов и жесткость, законченность всей этой конструкции.

В свете сказанного отчетливо обнаруживается и реальная взаимосвязь классов процессов ПР, а также групп (таксонов) этих классов. Каждый из них фактически может быть понят и объяснен через соотнесение с другими. Поэтому и представленная их схема, вскрывающая всю совокупность этих соотносительных взаимодействий, образует развернутую структуру для адекватного обобщения результатов, полученных в отношении каждого класса процессов ПР.

Второе основное следствие состоит в следующем. Все сказанное выше относительно связей классов процессов ПР и способов их представления фиксировало, так сказать, гносеологический аспект данной проблемы. Он, однако, имеет под собой соответствующую онтологическую базу. Это означает, что в представленной выше системе отношений между классами процессов ПР в той или иной мере отражены их реальные связи, соподчинения, взаимопереходы. При этом вполне естественно, что онтологически субъективный выбор богаче и сложнее, чем его любое – даже комплексное и многомерное гносеологическое представление. Последнее по необходимости огрубляет и упрощает реальную сложность субъективного выбора уже самим фактом выделения классов, критериев их дифференциации и пр. Все они суть познавательные конструкции. Они фиксируют не непосредственно онтологические сущности, а те или иные меры приближения к ним. Строго говоря, не существует ни “чистых” классов ПР, ни их таксономических групп, ни даже критериев. Все это лишь некоторые “асимптоты”, крайние и предельные случаи, выделение которых условно, хотя и полезно, поскольку способствует решению познавательных задач. На деле же именно в силу “несуществования” чистых классов и их взаимосвязанности, любой класс процессов выбора включает элементы всех иных классов и в некотором смысле «состоит из них». И лишь на основе того, что *пропорция*, соотношение трех базовых параметров в каждом классе существенно различны, можно говорить и о самих этих классах.

Из сказанного следует также, что ни на “вершинах” куба (классы), ни на его “гранях” (критерии), ни даже на его “плоскостях” (таксоны классов) не расположен ни один реальный процесс ПР. Последние размещены именно *внутри* куба – в *пространстве*, образованном им. Каждый реальный выбор характери-

зуется сочетанием не предельных значений по каждому из трех критериев (например, не существует абсолютно индивидуальных или абсолютно групповых решений), а их значений, лежащих внутри некоторого континуума. Поэтому и любой акт выбора, находясь внутри этого куба, может быть представлен как точка, имеющая вполне определенные координаты. Эти координаты локализуют его в общем пространстве субъективного выбора, задают его “формулу”.

Детерминанты, механизмы, факторы, принадлежащие к разным классам процессов выбора, настолько органично и полно синтезированы друг с другом, настолько взаимопроникаемы и «взаимополагаемы», что обнаруживаются в любом из классов. По отношению к основным классам процессов ПР с полным правом может быть поэтому применено выражение “все состоит из всего” [50, 58, 73]. Три базовые координаты процессов ПР входят в любой из них, обеспечивая их адекватность реальной сложности задач выбора; лишь благодаря этому выбор обретает свое важнейшее свойство – свойство *реализуемости*. Субъективный выбор как онтологическая реальность вообще может существовать лишь благодаря синтезу этих трех “измерений”. Здесь уместно, на наш взгляд, прибегнуть к следующей аналогии.

В общей психологии для описания и дифференциации целостного содержания психики традиционно принято использовать три базовые категории – процессов, свойств, состояний. Это своего рода три “координаты” для ее описания. Но именно описания: онтологически, то есть реально, в любом психическом акте обнаруживаются все три указанных “измерения”. Любое сколь-нибудь сложное психическое явление имеет и свой процессуальный аспект, и предстает как актуальное динамическое состояние, и характеризуется атрибутивной связью со свойствами субъекта – своего носителя, а также само имеет систему определенных свойств. Но точно так же, как “процессы”, “свойства”, “состояния” образуют “пространство психического”, три основные координаты субъективного выбора образуют его собственное пространство, внутри которого заключено все множество его классов. Каждая комбинация координат (класс) обязательно включает синтез всех трех координат, точнее, является этим синтезом.

Третья особенность предложенной модели состоит в следующем. Она образована сочетанием координат-критериев; в ней реализовано также и предположение об их ортогональности. С точки зрения классификационных и таксономических задач это предположение правомерно, поскольку резко упрощает решение исходной проблемы. Вместе с тем, следует учитывать и его определенную условность, помнить о его роли в качестве познавательного средства. Реально, как показывают исследования [39, 42], три основные координаты субъективного выбора не вполне ортогональны, а их конфигурация характеризуется определенной “косоугольностью”.

Дело в том, что существует следующая психологическая закономерность организации процессов ПР. Их усложнение по какому-либо одному критерию не является произвольным и не связанным с их изменениями по иным критериям, но, напротив, предполагает их (хотя и весьма опосредствованно). Например, чем в большей степени выбор разворачивается как групповой (а не индивидуальный), тем в большей степени он обретает черты иерархической организации и все менее предстает как паритетный. Чем более выбор имеет “субъектную направленность”, тем в большей степени в него включаются групповые детерминанты и механизмы принуждения, “давления” (то есть иерархии).

Таким образом, усложнение по любому из критериев связано с усложнением по другим критериям и даже предполагает, требует его в целях собственной организации. Выбор не может усложняться только по какому-либо одному критерию, не сопровождаясь аналогичными изменениями и по другим критериям.

Данная закономерность проявляется и в развитии основных форм процессов ПР. Например, как показано в [44], объединение субъектов в группу (исходно – паритетную) сопровождается вначале формированием, соответственно, групповых решений (усложнение по первому критерию). Оно, однако, столь же объективно переводит решения из их преимущественно “субъект-объектной” направленности в “субъект-субъектную” плоскость, связанную с реализацией групповой, совместной деятельности (усложнение по второму критерию); оно вообще для этого и предназначено. Однако этот же процесс сопровождается и усилением механизмов иерархической организации групповых решений (усложнение по третьему

критерию). Проще говоря, “одноименные” полюса критериев как бы “притягиваются” друг к другу; они взаимно более конгруэнтны, нежели противоположные полюса. Тем самым и переход от одного полюса к другому стимулирует и предполагает аналогичные сдвиги по иным критериям.

Итак, в свете сказанного очевидно, что три координаты процессов ПР могут быть поняты и как три *вектора усложнения* его организации. Причем последние, строго говоря, не вполне ортогональны, поскольку усложнение по какому-либо одному из них сопряжено с аналогичными перестройками по двум иным и предполагает их (а они, в свою очередь, обеспечивают усложнение по первому).

Сделанное заключение вскрывает еще одно – четвертое основное следствие из представленной модели. Действительно, если все координаты процессов ПР являются одновременно некоторыми “векторами” его изменений (и в целом – усложнения), а также сопряжены друг с другом, то отсюда вытекает следующее. Во-первых, должна существовать и некоторая “равнодействующая”, образованная системой этих “векторов”. Во-вторых, она должна иметь определенную направленность, совпадающую с общей направленностью исходных “векторов”. Иными словами, процессы ПР не могут усложняться (и вообще – изменяться) только по какому-либо одному параметру, критерию. Точнее, это эксклюзивные случаи, лишь подтверждающие общую закономерность. Но если это так, если и структурно, и функционально, и генетически усложнение процессов выбора происходит сопряженно по всем трем координатам, то можно, по-видимому, говорить и еще об одном – о наиболее обобщенном континууме трансформаций классов процессов ПР. Он выступает производным, точнее, интегральным по отношению к трем рассмотренным континуумам и поэтому является мета- или *гиперконтинуумом*. На одном его полюсе – сочетание исходных значений трех критериев: это индивидуальные, объектно-направленные, паритетные решения. На другом – сочетание их конечных значений; это групповые, субъектно-направленные, иерархические решения.

Благодаря такому представлению и в особенности введению понятия гиперконтинуума, обнаруживается дополнительная немаловажная закономерность, на которой целесообразно остановиться

подробнее. Действительно, можно видеть, что общий гиперконтинуум образован такими сочетаниями значений критериев, которые имеют четкие, однозначные, прямые *эквиваленты* в существующей сегодня психологической теории решений и которые являются в ней одними из наиболее традиционных объектов изучения. Так, сочетание «индивидуальные – субъект-объектные – паритетные» есть не что иное, как классический и «излюбленный объект» теории решений – *индивидуальные* решения как таковые (“абстракция индивидуального выбора”). Это индивидуальный выбор в его аналитически упрощенной, исходной, но и наиболее демонстративной форме. И именно он благодаря наибольшей очевидности, показательности и простоте явился исходным ее предметом, продолжает выступать основным объектом изучения в психологической теории решений.

Однако и противоположный полюс этого гиперконтинуума не менее характерен. Он символизирует другой и столь же показательный в теоретическом плане класс процессов ПР – *управленческие* решения. Они, как следует из модели, есть не что иное, как продукт последовательного усложнения исходного класса (индивидуальных решений) одновременно по всем трем критериям (от индивидуальных к групповым; от объектно-направленных к субъектно-направленным; от паритетных к иерархическим). Это индивидуальные решения в «третьей степени», то есть в прямом и в переносном смысле – *в кубе*¹⁰.

Очень характерно и то, что именно управленческие решения, как известно, явились одними из наиболее “ранних” объектов научного изучения в рамках общей проблемы ПР: стали ими еще до того, как возникла собственно психологическая теория решений. Они были “распознаны” и осознаны в качестве предмета научного исследования на самых ранних этапах развития данной проблемы.

¹⁰ При этом возникает определенное «терминологическое неудобство», когда об «индивидуальных» и «управленческих» решениях приходится говорить как о разных классах, дифференцировать их концептуально. На деле же управленческие решения – это те же индивидуальные решения, но обогащенные и дополненные влиянием иных факторов (см. рис. 1). «Индивидуальные» решения на ней соотносятся в большей мере только с их исходным типом – с «абстракцией индивидуального выбора» (как главным предметом психологической теории принятия решения).

Во всем этом проявляется одна из наиболее общих закономерностей научного познания (и индивидуального тоже). Полюса – “края” континуума некоторой качественной определенности распознаются и раньше, и отчетливее, и полнее, нежели его средние, “промежуточные” значения [11]. И лишь после того как они распознаны и первоначально изучены, познание (в том числе и психологическое – в рамках теории решений) переходит к исследованию тех форм существования предмета, которые соотносятся со значениями внутри самого континуума. По этому закону зарождалась, развивалась и продолжает развиваться вся психология ПР. Вначале ее предметом выступили: исходная – относительно наиболее простая форма процессов ПР («абстракция индивидуального выбора», то есть индивидуальные решения); а также его наиболее сложная форма (управленческие решения). Тем самым в ее сферу исследования были включены именно “края” общего континуума. И лишь затем эта сфера обогащается теорией групповых решений, изучающей класс (и его варианты), располагающийся “внутри” континуума. Однако, поскольку не все значения внутри данного континуума сводятся к групповым решениям, а их существует, по крайней мере, еще пять, то и дальнейшее развитие обобщающей теории принятия решения должно последовательно включать их в сферу своего изучения.

1.4. Стратегия обобщения психологических закономерностей основных классов процессов принятия решения

Представления о гиперконтинууме классов процессов ПР, сформулированные в параграфе 1.3, позволяют определить сферу *предмета* психологической теории решений. Они же, однако, позволяют выработать и стратегию, то есть общий *метод* его исследования, а также принципы обобщения результатов, раскрывающих особенности каждого из его классов. Вообще говоря, возможны два варианта такой стратегии. Один из них заключается в том, чтобы подвергнуть изучению, а затем обобщению все основные классы процессов субъективного выбора, образующие его общий континуум. Это максимально обоснованный и корректный способ. Он, однако, при существующем, то есть недостаточном,

уровне развития психологии принятия решения сопряжен с принципиальными трудностями.

Во-первых, далеко не все основные классы раскрыты в ней в той мере, которая допускала бы саму процедуру их теоретического обобщения. Во-вторых, даже те классы, которые относительно изучены, раскрыты все же очень неравномерно, что также затрудняет обобщение. В-третьих, и сама процедура полного обобщения также – именно по причине своей полноты – крайне затруднительна. Это, в силу отмеченных обстоятельств, скорее, перспектива развития обобщающей теории принятия решения, ее конечная цель.

Наряду с этой, возможна и иная стратегия обобщения данных о закономерностях организации процессов ПР. Она более реализуема в свете современного состояния психологии ПР и более компактна, хотя, как мы постараемся показать далее, не менее корректна.

Обратимся вновь к схеме, представленной на рис. 1. Как следует из этой модели, ни один из трех критериев по отдельности не дает дифференциации классов, а приводит (на полюсах критериев) к выделению таксона из четырех классов. Так, например, некорректно говорить о “групповых решениях” вообще как о некоторой качественной определенности. Такая абстрактная трактовка нивелирует то важное обстоятельство, что сами они включают качественно гетерогенные классы выбора (паритетные групповые и иерархические групповые). Точно так же и “индивидуальные решения” очень резко дифференцируются в зависимости от сочетания других критериев. Отсюда следует, что пары (“индивидуальные – групповые”, “объектно-направленные – субъектно-направленные”, “паритетные – иерархические” решения) вообще нельзя поэтому рассматривать как принадлежащие к количественному континууму. Их неправомерно трактовать в свете понятий “более сложные” и “менее сложные”, то есть с оценочных позиций. Индивидуальный выбор ничуть не “проще” группового, паритетный – иерархического, а “объектно-направленный” – “субъектно-направленного”. Это суть разные, качественно специфические, а не «более или менее» сложные решения.

Однако если рассматривать уже не обобщенные таксоны, а именно конкретные сочетания значений критериев, то складывается

ся иная картина. Эти сочетания – именно в силу своей большей конкретности и определенности – не только должны быть поняты как качественно различные, но и могут быть интерпретированы также с оценочных позиций – в плане их сравнительной сложности. И хотя данный параметр все же будет сохранять при этом некоторую условность, тем не менее он и возможен, и необходим. Он будет показывать “общий вектор” усложнения основных классов процессов выбора.

Так, комбинация исходных (и потому относительно неразвернутых, а в этом смысле и “более простых”) значений всех трех критериев дает сочетание “индивидуальные – объектные – паритетные” решения, что, как отмечалось выше, эквивалентно традиционно выделяемому и широко изучающемуся классу “индивидуальных решений”. Сам факт того, что он явился исходным предметом изучения в теории решений, а также изучен несопоставимо лучше, чем все они, свидетельствует о его сравнительно меньшей сложности. Этот же факт свидетельствует об «индивидуальных решениях» (точнее – об «абстракции индивидуального выбора») как о базовой и *прототипической*, но не вполне развернутой форме процессов субъективного выбора в целом. Фактически сам этот класс есть продукт некоторого упрощения и абстрагирования: от групповых детерминант, от субъектной направленности выбора, от отношений иерархии.

Другой полюс континуума, наоборот, образован сочетанием конечных значений всех трех критериев (а потому – в их уже развернутой форме, в более комплексном, сложном их проявлении): “групповые – субъектно-направленные – иерархические решения”. Это сочетание символизирует собой такой класс процессов ПР, в котором уже сняты все исходные упрощения и ограничения, допущенные абстракции и который, следовательно, является наиболее сложным из всех иных. Он, как показано, выше, эквивалентен еще одному – также достаточно изученному типу процессов субъективного выбора – управленческим решениям.

Итак, можно видеть, что все восемь классов процессов ПР упорядочиваются вдоль гиперконтинуума, а его полюса образованы при этом, соответственно, относительно наиболее простым классом (“индивидуальные – объектные – паритетные” решения) и относительно наиболее сложным классом (“групповые – субъект-

ные – иерархические”). Подчеркнем еще раз, что этот гиперконтинуум не является количественным; он включает классы, характеризующиеся качественными различиями. Однако именно благодаря существенным различиям в своих качественных особенностях классы характеризуются и разной степенью сложности, развернутости, комплексности. На полюсах гиперконтинуума располагаются такие теоретически возможные сочетания критериев, которые имеют прямые эквиваленты в понятийном аппарате психологии принятия решения. Это индивидуальные и управленческие решения, что также показательно. Индивидуальные решения как относительно менее сложный класс, “наиболее изучаем” – доступен исследованию, хотя и наименее “экологичен”. Управленческие решения как наиболее сложный класс, наименее доступен изучению, хотя и наиболее актуален с точки зрения его практической значимости. Отсюда совершенно понятно, что именно они и выступили (хотя и в силу прямо противоположных причин) наиболее “ранними” экспликациями общего предмета психологии субъективного выбора: один в силу наибольшей “изучаемости”, другой – в силу наибольшей значимости.

Итак, несмотря на некоторую схематизацию, все восемь классов, действительно, образуют некоторый гиперконтинуум, описывающий их разную сложность, развернутость, комплексность. Вдоль него обнаруживаются двойкие изменения. Во-первых, имеет место смена качественных типов – классов субъективного выбора, то есть качественные трансформации процессов ПР. Во-вторых, на фоне этих качественных трансформаций и, более того, благодаря им прослеживаются изменения сложности, развернутости процессов субъективного выбора.

Далее, важно подчеркнуть, что все значения обобщенного континуума образованы различными сочетаниями тех же самых критериев – параметров, что и полюса этого континуума. Это значит, что на всем континууме сохраняются те наиболее общие качественные характеристики, которые обнаруживаются на его полюсах. Отсюда вытекает принципиальное следствие: та наиболее общая качественная определенность, которая фиксируется *даже* на полюсах континуума, не может не воспроизводиться на его “промежуточных значениях”.

Однако отсюда с такой же строго логической необходимостью вытекает еще одно следствие. Те закономерности, которые присущи “крайним” значениям континуума (то есть процессам индивидуальных и управленческих решений) и являются *общими для них одновременно*, должны быть присущи *и всем* другим значениям континуума (сохраняться во всех иных классах процессов ПР, быть также общими для всех классов). Поясним сказанное: «средние» значения континуума могут включать закономерности, которых нет у наиболее простого его значения. Наиболее сложное значение континуума, в свою очередь, может включать то, чего нет у средних значений. Однако те закономерности, которые есть и у простейшего, и у наиболее сложного из значений *одновременно*, будут обязательно присущи *и всем промежуточным* значениям. Это общее правило, которому подчиняется любой качественный континуум, в том числе и любая уровневая структура: “низшее” не исчезает в высшем, а, сохраняя свои базовые закономерности посредством их усложнения и внесения дополнительной организации, воспроизводится в качественно преобразованном виде в “высшем”¹¹. Поэтому для обнаружения общих закономерностей организации процессов ПР необходимо и достаточно установить инвариантные закономерности, присущие именно их “крайним” классам.

Таким образом, проведенный анализ позволяет заключить, что второй возможной и столь же корректной стратегией обобщения данных о различных классах процессов ПР является поиск инвариантных закономерностей, присущих не всем, а лишь двум, но «крайним» значениям их общего континуума. Помимо того, что данное заключение существенно упрощает задачу обобщения особенностей основных классов и фактически делает ее решаемой, оно вскрывает и еще одно важнейшее обстоятельство. Обобщению должны быть подвергнуты отнюдь не те два класса, которые, каза-

¹¹ В этом плане можно привести множество иллюстраций данного закона. Например, в структуре когнитивной иерархии те *общие* свойства, которые обнаруживаются на ее “краях” (то есть у ощущения и мышления) с необходимостью воспроизводятся, сохраняются и на всех ее промежуточных значениях – уровнях когнитивной иерархии, то есть, проще говоря, присущи всем иным когнитивным процессам, являются *общими для всех* когнитивных процессов.

лось бы, «заслуживают» этого (то есть те, которые традиционно рассматриваются в качестве основных – индивидуальные и групповые). Это малоперспективный (или даже неоправданный, тупиковый) путь, что убедительно подтверждается и реальным состоянием психологии принятия решения – несинтезированной теорией индивидуальных решений и теории групповых решений.

Обобщению должны подвергаться не «самоочевидные» и «простые» для распознавания классы выбора, а те, которые действительно достойны этого, являются обоснованными результатами логико-теоретического анализа. Они, эти классы, расположены на «краях» общего континуума основных классов процессов ПР. Закономерности, присущие им обоим, сохраняются и на всех промежуточных его значениях, то есть являются общими для всех классов процессов ПР (хотя, конечно, каждый из классов имеет и дополнительные по отношению к ним особенности, образующие его качественную специфичность). Эти общие для “крайних” классов и поэтому для всех иных классов процессов ПР закономерности и должны быть, на наш взгляд, поняты как наиболее значимые и инвариантные особенности всех классов процессов ПР. Они, в силу этого, могут быть положены в основу разработки обобщающих представлений о главных классах процессов ПР в целом.

В свете сказанного обнаруживается также, что теории индивидуальных и управленческих решений имеют, помимо своего прямого назначения, еще и методологическое значение. Именно их обобщение, синтез полученных в них данных – это и ключ, и основа для построения обобщающей теории принятия решения. Одна из них (первая) берет общий предмет в его относительно простейшей форме – в форме неразвернутой, а часто и преднамеренно упрощенной. Однако это один из классов процессов ПР, где уже представлены все его основные закономерности, его качественная определенность. Другая (теория управленческих решений) берет этот же предмет в его сложнейшей форме – в форме, в которой на фоне сохранения качественной определенности процессов ПР возникают новые грани, свойства, свидетельствующие о его выраженной качественной специфичности. Все переходные между этими двумя классами формы процессов ПР суть последовательные качественные спецификации этих процессов на фоне сохранения их качественной определенности. Поэтому сравнительный анализ

“простейшего” и “сложнейшего” классов открывает путь к обнаружению инвариантных закономерностей, присущих всем переходным между ними классам. Вместе с тем, сказанное не означает, конечно, того, что все иные классы решений и, прежде всего, групповые решения вообще не должны входить в «базу обобщаемого» – в состав тех классов, на основе которых должно проводиться обобщение основных особенностей процессов принятия решения. Как раз наоборот: и в силу относительно наибольшего уровня изученности, и в силу объективной значимости, и в силу многих иных причин, групповые решения обязательно должны быть учтены при разработке обобщающих представлений о процессах принятия решения.

Глава 2. Общие закономерности основных классов процессов принятия решения

2.1. Методологические основы обобщения закономерностей организации процессов принятия решения

Проведенный в предыдущей главе анализ показывает, что наиболее конструктивной стратегией развития концептуальных представлений о процессах ПР в целом может быть обобщение тех закономерностей, которыми обладают процессы, прежде всего, двух его «полярных», базовых классов – *индивидуальные* и *управленческие* решения¹². Одновременно такое обобщение должно обязательно учитывать и данные, характеризующие еще один важнейший класс процессов ПР – *групповые* решения, верифицироваться и корректироваться ими. В связи с этим представленный в данной главе анализ базируется на приоритетном обобщении закономерностей именно базовых классов процессов ПР – индивидуальных, управленческих и групповых.

Такой синтез и обобщение имеющихся и вновь получаемых результатов должен, в свою очередь, осуществляться в *двух* основных планах. Первый – это обобщение “*внутри*” каждого из классов: синтез всей совокупности полученных о каждом классе данных и приведение их в концептуально целостную, то есть собственно теоретическую, систему. Второй – это обобщение “*между*” классами, направленное на поиск инвариантных закономерностей, присущих основным классам, и формулировка на этой

¹² Подчеркнем еще раз, что терминологически рядоположенное употребление этих понятий не вполне удобно и традиционно. При использовании этих понятий следует помнить и о сложных отношениях «индивидуальных» и «управленческих» решений, рассмотренных выше.

основе общих положений психологической концепции процессов ПР. Последовательность “внутриклассового” и “межклассового” обобщений и составляет *общую стратегию* разработки такой концепции. Ниже мы попытаемся определить ориентиры конкретной реализации такой стратегии, а также рассмотреть некоторые из основных результатов, к которым она приводит.

Что касается внутриклассового обобщения, то эта задача фактически эквивалентна задаче перевода разработанных и вновь формулируемых представлений об индивидуальных, управленческих и групповых решениях на собственно теоретический уровень. Это задача трансформации претеоретической фазы их развития в собственно теоретическую. Как было показано в наших предыдущих работах [37, 39, 42, 44], стратегия ее решения непосредственно определяется логикой собственного развития проблем индивидуального, группового и управленческого выбора, а также основными методологическими императивами разработки целостных концептуальных представлений о них. Дело в том, что в плане развития и современного состояния проблем индивидуальных решений, управленческих и групповых решений обнаруживаются сходные – наиболее принципиальные черты.

Так, в ходе их разработки накоплен огромный фактический материал, оформились основные исследовательские направления, сформулированы важные теоретические положения. Все многообразие направлений и аспектов их исследования, подходов и проблем, результатов и концепций при их видимом и достаточно явном разнообразии “стягивается”, однако, в итоге к некоторым “узловым”, инвариантным задачам. Действительно, уже сами по себе попытки определения специфических психологических характеристик процессов индивидуальных и управленческих решений (вообще – выяснения их специфичности как предмета исследований и отношений с другими, сходными с ним объектами изучения), ставят проблему определения их *психологического статуса*, а также нахождения той более общей *метасистемы*, в которой они обретают свою онтологическую представленность. Далее, наиболее развитое – феноменологическое направление с логической необходимостью приводит в конечном итоге к постановке задачи раскрытия *структурной* организации процессов ПР всех основных классов. Это задача выявления тех имплицитных

детерминант, которые лежат в основе системы всех феноменологических и эмпирически фиксируемых проявлений процессов выбора. Процессуальное направление с такой же необходимостью ставит в итоге вопрос о тех закономерностях и принципах, которые обуславливают *процессуальную динамику* выработки и индивидуальных, и управленческих, и групповых решений, то есть вопрос об их *функциональной* организации. Широко представленное эмпирическое направление разработки процедур тренинга управленческой деятельности также ставит комплекс теоретических проблем, но связанных уже с *генетическими* закономерностями процессов принятия решения, с особенностями их формирования в деятельности.

Безусловно, каждый из указанных аспектов общей проблемы ПР раскрыт еще далеко не в той мере, в какой он этого заслуживает, что отражает ее недостаточный в целом уровень разработанности. Более того, в рамках каждого из них все еще преобладают устойчивые общие и не вполне позитивные традиции, причины которых коренятся в логике развития подходов и способов ее разработки. Это, как мы уже отмечали выше, отчетливая прагматическая ориентация исследований, их эмпиризм и феноменологизм, доминирование дескриптивно-описательного подхода над объяснительным, а также аспектный способ изучения, обратной стороной которого часто выступает эклектизм при попытках синтезирования полученных с разных точек зрения результатов при разработке обобщающих концептуальных схем. Все это выдвигает на первый план задачу обобщения, синтеза результатов. Ее решение уже не только необходимо, но и возможно именно в силу богатства, “уровня подготовленности” к этому сложившихся воззрений. Однако наиболее характерно в этом плане то, что логика развертывания каждого из основных направлений, сложившихся в русле теорий индивидуального, управленческого и группового выбора, приводит к постановке проблем собственно теоретического характера – проблемы *качественной определенности* процессов выбора, их психологического *статуса* (онтологии), а также проблем их *структурной, функциональной и генетической* организации. Совокупность указанных проблем воспроизводит, таким образом, *общий гносеологический инвариант* основных планов исследования, который выступает императивом любого собствен-

но теоретического исследования. И наоборот, лишь при раскрытии предмета изучения во всех планах этого инварианта можно считать, что знание о предмете достигло уровня своей теоретической зрелости, преодолело свою изначальную мозаичность и “аспектность”.

В связи со сказанным мы хотели бы обратить внимание на обстоятельство, которое обычно не формулируется в явном виде, хотя оно представляется важным в плане развития концептуально целостных представлений об изучаемом предмете. Как известно, в методологии системного подхода сформулированы представления о некотором инварианте основных “призм” видения предмета, синтез которых необходим для его полной и целостной, то есть собственно системной, характеристики [3, 50, 58, 73]. Данный инвариант включает:

1. Выявление качественной определенности и качественной специфичности предмета через установление его системообразующего фактора и включения в контекст определенной метасистемы, в которой он получает свое конкретное “внутрисистемное” бытие (онтологический аспект исследования).

2. Раскрытие структурных особенностей предмета, предполагающее установление его компонентного состава и механизмов структурирования компонентов в целостность.

3. Выявление особенностей системы в ее динамическом аспекте, то есть установление закономерностей ее процессуальной, функциональной организации.

4. Выявление закономерностей развития изучаемого предмета, представленных в снятом виде и на уровне его зрелого функционирования, то есть системы генетических закономерностей.

5. Изучение обобщенных и интегративных по их природе и механизмам свойств предмета – его системных качеств. Они характеризуют предмет как целостность, обуславливают (наряду со всеми иными) его истинное содержание и психологический статус.

При сопоставлении этих двух инвариантов (общегносеологического, раскрывающего структуру научных теорий, с системным, служащим для целостной экспликации предмета) можно видеть, что они не просто подобны, но и фактически *изоморфны*. Следовательно, само знание о предмете уже как система, а не конгломерат отдельных аспектов становится таковой в том случае, когда оно

воспроизводит в своей организации все основные атрибуты системной организации самих объектов. Иначе говоря, знание достигает уровня теории и становится теорией в строгом смысле этого понятия тогда, когда оно само становится системой. Или еще проще: теория – это знание, удовлетворяющее атрибутам системной организации; знание, достигшее ступени системной организации. Такой вывод вполне согласуется со сложившимися в методологии системного подхода представлениями и содействует их развитию в его гносеологическом варианте. Данный вывод позволяет определить смысл и конкретные ориентиры для разработки теоретических представлений в области изучения процессов ПР. Действительно, опираясь на него, становится очевидным, что для придания существующим представлениям в этой области должной степени концептуальной целостности их следует, во-первых, развивать именно по сформулированным – инвариантным направлениям; во-вторых, делать это во взаимосвязи их друг с другом, в синтезе пяти выявленных аспектов. Два этих условия являются необходимыми и достаточными для разработки частных, специальных теорий, связанных с изучением каждого из основных классов процессов субъективного выбора.

Итак, стратегия внутриклассового обобщения должна быть образована последовательностью ряда основных гносеологических этапов, планов познания, предписываемых общенаучным принципом системности: онтологическим (раскрытие качественной определенности и качественной специфичности предмета), структурным, функциональным и генетическим. Через синтез получаемых при их реализации результатов формируется целостное представление о предмете, преодолевается односторонность его “аспектного”, аналитического (то есть претеоретического) изучения. Одновременно в них основные закономерности предмета получают свое объяснение в плане главных *типов причинности* – структурной, функциональной, генетической. Поэтому совокупность полученных при реализации такой стратегии результатов сама характеризуется чертами системности, а значит, и концептуальной целостности. Совокупность знаний, организованная как система, и есть, по существу, теория как таковая. Все это выступает решающим условием для перевода существующих и вновь получаемых данных о процессах выбора с претеоретического на соб-

ственно теоретический уровень. Он, повторяем, тем и отличается от первого, что знания на нем перестают быть совокупностью или конгломератом, обретают статус системы гносеологического типа – статус теории. Предмет раскрывается в них целостно – во всех его основных измерениях.

Именно такая последовательность этапов (планов) изучения и была положена в основу проведенных нами исследований процессов индивидуальных, управленческих и групповых решений, основные результаты которого представлены в [32, 33, 35, 36, 37, 39, 42, 44].

Последовательная реализация данной стратегии в этих работах по отношению к основным классам принятия решения позволила разработать ряд частных, специальных психологических концепций – концепций индивидуальных, групповых и управленческих решений и др. Все они должны составлять, на наш взгляд, основу для развития обобщающих представлений о процессах ПР в целом, то есть для разработки *обобщающей психологической концепции* принятия решения. Эта наиболее масштабная задача требует, однако, обобщения данных уже не “внутри”, а между основными классами процессов принятия решения. Сама обобщающая концепция объективно возможна лишь в том случае, если различные классы процессов ПР действительно обладают системой общих особенностей и закономерностей; если они вообще характеризуются степенью общности, превосходящей меру различий между ними. Поэтому и задача «межклассового» обобщения может быть сформулирована как задача поиска инвариантных (общих) закономерностей различных классов процессов ПР. Причем речь должна идти именно о главных, определяющих закономерностях, составляющих качественную определенность этих классов, а не просто о «тех или иных» их общих особенностях. Но отсюда следует, что “межклассовое” обобщение должно осуществляться *по тем же самым* направлениям, – планам общего предмета, по которым реализуется “внутриклассовый” синтез результатов и которые предписываются общегносеологическим инвариантом. В нем отражены пять важнейших категорий закономерностей; если они будут иметь существенное подобие (или даже – значимое сходство) у всех обобщаемых классов процессов выбора, то, следовательно,

именно эти закономерности и должны рассматриваться как основное содержание обобщающих представлений о процессах ПР.

Именно такое обобщение уже не только необходимо (с точки зрения гносеологического инварианта системного исследования), но и возможно, осуществимо, хотя бы в его первом приближении. Дело в том, что при исследовании каждого из основных классов процессов ПР (индивидуальных, управленческих и групповых) нами, как отмечалось, была реализована последовательность тех планов, которые и предписываются этим инвариантом. В силу этого в качестве основы для “межклассового” обобщения должны быть использованы изложенные в указанных выше работах результаты исследования этих трех классов процессов выбора. При этом подчеркнем еще раз, что сравнению подлежат максимально различные по всей системе основных качественных параметров классы процессов ПР. И если у этих максимально *различных* классов существуют *общие* закономерности, то они же будут общими и для классов выбора, отличающихся от них в меньшей мере.

Предваряя дальнейшее изложение, отметим, что наиболее общий вывод такого сравнения состоит в том, что общность основных классов процессов ПР не только действительно существует, но и выражена достаточно явно и очень многопланово. Поэтому ниже мы специально рассмотрим наиболее важные – основные закономерности организации процессов ПР, которые имеют принципиальное значение для развития обобщающих представлений об этих процессах. Ими, как это и предписывается принятой здесь стратегией, являются пять основных аспектов анализа, обусловленные общегносеологическим познавательным инвариантом (онтологический, структурный, функциональный, генетический, интегративный).

2.2. Интегративно-психологический статус процессов принятия решения

Черты принципиального сходства сопоставляемых классов процессов субъективного выбора обнаруживаются с самых первых шагов их сравнения. Они проявляются уже в наиболее общих – собственно методологических проблемах и следствиях из их анализа. И прежде всего, это вопросы о самом психологическом *статусе*

процессов индивидуальных, управленческих и групповых решений; об их отношениях с другими объектами психологического исследования и месте в категориальной системе психологии; о качественной определенности предмета исследования; о методологических принципах и конкретных методах их исследования. Все эти общие (и в плане их “ранга”, и в плане принадлежности к исследованию как индивидуальных, так и управленческих, а также групповых решений) вопросы дают по отношению к столь разным классам процессов ПР принципиально сходное решение. Оно базируется на понятии *интегральных процессов регуляции деятельности* и развитых на его основе представлениях. Согласно им, индивидуальные решения трактуются как интегральный процесс регуляции индивидуальной деятельности; управленческие решения – как интегративный процесс регуляции совместной деятельности иерархически организованного типа; групповые решения – как аналогичный процесс организации и координации группового функционирования. Эти представления подробно рассматриваются в [29, 31, 32, 37, 39, 42].

Именно такая трактовка позволила, с одной стороны, предложить решение сформулированных выше вопросов, относящихся и к индивидуальным, и к управленческим, и к групповым решениям, а с другой – увидеть через это черты их принципиальной общности. Такая трактовка оказалась возможной лишь в результате преобразования исходной – базовой парадигмы исследования процессов ПР. Прежде всего, она потребовала трансформации *аналитического* (внедеятельностного) подхода, доминирующего в теории решений, в *системный* – деятельностно-опосредствованный. Лишь такой подход позволяет осознать и реализовать в исследованиях два важнейших факта.

Во-первых, несмотря на свою исключительную важность и значимость, процессы принятия решения никогда не являются самодостаточными и самостоятельными. Они всегда реализуются “для чего-то еще” – для более общих целей деятельности, поведения. Их основные детерминанты лежат не “внутри”, а вне их самих.

Во-вторых, по отношению к более общему деятельностному и поведенческому контексту эти процессы обнаруживают свою объективно главную функцию – регулятивную. Отсюда следует, что

процессы ПР могут и должны изучаться не столько “сами по себе”, “не прямо” (хотя, конечно, возможен и такой способ), а опосредствованно, точнее – деятельностно-опосредствованно. Той реальной метасистемой, в которую они онтологически включены и в которой они формируются и функционируют, является психологическая система деятельности (и поведения) – как индивидуальной, так и групповой. В ней они обретают свое конкретное, “внутрисистемное” бытие, свой естественный, «экологичный» и наиболее богатый содержанием вид. По отношению к индивидуальным решениям эта метасистема представлена в виде индивидуальной деятельности. По отношению к управленческим решениям – как совместная деятельность иерархически организованного типа. По отношению к процессам принятия групповых решений такой метасистемой выступает *групповое* функционирование в целом (но не группа как таковая, как это обычно полагается аксиоматичным в традиционной теории групповых решений). Процессы ПР разных классов реализуют в указанных метасистемах свою основную функцию – регулятивную.

Суть дела состоит еще и в том, что они делают это “не автономно”, а в сочетании с определенной категорией аналогичных им – также регулятивных процессов. Именно они и обозначены нами как интегральные процессы регуляции деятельности и поведения. В их состав входят процессы целеобразования, антиципации, принятия решения, прогнозирования, программирования, планирования, контроля, самоконтроля и ряд других [29, 39, 42]. Через принадлежность к этому классу процессы ПР обретают свой психологический статус, выступают как *видовое* образование по отношению к *родовому* классу, то есть к классу интегральных процессов.

По своей номенклатуре, составу интегральные процессы в индивидуальной и в совместной деятельности практически эквивалентны. Они воплощают в своей системе определенный *регулятивный инвариант*¹³, который воспроизводится в любом типе

¹³ Само понятие регулятивного инварианта мы определяем как систему процессов, необходимых и достаточных для порождения, организации и регуляции некоторого целостного поведенческого (деятельностного) акта и составляющих замкнутое “регулятивное кольцо”. Он поэтому включает те процессы, которые входят в класс интегральных, но с двумя дополнениями.

деятельности, составляя основу ее психологической архитектоники.

Вместе с тем, будучи идентичными по общим принципам включения в систему деятельности и по своим основным функциям, интегральные процессы регуляции индивидуальной и совместной деятельности качественно различны по содержанию, “по материалу”. Это, разумеется, относится и к одному из них – к процессу ПР. По отношению к индивидуальной деятельности процессы ПР представлены как определенная целенаправленная и специфическая интеграция, развертывающаяся в *интра*индивидуальном плане – в индивидуальной психике субъекта. По отношению к совместной деятельности и групповому функционированию, а соответственно, к управленческим и групповым решениям процессы ПР предстают в общем случае уже как интеграция, развертывающаяся в *интер*индивидуальном плане – в плоскости межличностных взаимодействий. “Материалом” интеграции являются поэтому уже не только интрапсихические процессы и структуры. В его качестве выступают экстериоризированные, в том числе и социально-психологические, явления и процессы, экспрессивные и инструментальные процессы группового, а также организационного функционирования.

Во-первых, он придает им хронологическую упорядоченность. При этом в своей временной развертке регулятивный инвариант выглядит следующим образом: целеобразование → антиципирование будущих результатов → принятие решения о способах и средствах деятельности → прогнозирование возможных изменений условий деятельности, своих действий, их результатов → планирование деятельности (включающее ряд возможных сценариев, вариантов ее развертывания) → программирование деятельности (предполагающее уже выбор какого-либо одного варианта действий, его временную организацию) → собственно исполнение → контроль (текущий и заключительный) исполнения → самоконтроль (также текущий и результативный) → коррекция посредством сличения реально полученных результатов с идеальной целью и антиципированными результатами. Во-вторых, регулятивный инвариант имеет замкнутый характер: результаты контроля соотносятся с исходными представлениями о целях деятельности (как аспектом процесса целеобразования) посредством обратной связи, в итоге чего может иметь место коррекция двух типов – либо компенсирующего, либо трансформирующего.

В *индивидуальной* деятельности система интегральных процессов представлена и разворачивается, таким образом, в интрапсихической плоскости, реализуется как совокупность *метакогнитивных механизмов*. Все эти процессы представляют собой поэтому идеальную форму существования регулятивного инварианта – начиная от целеобразования и кончая контролем и коррекцией. В *совместной* деятельности данный инвариант столь же необходим, однако он разворачивается при этом в объективно иной – интериндивидуальной плоскости.

Очень показательно и то, что необходимость реализации в *совместной* деятельности интегральных процессов не только сохраняется, но и существенно возрастает. Сама суть совместной деятельности состоит в обеспечении возможно более высокой организованности частных деятельностей субъектов и придании их индивидуальным активностям характера соактивности. Лишь в этом случае обеспечивается *синергетический эффект*, который вообще является объективным основанием для совместной деятельности как таковой. Наконец, групповое функционирование как процесс по отношению и к паритетным, и в особенности к иерархическим группам объективно предполагает реализацию таких его процессуальных регуляторов, как групповое *целеобразование*, коллективная *антиципация*, процессы *групповых решений*, совместное *планирование* и *программирование*, *внутригрупповой контроль*, межличностная *коррекция* и др. Эти процессуальные образования и составляют класс *интегральных процессов* группового функционирования. Они выступают важными и объективно необходимыми формами синтеза всех иных – более *локальных* групповых *процессов* для обеспечения собственно регулятивных функций.

Интегральные процессы, как показали проведенные нами исследования, *принципиально несводимы* ни к одному из известных в настоящее время процессов группового функционирования, ни к их аддитивной совокупности, ни даже к какому-либо их классу (например, к классам инструментальных или экспрессивных процессов) [29, 39, 42 и др.]. Все они атрибутивно *гетерогенны* по составу, *системны* по механизмам, *регулятивны* по направленности и *метапроцессуальны* по статусу.

Принципиальным и также общим для индивидуальных, управленческих и групповых решений является еще один важный факт.

В этих процессах именно как в интегративных, в силу их генеративных – порождающих (то есть продуктивных) свойств, присущих любой интеграции как таковой (в отличие от агрегации), формируется *новое содержание*, возникают новые, дополнительные свойства, феномены, функции. Они-то и обуславливают *несводимость* содержания интегральных процессов к аддитивной совокупности тех процессов, которые включены в интеграцию. Эти генеративные, интегративные эффекты являются причиной образования той “прибавки”, которая составляет специфичность процессов выбора как таковых, объясняет их несводимость ни к одному иному процессу и явлению, включенному в индивидуальную и совместную деятельность. Тем самым раскрывается и специфика статуса процессов ПР в целом: это – своего рода процессы “второго порядка” по отношению ко многим иным, в том числе и представленным в традиционной систематике, процессам. Они “не отменяют” всех иных процессов и структур, но и не рядоположены им; разворачиваются именно как их интеграция. И в этом отношении процессы ПР “зависимы” от них, более того, производны от их системы.

Интегральные процессы в целом и процессы ПР в частности – это, таким образом, “организационные процессы”. В них достигается и через них обеспечивается определенная соорганизованность всех иных, более локальных психических и деятельностных процессов и структур, а также процессов intersubъектного взаимодействия. В индивидуальных решениях такой интеграции подлечит содержание индивидуальной психики; в управленческих и групповых решениях – содержание межличностных взаимодействий, локальных процессов внутригруппового функционирования экспрессивного и инструментального типов. Процессы ПР обладают определенной “*нечувствительностью*” к своему содержанию – к материалу, подлежащему в них интеграции. Однако именно за счет этого обеспечивается их *реализуемость* в беспрецедентно широком диапазоне деятельностных и поведенческих задач.

Отсюда следует также, что, как это ни парадоксально, процессы ПР не только не имеют, но и не должны (и не могут) иметь собственного содержания, собственной стабильной и *инвариантной субъектной репрезентации* и тем более – «чувственной ткани»,

как многие иные психические процессы (процессы «первого порядка»). Они имеют только собственную структуру, а также обусловленные ею принципы функциональной динамики¹⁴. Эта структура “накладывается” всякий раз на конкретное содержание ситуации, сорганизует его, а также структурирует активность субъекта в соответствии с инвариантными закономерностями, чем и обеспечивается результат – решение. За счет этого обеспечиваются и еще две общие особенности субъективного выбора – в его индивидуальном и управленческом вариантах. Во-первых, благодаря “нечувствительности” к содержанию, одна и та же базовая структура выбора применима практически ко всем ситуациям решения, что делает ее универсальной, а организацию самого выбора – экономной. Во-вторых, поскольку в силу этого процесс ПР может реализовываться на основе любого содержания, может быть включенным в любую систему и выступать при этом всякий раз как интеграция ее собственных – важнейших компонентов, то он наиболее полно “вбирает” в себя и те возможности, которыми она располагает. Процессы ПР всегда реализуются как интеграция, происходящая на высшем уровне той системы, которая их осуществляет (будь то индивид, или группа, или организация). Поэтому они являются своего рода “наложенной структурой”, а тем самым – всегда обретают основные особенности и общий потенциал самой системы, являются как бы «равномощными» ей.

Процессы индивидуальных и управленческих решений не предполагают поэтому ни в плане своего развертывания, ни в плане своих результативных эффектов каких-либо стабильных и специфичных им ментальных репрезентаций; они, напротив, базируются на синтезе уже имеющихся, то есть неспецифичных для них, репрезентаций и схем. Вместе с тем, по мере накопления индивидуального «решенческого» опыта у субъекта, по-видимому, формируется и генерализуется, фиксируется и закрепляется определенная *метасхема* синтезирования содержащихся в опыте репрезентаций. Она имеет как статический, так и динамический аспект, выступая во втором случае как *прототипический сценарий*

¹⁴ Вместе с тем, эта структура, генерализуясь, обобщаясь и закрепляясь в специфических для нее механизмах, сама начинает в определенном смысле репрезентироваться как содержание. Это как раз тот случай, когда «форма становится содержанием», но опять-таки – специфическим.

(процессуальный инвариант) поведения в ситуации неопределенности.

В групповых решениях дело обстоит, естественно, существенно иначе в плане *содержания* этих процессов; однако в плане их *общей структуры и организации* наблюдается картина, принципиально сходная рассмотренной.

Доказательство общности интегративно-процессуального статуса рассматриваемых классов ПР имеет принципиальное значение и в плане их общего понимания. Это означает, что, будучи *интегральными* по своему статусу, процессы выбора (и индивидуального, и управленческого, и группового) объективно должны базироваться на совокупности аналогичных, то есть специфически *системных, закономерностей*. Системность выступает в них уже не только явлением, но и *механизмом*, точнее – комплексом механизмов. Данное следствие дает методологические ориентиры для поиска основных и наиболее специфических для ПР закономерностей. Вместе с тем, оно и требует именно этого, поскольку лишь через установление такого рода закономерностей данное следствие может быть доказано и наполнено конкретно-психологическим содержанием.

Такие закономерности, действительно, постоянно обнаруживаются при исследовании процессов субъективного выбора и, что показательно, являются *общими* для них как интегральных процессов: они воспроизводятся в качественно различных их классах. В частности, одной из них является то, что сама регулятивная функция, на обеспечение которой направлен конкретный интегральный процесс, выступает одновременно как *системообразующий фактор*, структурирующий в нем отдельные – более локальные процессы. Формирование и развертывание интегральных процессов означает перевод более локальных процессов и структурных образований в режим *взаимодействия* в плане достижения некоторого полезного и объективно необходимого для организации деятельности результата (им является обеспечение какой-либо из основных регулятивных функций деятельности). Формирующиеся при этом интегральные процессы представляют собой разновидность психологических систем. Соотношение традиционно выделяемых основных процессов и интегральных процессов выступает как соотношение компонентов и системы. Специфическое содер-

жание последних – эффекты психической интеграции (в индивидуальной деятельности) и групповой синергии (в совместной деятельности), а также связанные с ними генеративные феномены и механизмы. При этом, как отмечалось выше, формируются присущие любой интеграции новые, системные по своему генезу качества.

Подобные факты системности именно как механизма и принципа организации процессов ПР (общих для всех их классов) достаточно многочисленны и потому типичны. Следовательно, в процессах ПР воплощены все те специфические закономерности, которые раскрыты в общей теории систем, составляют содержание общего феномена системности организации. В процессах ПР общие закономерности, отображенные сегодня – в их гносеологическом содержании – в “принципе системности”, представлены *онтологически*, реализуются как их механизмы. То, что мы знаем в настоящее время о “принципах системности”, уже воплощено в онтологии психического и, прежде всего, в высших его процессуальных проявлениях – в процессах ПР, в интегральных процессах в целом.

На наш взгляд, именно в силу своего интегративного статуса и ведущей роли системных механизмов, процессы ПР вообще обретают свою специфику как предмет психологического познания. Эта специфика, однако, отнюдь не способствует такому познанию; она, напротив, “сопротивляется” их включению в концептуальный и категориальный строй общей психологии. Процессы ПР – это как бы “не те процессы”, которые *традиционно* изучаются в психологии; они иные и по-своему типу, и по своей организации, и по своей ориентации, направленности. Действительно, по отношению к процессам индивидуального выбора можно констатировать следующую картину. При изучении проблемы психических процессов – и в историческом плане, и в плане сложившейся понятийной системы, и в плане систематики – преобладает установка на их аналитическое исследование с явным приоритетом в нем одного из классов – когнитивных процессов (*аналитико-когнитивная* парадигма). Естественно, что она распространяется и на исследование процессов ПР; выступает обычно методологически исходной для него. Развертывание исследований процессов ПР с этих позиций приводит, однако, к трудностям принципиального плана. И они

проявляются, прежде всего, при рассмотрении наиболее общего вопроса – о специфике процессуального содержания ПР, его статуса, взаимоотношений с основными классами психических процессов.

Во-первых, как показано в [29, 31, 39], аналитико-когнитивная парадигма не вполне адекватна исходной – комплексной, *синтетической* природе процессов ПР. В общем случае в реализации процессов ПР участвует комплекс – совокупность различных традиционно выделяемых процессов. Они, однако, выступают в составе ПР не как рядоположенная совокупность, а как определенная организация. Именно эта организация и придает специфику ПР как качественно своеобразному и целостному процессуальному образованию.

Следовательно, раскрытие специфики ПР как целостности требует, прежде всего, исследования закономерностей этой организации и интеграции изученных ранее процессов в составе ПР. Аналитически построенное исследование роли отдельных психических процессов при выработке решения хотя и является необходимым, но, по-видимому, недостаточно для раскрытия специфики процесса ПР как целостности. Оно должно быть дополнено иным планом исследования – синтетическим, нацеленным на раскрытие средств и механизмов интеграции в нем отдельных процессов.

Во-вторых, аналитико-когнитивная установка не вполне адекватна *регулятивной* природе процессов ПР. Они, в отличие, например, от познавательных процессов, уже в принципе не абстрагируемы от регулятивных задач и функций, поскольку лишь в связи с ними объективно приобретают свою качественную определенность; вне их они вообще не существуют как специфические образования. ПР без непосредственной или опосредствованной связи с исполнением фактически утрачивает свою качественную определенность.

Следовательно, специфика процесса ПР требует дополнения традиционно сложившейся, но не единственно возможной аналитико-когнитивной парадигмы иной – *регулятивно-синтетической* установкой. Она задает дополнительный “срез” изучения процессуального содержания психики, ориентирует на возможность поиска и исследования таких – комплексных по составу и интегративных по организации – процессов, которые формируются для

обеспечения основных регулятивных функций. Одним из них и является процесс ПР.

По отношению к проблеме процессуального содержания группового функционирования можно констатировать принципиально сходную картину. Действительно, реализованный в [36, 38, 44] регулятивно-деятельностный подход к раскрытию процессуального содержания группового функционирования (фиксирующий синтетический, интегративный срез в нем) обнаруживает некоторую односторонность сложившихся способов его анализа. Так, анализ посвященной этому вопросу литературы (см. обзор в [37]) показывает явное доминирование исследовательской установки на выделение и изучение процессов коммуникативного плана, процессов межличностного взаимодействия. Фактор реального включения коммуникаций в групповую деятельность при этом хотя и осознается, но, как правило, отходит на второй план. Причем значительно полнее с указанных позиций раскрыты относительно более простые, аналитические процессы такого взаимодействия (поскольку они более доступны изучению) [17, 49, 61, 63]. Такой подход можно обозначить понятием коммуникативно-аналитической парадигмы. В ней интегральные процессы регуляции совместной деятельности и группового функционирования не обнаруживаются и не могут быть обнаружены в силу ее исходной ориентации. Она, на наш взгляд, должна быть дополнена иной точкой зрения, акцентирующей исследование на синтетических, комплексных проявлениях уже описанных процессов, а также на их содействии обеспечению общих регулятивных функций. С позиций этой регулятивно-синтетической парадигмы дифференциация класса интегральных процессов становится и необходимой, и возможной.

При изучении процессов ПР (независимо от их класса) психологическое познание обращается к такому объекту, по отношению к которому анализ как метод не только “нарушает”, но и частично “разрушает” их; приводит к редукции их специфичности как интегральных. И напротив, последняя может быть раскрыта лишь при ориентации на поиск и изучение закономерностей интегративного, синтетического типа, которые являются общими и наиболее типичными для процессов ПР, независимо от принадлежности к тому или иному основному классу.

Итак, принципиальная общность процессов индивидуальных, групповых и управленческих решений проявляется в их принадлежности к категории интегральных процессов регуляции деятельности, поведения и группового функционирования. Сами интегральные процессы, сохраняя свои наиболее общие особенности, вместе с тем модифицируются и приобретают разную форму в зависимости от типа деятельности – индивидуальной или совместной. Общность процессов ПР состоит, прежде всего, в психологическом сходстве их метасистем и отношений с ними; в подобии общего психологического статуса, а также типа отношений с иными объектами психологического и социально-психологического исследования; в принципах включения в систему деятельности и поведения и механизмах использования их потенциала; в общности их объективно главной функции – регулятивной.

В целом следует подчеркнуть, что подобие характеристик интегральных процессов (и ПР как одного из них), обнаруживаемых в индивидуальной и совместной деятельности, а также в групповом функционировании, выражено настолько, что есть основания говорить о различных формах одних и тех же интегральных процессов. Первая форма – это конкретизация данной категории по отношению к индивидуальной деятельности; вторая – по отношению к совместной деятельности иерархического типа; третья – по отношению к групповому функционированию. Сама суть интегральных процессов в целом и ПР как одного из них в том и состоит, что они могут быть реализованы на очень разных “носителях”, включены в самые разные по содержанию системы. Однако при этом сохраняются базовые принципы и закономерности их организации именно как интегральных, “вторичных”.

2.3. Структурно-уровневая организация основных классов процессов принятия решения

Следующий шаг обобщения, предписываемый стратегией “межклассового” сравнения процессов ПР, связан со *структурными закономерностями* их организации. При этом следует помнить, что именно структурный аспект рассматривается традиционно как объективно *главный*, основной аспект исследования. Иные – также важные исследовательские аспекты (функциональный, процессуальный, генетический, феноменологический и др.) выступают как производные от структурного и в значительной мере определяются его результатами.

Ключевая роль структурного аспекта должна быть подчеркнута специально и в свете еще одной гносеологической закономерности. Если при сопоставлении результатов изучения двух каких-либо предметов (процессов, явлений) наибольшая общность обнаруживается именно в их *главных*, определяющих аспектах (например, в структурном), а не в более частных планах, то это уже само по себе является объективным доказательством их принципиального подобия. Поэтому, если процессы ПР сопоставляемых здесь классов действительно обладают принципиально общими закономерностями, то эта общность должна обнаруживаться, в первую очередь, в их главном, то есть именно структурном плане. Более того, именно структурная общность должна быть максимально выражена по сравнению со всеми иными аспектами организации процессов ПР. Сравнительный анализ результатов структурного изучения процессов индивидуальных, управленческих и групповых решений, представленных, соответственно, в наших предыдущих работах [32, 33, 36, 37, 38, 39, 44], позволяет установить следующие черты принципиальной общности между ними.

1. В пределах каждого из этих классов обнаруживается общность базовых принципов структурной организации процессов ПР. Проще говоря, существует общая и инвариантная по отношению к различиям видов индивидуальной деятельности структура процессов ПР. Аналогичная – также общая и инвариантная по отношению к различиям в видах управленческой деятельности – структу-

ра существует и для процессов управленческих решений. Наконец, групповые решения также образуют, как показано в [44], достаточно устойчивую, инвариантную структуру. Собственно говоря, сам факт инвариантности структурной организации процессов ПР позволяет, далее, проводить сопоставление обнаруженных общих структур решений различных классов. Остановимся на этом наиболее принципиальном положении подробнее.

Посредством комплекса профессиографических, эмпирических и экспериментальных методов установлено [35, 37, 44], что во всех трех случаях структуры процессов ПР имеют идентичную – *пятиуровневую иерархическую организацию*. Они включают систему из пяти уровней, иерархически соподчиненных и скоординированных посредством определенных межуровневых взаимодействий. Так, иерархия процессов индивидуальных решений образована в структуре деятельности пятью основными макроуровнями (которые, в свою очередь, дифференцируются на формы, виды, способы их последующей реализации), обозначенными нами как *субцелевой, локально-целевой, интегративно-целевой, квазиавтономный и автономный* [35, 39]. Они представляют собой качественно различные способы интеграции основных структурных компонентов ПР. Под основными компонентами выбора в теории решений понимаются, как известно, критерии, альтернативы, информация, гипотезы, правила, способы, ценности, нормы и пр. На субцелевом уровне выбор осуществляется в неосознаваемой форме, без произвольного контроля за его компонентами и структурно выступает как *психологическая операция*. Локально-целевые решения структурируются в форме недифференцированного *действия*, так как реализуются при осознании лишь одного компонента выбора – его цели, но без произвольного контроля за всеми другими компонентами (информационной основой, критериями, альтернативами, гипотезами, способами, правилами и др.). Интегративно-целевые решения реализуются целостными *структурами* скоординированных и соподчиненных *действий*, принципиально гетерогенных по целям и содержанию, поскольку каждое из них направлено на обеспечение качественно разнородных компонентов выбора. Квазиавтономные решения, являясь критически значимыми для деятельности, осуществляются поэтому на *ведущем уровне ее регуляции* и воспроизводят тем са-

мым ее архитектонику, в силу чего их структурными компонентами выступают основные составляющие психологической системы деятельности в целом. Автономные решения уже не только структурно, но и содержательно эквивалентны уровню принятия решения как самостоятельной, относительно *автономной деятельности*.

Принципиально сходная в структурном отношении иерархия, также включающая пять основных макроуровней, обнаружена и при психологическом анализе различных видов и типов процессов управленческих решений. Они были обозначены понятиями *автократических, автономных, локально-коллегиальных, интегративно-коллегиальных* и *метаколлегиальных* решений [36].

Автократические решения характеризуются максимальной редуцированностью механизмов совместного, коллегиального начала в их выработке, но одновременно – и максимизацией функциональной роли механизмов индивидуального выбора в них. Решения и формально и содержательно реализуются как индивидуальный выбор руководителя, выступают практически исключительно его продуктом. Группа (или управляемая организация) не только не участвует в нем, но даже утрачивает статус референтной по отношению к субъекту выбора, а он, в свою очередь, сохраняет в ней лишь статус формального членства. Автократические решения возможны в двух основных вариантах: либо принятие решения руководителем осуществляется на фоне простого неучета мнения других, его игнорирования им; либо на фоне намеренного и подчеркнуто-демонстративного противопоставления руководителем себя организации (группе). Во втором случае они принимают характер контргрупповых. Итак, психологическая сущность автократических решений состоит в том, что взаимодействие, синтез индивидуального и интериндивидуального выбора принимает в них, по существу, вырожденную форму, развертывается по типу подавления первым второго.

Автономные решения, также реализуясь преимущественно в индивидуальной форме, вместе с тем глубоко отличны от автократических, поскольку ведущую роль в них играют детерминанты собственно совместной деятельности, факторы организационно-группового плана. Они являются поэтому уже не контргрупповыми по характеру включения этих ведущих детерминант, а

подчеркнуто прогрупповыми. Однако все эти детерминанты представлены в них в персонифицированном и потому опосредствованном, имплицитном виде. Решения данного уровня реально составляют очень важный и широко представленный атрибут управленческой деятельности. Они вырабатываются и принимаются руководителем вне непосредственного контакта с управляемой организацией, вне коммуникативных отношений с ее членами. Данное обстоятельство адекватно отражает объективное положение вещей, при котором на практике и невозможно, и нецелесообразно реализовывать все решения, связанные с управлением, в совместной, коллегиальной форме. По своей номенклатуре эти решения очень разнообразны и в целом подобны основным видам решений, представленным в теории индивидуального выбора. Можно видеть, таким образом, что психологическая сущность автономных решений состоит уже не в подавлении и подмене индивидуальным выбором интериндивидуального, а лишь в доминировании первого при обязательном учете второго. Причем это происходит в опосредствованной форме, вне развернутых интериндивидуальных контактов.

В *локально-коллегиальных решениях* межличностные детерминанты уже переводятся в эксплицитную форму; процедура их выработки принимает развернутый интериндивидуальный характер. В процессе принятия решения в них обязательно включается некоторая подгруппа, входящая в общий состав группы (организации), по отношению к деятельности которой вырабатывается решение. Эти решения, являясь эксплицитно-коллегиальными, включают в свой субъектный базис не всех членов группы (организации), то есть выступают именно как локально-коллегиальные. Та локальная подструктура группы (организации), которая непосредственно вырабатывает решение, делает это в условиях ее иерархического соподчинения руководителю. Несколько заостряя психологическую сущность этих решений, можно сказать, что они в наибольшей степени синтезируют в себе черты как индивидуального, так и интериндивидуального выбора, но не являются ни теми, ни другими "в чистом виде". Они образуют обширный диапазон, располагающийся в континууме, образованном этими двумя классами решений. Локально-коллегиальные решения имеют характер групповых, но в то же время не паритетно-развертывающихся, а

иерархически организованных. Субъект их выработки приобретает черты не только интерсубъектности, но и иерархичности собственной структуры. Они наиболее вариативны по формам и мере своей развернутости (а следовательно, по многообразию конкретных видов и стратегий), что определяется большими различиями в диапазоне изменения меры полноты их "субъектного базиса".

Достигая своего максимума, расширение объема "субъектного базиса" (то есть числа лиц, актуально вовлеченных в процесс решения) приводит к тому, что в процессы подготовки решения может включаться вся группа (организация) в целом. Это переводит решения на принципиально иной – *интегративно-коллегиальный уровень* организации. Он характеризуется подчеркнутой специфичностью своего стратегического и процедурного состава, своеобразными изменениями, а часто – и инверсией соотношений функциональной роли иерархического и координационного – коллегиального принципов в их выработке, при которой второй доминирует над первым. Конкретно речь идет о том, что в наиболее значимых для функционирования организационных структур управления случаях даже нормативно регламентируется такая организация процедуры выработки решения, которая требует вовлечения в нее всего состава этих структур. При этом следует выделить две основные разновидности данных решений. В первой из них вся группа реально (актуально) включается в процедуру выработки решения; решения вырабатываются в условиях непосредственного контакта всех членов группы (организации). Во второй в процесс решения актуально включаются лишь некоторые представители тех или иных организационных подструктур общей структуры, которые, однако, персонифицируют позиции и интересы всех иных членов соответствующих подструктур (то есть являются их "делегатами"). Решения данного уровня высупают, таким образом, своеобразным противовесом авторитарному началу, механизмом компенсации "власти руководителя" со стороны "власти подчиненных" и средством достижения "баланса властей". Здесь, в отличие от всех иных уровней принятия управленческих решений, интериндивидуальный выбор доминирует над индивидуальным.

Наконец, последний из установленных уровней – *метаколлегиальный* – также характеризуется глубокими качественными отличиями от всех иных и очевидным своеобразием. Как известно,

практически любая организационная структура одновременно является подструктурой какой-либо более общей управленческой системы и выступает как соподчиненный ей компонент. Поэтому и руководитель каждой организации, будучи иерархически главным в ней лицом, одновременно включен в более общую организационную структуру, но уже на правах ее рядового члена, то есть подчиненного. Функционируя в этой более общей организационной структуре (метаструктуре), руководитель обязан учитывать интересы возглавляемой им организации. Однако он лишен возможности непосредственного контакта с ней, учета ее коллегиального мнения. Наоборот, он непосредственно испытывает воздействие, а часто – давление другой группы (организационной метаструктуры), которое может не совпадать с интересами той группы, которую представляет руководитель. Иначе говоря, подобно автономным решениям, данный класс включает аспект коллегиальности как бы в “снятом виде” – через его персонификацию в позиции руководителя. Ключевые особенности этих решений связаны с их ярко выраженным маргинальным характером, обусловленным тем, что в них фактически имеет место феномен удвоения референтных групп решения. С одной стороны, руководитель, персонифицируя позицию своей организации, выражает и обязан выражать интересы “своей” организации. С другой стороны, он одновременно выступает реальным членом и более общей организационной структуры; должен подчиняться ее правилам и нормам. Эти две позиции не всегда (а реально – редко) гармонизируются, но, напротив, часто вступают в антагонистические отношения. Данные решения должны быть интерпретированы как маргинальные.

Не менее показательным и то, что аналогичная, то есть также пятиуровневая, иерархическая структура обнаружена и по отношению к такому классу решений, который наиболее существенно отличается от индивидуальных решений (и даже во многом противоположен по отношению к нему) – к *групповым* решениям. Как показано в [44], все огромное разнообразие феноменологически представленных форм групповых решений также структурируется в пять основных – качественно специфичных по отношению друг к другу макроуровней.

Сущность первого из установленных уровней – *квазигруппового* – состоит в том, что он является закономерной и, более то-

го, необходимой формой группового функционирования во всех тех случаях, когда группа либо оказывается *не в состоянии* прийти к общему решению (явление «группового несогласия»), либо большинство ее членов считают это *нецелесообразным*. На фоне сохранения *формального* членства в группе (а нередко даже и на фоне принятия «общего», но формального и ни к чему не обязывающего решения) *реальная* индивидуальная активность по выходу из создавшейся ситуации *автономизируется*. Группа в этих ситуациях фактически перестает функционировать как целое, утрачивает статус коллективного субъекта выбора. При хроническом повторении таких решений возникает явление (и механизм) *редукции референтности*. Главной особенностью квазигрупповых решений является то, что в них субъектный базис представлен, по существу, в деструктурированном, диффузном виде. Группа, в силу «невозможности прийти к согласию», принимает своеобразное «решение о невозможности (или нецелесообразности) общего решения» (отрицательное решение). Тем самым, она утрачивает статус единого – целостного субъекта решения. Поведение членов группы при этом автономизируется; они начинают строить его так, чтобы самостоятельно – «без» и «помимо» группы – найти способ (то есть фактически принять индивидуальное решение) выхода из ситуации.

Квазигрупповые решения характеризуются, однако, не только деструкцией целостности группового субъекта, но и вытекающими отсюда следствиями. Главное среди них – феномен *редукции референтности*. Типичным для них является ситуативная (временная) или даже – в крайних случаях – полная утрата членами группы отношений референтности с группой. При этом вполне естественно и то, что разрыв *реальных* связей часто может маскироваться стремлением к сохранению *формальных* связей с ней и даже намеренным их акцентированием. Редукция референтности означает, что индивиды в значительной мере перестают быть *реальными* носителями общегрупповых детерминант (норм, ценностей, правил, установок, конвенций и пр.), а сохраняют лишь *формальную* включенность в нее.

Следующий из основных уровней – *агрегативно-групповой*, напротив, уже характеризуется наличием именно коллективного (группового) субъекта выбора, хотя и представленного в простей-

шем из возможных виде – «суммативном», агрегативном. Суть данного уровня лучше всего может быть раскрыта при уяснении одной из его главных особенностей: он объединяет все (очень многочисленные) разновидности и формы реализации *мажоритарной* стратегии («стратегии большинства-меньшинства»). Группа функционирует здесь – по определению – именно как целое; она стремится к выработке общего для нее решения, к сохранению своей самоидентичности. Иными словами, группа выступает именно как субъект решения. Однако сама суть данной стратегии означает, что структура группового субъекта выработки решения является здесь относительно простейшей. Эта структура представлена – особенно на ключевом этапе собственно выбора – в качестве *агрегативной* (аддитивной) совокупности позиций членов группы “за” и “против”. *Количественное* соотношение тех и других, то есть их *аддитивная суперпозиция*, определяет принятие того или иного варианта и даже является *механизмом* этого. Кроме того, феномен “большинства – меньшинства” и механизм мажоритарности наиболее соответствует и самому *принципу паритетности*, “духу” именно групповых, то есть “распределенных”, *межличностных, интериндивидуальных* решений. Он, несмотря на свои очевидные несовершенства, максимально “демократичен”, базируется на равенстве участия и учета мнений членов группы в выборе.

Главной отличительной особенностью следующего – *локально-группового* уровня организации процессов принятия групповых решений является то, что на нем закономерным и притом достаточно существенным трансформациям подвергается общий принцип структурирования группы (т.е. коллективного субъекта) в процессах решения, а следовательно, и сама эта структура. Агрегативный (суммативный, а потому – относительно простейший) принцип структурирования меняется на *интегативный*: решения принимаются здесь не на основе соотношения числа «голосов за и против», а на базе иных – более совершенных механизмов и процедур. Феноменологически данный уровень лучше всего может быть описан через четыре его основные черты. Первая – локальность: в выработке решения обычно участвует не вся группа, а ее определенная часть (подгруппа), включающая, как правило, наиболее компетентных и заинтересованных в ней членов. Вторая – специализация: в этих решениях очень выражен механизм ролевой

дифференциации участников решений, принятие и реализация ими тех или иных ролей в ходе решенческой дискуссии («эрудит», «критик», «генератор», «цензор» и др.). Третья – селективность: «подгруппа решения» дифференцируется в общем составе группы под воздействием в основном собственно «решенческих» (т.е. инструментальных, а не экспрессивных) детерминант. Четвертая – свободный, не регламентированный процедурно и априорно характер подготовки и принятия решения. В результате всех этих черт окончательное решение принимается на основе главным образом интеграции содержательных аргументов и детерминант. Сама же «подгруппа решения» представляет собой достаточно хорошо организованную подструктуру – дифференцированную благодаря ролевой специализации; интегрированную благодаря ведущему характеру содержательных, инструментальных детерминант.

Следующий уровень – *интегративно-групповой* – характеризуется тем, что на нем субъектный базис решений вновь претерпевает существенные трансформации. Дело в том, что в этих решениях активно участвует уже не какая-либо локальная подструктура группы, а *вся* она в целом. Тем самым объем субъектного базиса достигает предела, максимума: он совпадает с объемом группы в целом. Такое совпадение имеет место и в агрегативно-групповых решениях; в них, однако, решения принимаются на основе механизма аддитивной суперпозиции «голосов». Наоборот, в интегративно-групповых решениях выбор осуществляется на базе синтеза – обсуждения, «взвешивания», рассмотрения вариантов. Феноменологически, по своим эксплицированным формам данный уровень реализуется в основном в виде широко известного явления *консенсуса*, в виде «семейства» так называемых «консенсусных стратегий». На данном уровне имеет место и своего рода синтез двух предыдущих уровней. Действительно, и в содержательном плане, и в плане структурированности группового субъекта выбора данный уровень сходен с локально-групповым уровнем. Однако по формальным процедурам окончательное решение на интегративно-коллегиальном уровне может приниматься очень разными путями, в том числе и по типу мажоритарной стра-

тегии¹⁵. В последнем случае сам этот уровень будет сближаться с агрегативно-групповым. Нами показано также, что данный уровень принципиально гетерогенен, поскольку включает в себя, как минимум, четыре качественно различных типа консенсуса: парциальный консенсус, «деструктивный» консенсус, консенсус-компромисс и интегральный (синергетический) консенсус¹⁶.

Наконец, пятый из макроуровней – *метагрупповой* – также характеризуется глубокими качественными отличиями от всех иных уровней, обладает ярко выраженной специфичностью. Феноменологически суть данного уровня достаточно проста. Он имеет место в тех случаях, когда сложность объективной ситуации группового выбора *превышает* возможности группы по его реализации. Иначе говоря, группе, так же как и индивиду, присущ определенный «предел рациональности» (Г. Саймон) [151, 152] и вообще – предел всех иных возможностей по снятию неопределенности, по принятию решений. В этих случаях (очень нередких) группа, равно как и индивид, не прекращает, однако, действий по осуществлению выбора. Она просто меняет его стратегию, хотя и достаточно кардинальным образом. Естественной (и вообще наиболее адекватной) в этих случаях «реакцией» является «обращение за помощью» вовне – к другим группам и (или) лицам. Это – своего рода перенос решения в экстрагрупповую плоскость. Он к тому же сопровождается и дальнейшими закономерными трансформациями структуры и содержания субъектного базиса решений: группа либо сознательно и преднамеренно идет на своеобразный «выход» за пределы своей исходной субъектности, либо вообще самотрансформируется из субъекта выбора в его объект, если (в случае невозможности принятия решения группой) она делегирует это право другой группе или лицу.

2. Выявленные для индивидуальной и совместной деятельности иерархического типа обобщенные структуры организации процессов ПР являются именно таковыми, то есть обобщенными, синтетическими. Практически все иные – эмпирически зафиксиро-

¹⁵ Мажоритарная стратегия, однако, принимает здесь очень своеобразную форму, поскольку ее реализация предусматривает «право вето», что, строго говоря, приводит к совершенно новой процедуре.

¹⁶ Подробная характеристика этих типов, равно как и уровней организации процессов принятия групповых решений в целом, дана в [44].

ванные их виды, формы, типы входят в них как частные их проявления. Это и позволяет проводить на материале выявленных структур обобщение индивидуальных и управленческих решений в целом, а не только тех или иных их частных типов. Весьма показательна в этом плане, например, иерархия уровней организации групповых решений. Ее обнаружение позволяет решить весьма актуальную теоретическую проблему – *проблему систематики* и определения *латентной структуры* всех известных в настоящее время форм реализации группового выбора; понять и раскрыть истинную природу этих форм как частных проявлений пяти основных уровней. Например, такие широко известные формы (стратегии) групповых решений, как «мажоритарная», «консенсусная» и «дискуссионная» (свободная) выступают, в действительности, как базовые для конституирования, соответственно, агрегативно-группового, интегративно-группового и локально-группового уровней. В то же время уровневая трактовка позволяет установить и *новые формы* групповых решений, не зафиксированные в трех традиционных стратегиях. Это, в частности, *квазигрупповые* решения, возникающие вследствие механизма редукции референтности большинства членов группы; *метагрупповые* решения, имеющие место при несоответствии собственных возможностей группы и сложности объективной ситуации решения.

3. Наиболее важным в плане рассматриваемых здесь вопросов является обнаружение идентичного *принципа* структурной организации индивидуальных, групповых и управленческих решений – *уровневого*. Данный факт имеет, по крайней мере, двоякое значение. С одной стороны, он непосредственно указывает на глубинную общность психологической организации процессов ПР разных классов именно в их основном и определяющем – структурном аспекте. С другой стороны, он столь же явно указывает и на то, что сам этот общий принцип является специфически системным. Дифференциация целостности на некоторую организованную и соподчиненную совокупность качественно различных уровней – это, как известно, одна из наиболее общих закономерностей системного типа. Тем самым, фактически, в главном – структурном аспекте организации процессов ПР, независимо от их класса, реализуется аналогичная, то есть также основная закономерность организации системных объектов – структурно-уровневый, иерархи-

ческий принцип. Иными словами, можно констатировать следующее положение: специфически системные закономерности не только *описывают* процессы субъективного выбора, выявляются при их изучении (хотя, конечно, и так тоже); они непосредственно их *реализуют*, лежат в основе их организации и определяют их специфику. Они суть не только явления, но и *механизмы*.

4. Фундаментальная общность трех классов процессов ПР существует не только в отношении принципов их структурной организации, но и в отношении тех иерархий уровней в целом, которые развертываются на основе этих принципов. Во всех трех случаях эти иерархии имеют идентичную – *пятиуровневую структуру*; включают систему из пяти уровней, соподчиненных иерархически и скоординированных посредством сходных межуровневых взаимодействий уровней. При этом найденные иерархии существенно подобны и в целом – в плане общей конфигурации уровней, в плане “локального соответствия” уровней иерархии. Последнее означает, что “одноименные” уровни двух иерархий, находящиеся, так сказать, на их одинаковых “этажах”, имеют существенно бóльшее сходство друг с другом, чем «разноименные». Это связано с еще одной – также общей их особенностью и, более того, ею определяется.

5. Доказано, что уровни иерархии структурной организации процессов ПР трех рассматриваемых классов отнюдь не произвольны по отношению к уровневой организации тех метасистем, которые они обслуживают и в которые они реально включены – к организации деятельности (индивидуальной и совместной) и группового функционирования. Напротив, они *производны* от них и, в первую очередь, от их важнейших особенностей и главной среди них – структурно-уровневой организации. Поэтому, скажем, уровни индивидуальных и управленческих решений в значительной мере изоморфны макроуровням, соответственно, индивидуальной и совместной деятельности. Они не только воспроизводят (хотя, конечно, в специфицированном виде) закономерности архитектуры общедеятельностных уровней, но и используют эти закономерности. Сами общедеятельностные уровни выступают при этом в качестве *операционных средств* реализации процессов ПР.

Таким образом, процессы ПР включаются в деятельность не по типу каких-либо “новых и дополнительных” процессов и ком-

понентов, а формируются в ней как результат интеграции всех уже представленных в ней структур (прежде всего – уровней ее собственной организации). Поэтому по отношению к метасистеме деятельности процессы ПР не являются аддитивно рядоположенными другим ее структурным компонентам; они – способ и форма интеграции всех иных ее образований, но именно форма, структура, которую принимают деятельностные образования под воздействием вполне определенного системообразующего фактора (необходимости выхода из ситуаций неопределенности). Однако, как уже отмечалось выше, это такая форма, которая, обобщаясь и закрепляясь, генерализуясь и получая стабильную субъективную репрезентацию, сама становится содержанием. Это одна из причин того, что иерархии макроуровней процессов ПР разных классов также обладают принципиальным подобием.

По отношению к процессам принятия групповых решений эта важнейшая закономерность также имеет место, хотя и приобретает по вполне понятным причинам очевидную специфику. Уровневая организация групповых решений базируется не на уровневой организации группового поведения (или – шире – «группового функционирования» в целом), а на *уровневой организации самих групп*. Дело в том, что, как известно, понятие «уровня» по отношению к групповым решениям используется чаще всего в смысле характеристики степени ее развитости, сформированности. Достигая того или иного уровня развития, группа сохраняет (хотя, конечно, в «снятом виде») все те уровни, этапы, которые она уже прошла. Эти уровни, однако, могут актуализироваться в тех или иных ситуациях и выступать «реализаторами» процессов ПР. Скажем, далеко не всегда необходимо, чтобы группа вырабатывала решение на том максимальном уровне, которого она реально достигла в своем развитии, но который не является адекватным и «соразмерным» той или иной ситуации (например, достаточно простой, стереотипной). И наоборот, если ситуация группового выбора предельно сложна и ответственна для группы, то это стимулирует перевод организации процесса решения на высший из всех доступных группе уровней ее собственной организации. Более того, очень часто ситуации группового выбора выступают и как стимул для развития группы как таковой, то есть как стимул развития ее уровневой организации. При этом процессы группового выбора

реализуют одну из своих главных функций – генеративную, продуктивную, связанную с развитием группы, с повышением уровня ее организованности.

6. Установленные иерархии макроуровней существенно подобны не только в плане содержания их уровней, но и в плане закономерностей их *межуровневых взаимодействий* и переходов. В частности, относительно высший уровень актуализируется лишь в том случае, когда возможности нижележащего уровня недостаточны для выхода из ситуации. Далее, решения, вырабатываемые на вышележащих уровнях, обладают большей значимостью по отношению к нижележащим и, следовательно, реализуют в их отношении субординационную функцию. Наряду с этим, решения высшего уровня могут и должны быть конкретизированы в системе решений низших уровней, и последние выступают поэтому как средства функционирования высшего уровня.

Показательно и то, что каждый более организованный уровень как бы непосредственно выводим только из соседнего с ним “снизу” уровня путем внесения в него дополнительной меры организации. Так, например, механизм персонификации, обеспечивающий опосредствованно-совместный характер решений на автономном уровне (для управленческих решений), переходя из имплицитной формы в эксплицитную, приводит к локально-коллегиальному уровню. В свою очередь, локально-коллегиальный уровень при его максимальной выраженности и развернутости естественным образом (именно в связи с увеличением его “субъектного базиса”) трансформируется в интегративно-коллегиальный. Подчеркнем, что каждый последующий уровень выводим только из соседнего (либо путем дополнительной организации, что приводит к повышению уровня; либо путем ее редукции, что, наоборот, ведет к снижению уровня). Такая взаимовыводимость каждого уровня только из соседних с ним, преемственность их по отношению друг к другу обеспечивает и возможность адекватного использования на каждом уровне операционных средств всех иных уровней. За счет этого достигается возможность обмена операционными средствами и потенциальными возможностями между уровнями, а также их согласованного функционирования. Согласованность функционирования обеспечивает целостность уровней, придает ей черты системной организации, придает ей

свойства лабильности и адаптивности в отношении изменения внешних условий и режимов функционирования.

В данном контексте необходимо отметить еще одно обстоятельство. Уровни организации процессов ПР неправомерно трактовать с позиций их оценки по параметру “простоты – сложности” или как “более эффективные – менее эффективные”¹⁷. Различные уровни не являются “более” или “менее” простыми или сложными; они суть качественно *разные*, а каждый из них в чем-то более, а в чем-то менее сложен по сравнению с другим. Обеспечивая разные режимы взаимодействия системы со средой, они и формируются таким образом, чтобы максимально соответствовать специфике каждого режима. Более того, если бы имел место этот оценочный по своей природе критерий “простоты – сложности”, “большей – меньшей эффективности”, то, строго и логически последовательно говоря, сама бы уровневая дифференциация систем вообще была бы излишней. В этом случае просто существовал бы один, высший, уровень как наиболее “сложный”, “эффективный”, “мощный”. Этого, однако, не наблюдается, а сама необходимость уровневой дифференциации систем обусловлена тем, что характер ее взаимодействия со средой и ее функции в этом взаимодействии принципиально гетерогенны, разнокачественны и множественны. Соответственно, в самом содержании системы должны существовать аналогичные, качественно различные средства для этого, средства столь же гетерогенные, но и соорганизованные, принципиально множественные.

7. Принципиальная общность структурной организации процессов ПР трех типов состоит и в том, что их иерархия базируется на общем, идентичном *критерии-дискриминаторе*, то есть ключевом параметре уровневой дифференциации как таковой. При этом сам критерий-дискриминатор также является специфически системным, поскольку реализует в своем содержании наиболее общую и атрибутивно присущую ей дифференциацию уровней качественной определенности систем. Он, как показано в [37, 39], предполагает дифференциацию на элементный, компонентный,

¹⁷ Как известно, в общей теории систем в настоящее время происходит отказ от этого параметра для характеристики содержания уровней [62, 73].

субсистемный, системный и метасистемный уровни организации¹⁸. Последние и воплощены в пяти основных структурных уровнях организации индивидуальных, групповых и управленческих решений; точнее, они определяют дифференциацию на эти уровни.

Все сказанное вскрывает еще одну грань сформулированного выше положения, согласно которому именно закономерности системного типа выступают в процессах ПР базовыми механизмами их организации, в том числе и, прежде всего, естественно, структурной. При этом следует подчеркнуть: именно основная и наиболее общая закономерность интегративного строения систем как таковых воплощается в аналогичной, то есть также наиболее общей и определяющей закономерности организации процессов субъективного выбора – в их структурной организации. Установленная, таким образом, общность структурно-уровневого принципа организации трех классов процессов ПР, а также общность архитектоники их иерархий (состоящих из пяти уровней) дают основания для того, чтобы распространить эти принципы и на иные классы субъективного выбора.

8. Необходимо отметить еще одну – также общую и показательную особенность структурной организации трех классов процессов ПР. Она состоит в том, что реальная организация этих процессов в деятельности (индивидуальной и совместной) богаче и многомернее, нежели это может быть описано любым – даже максимально общим и универсальным принципом (структурно-уровневым). Последний, являясь, действительно, основным и определяющим, тем не менее не является исчерпывающим. Об этом свидетельствует тот факт, что в естественной деятельности обнаруживаются и такие формы организации процессов субъективного выбора, которые, не имея уровня статуса, играют в ней очень существенную роль. И в индивидуальной, и в особенности в управленческой деятельности, а также в процессах группового функционирования выявлены две такие специфические формы – *элиминативная* и *инклюзивная*.

¹⁸ К вопросу о содержании данного критерия мы возвратимся в гл. 4, где дается также и характеристика каждого из пяти значений критерия-дискриминатора.

Сущность первой из них состоит в следующем. В структуре целостной деятельности наблюдается достаточно мощная, стабильная и, как оказалось, усиливающаяся со стажем тенденция к исключению, к элиминации из деятельности процессов ПР и к их замене другими – более надежными и менее рискованными средствами организации деятельности. Как правило, прежде чем принять решение, субъект принимает решение «второго порядка» – идти на решение как таковое или попытаться *избежать* самой необходимости в нем, уйти от решения. Специфика второй из этих форм состоит в том, что по своей природе и функциональной направленности она противоположна элиминативным решениям. Сущность этих решений, специфика феноменов, возникающих в деятельности под ее влиянием, а также ситуаций, в которых они реализуются, состоит в том, что они являются как бы наднормативными (точнее, вненормативными), объективно не обусловленными логикой деятельности и поэтому – необязательными с точки зрения системы ее внешних детерминант и условий. Они имеют иной «локус детерминации» – субъектный и привносятся в деятельность под влиянием причин субъектного плана. Если элиминативные феномены направлены на минимизацию количества ситуаций выбора и процессов ПР в них, то эти феномены, наоборот, максимизируют меру их включенности в деятельность. Обе эти формы могут реализовываться на разных уровнях ПР и деятельности в целом; выступают поэтому как две “наложенные макроструктуры” процессов ПР. Они имеют двойственную природу: являются одновременно и процессами выбора и общедеятельностными образованиями. Факт их существования показывает, что в структуре целостной деятельности процессы субъективного выбора могут приобретать не только свою прямую, но и *превращенные формы* – вплоть до “отрицательных” проявлений (каковыми являются элиминативные решения). Поэтому наличие указанных форм – это еще одна общая особенность организации процессов ПР всех классов. Но это и еще одна специфически системная закономерность их организации, поскольку указанные формы выступают продуктами включения процессов выбора в метасистему деятельности, а за ее пределами не обнаруживаются и не могут быть обнаружены.

9. Установленные иерархии процессов ПР разных классов характеризуются общностью и в том отношении, что они не автономны по отношению друг к другу. Дело в том, что, например, иерархия управленческих решений включает в себя иерархию индивидуальных решений в качестве своего частного случая и локализует ее уровни на двух своих уровнях – автократическом и автономном. Вместе с тем, она является более общей, поскольку, помимо уровней индивидуальных решений, включает и принципиально новые уровни, невыводимые из содержания индивидуальных решений и индивидуальной деятельности (локально-коллегиальный, интегративно-коллегиальный и метаколлегиальный уровни). Это вскрывает и онтологическую общность процессов ПР двух классов в частности и, по-видимому, иных их классов в целом. “Высшее” (иерархия управленческих решений) отнюдь “не отменяет низшее” (иерархию индивидуальных решений), а включает его в себя именно как свой частный случай, как уровни своей собственной организации и тем самым сохраняет и использует в качестве своих собственных средств. Этим обеспечивается реальная взаимосвязь, взаимодействие основных классов процессов ПР, “обмен содержанием и принципами организации” между ними, а в конечном итоге – онтологическое их единство. Поэтому и различные классы процессов ПР могут и должны быть рассмотрены также и как своего рода мегауровни общей иерархии этих процессов. Поэтому их общий континуум, описанный в 1-й главе, допускает трактовку в качестве такой мегаиерархии (а на наш взгляд, требует именно такой трактовки).

2.4. Функциональные закономерности основных классов процессов принятия решения

При переходе от структурного плана обобщения к функциональному следует учитывать принципиальные трудности, обусловленные предельной широтой и полисемичностью самого понятия “функция”. Вместе с тем, общеизвестно и то, что в этом плане достаточно отчетливо выделяются такие аспекты анализа процессов ПР, которые наиболее специфичны именно им и которые в наибольшей мере конкретизируют для них общую категорию функциональных закономерностей.

Во-первых, это своего рода *микропроцессуальный* аспект, связанный с функциональными закономерностями организации самого процесса подготовки и принятия решений (и индивидуальных, и групповых, и управленческих), его динамики, собственно процессуального содержания. Во-вторых, это *макропроцессуальный* аспект, связанный с закономерностями функционального взаимодействия процессов ПР со всеми иными процессами и компонентами психики, деятельности, поведения и личностной организации субъекта, а также с групповыми процессами. В-третьих, это обобщенный, синтетический по отношению к двум первым аспект, связанный с возможным существованием специфических для процессов ПР *функциональных закономерностей*. Именно в этих аспектах – в силу их объективно наибольшей значимости и специфичности процессам выбора – и должно проводиться обобщение особенностей функциональной организации основных классов процессов ПР.

1. В первом из этих аспектов (микропроцессуальном), как показано нами в специальном цикле исследований [35, 37, 39, 44], обнаруживается принципиальное подобие *диахронической*, то есть собственно процессуальной организации трех основных классов процессов ПР. Оно является именно принципиальным, поскольку затрагивает саму основу, суть их организации – ее общий тип. В силу этого конкретные черты общности проявляются по нескольким направлениям одновременно.

Так, относительно наиболее явной, феноменологически и даже субъективно наиболее очевидной закономерностью (которая, однако, несмотря на эту очевидность, парадоксальным образом не учитывается в теории решений) является следующая общая особенность индивидуальных, групповых и управленческих решений.

В теории решений, как известно, доминирует своего рода “дискурсивно-стадиальный” подход к пониманию процессуальной организации выбора. Он вообще считается каноническим, если не сказать “аксиоматическим”. Данный подход предполагает определение основных этапов процесса ПР и их организацию в некоторую закономерную последовательность, которая к тому же рассматривается обычно как достаточно жесткая и инвариантная. По ним, этим этапам, и “надо пройти” для выработки и принятия решения; их последовательная реализация – это, собственно, и есть достаточное условие решения как такового. Однако такой подход лишь весьма приблизительно, а часто и неадекватно характеризует реальную психологическую картину процессуальной динамики решений. Он представляет собой, скорее, *нормативный идеал*; это лишь наиболее полная (и уже поэтому отнюдь не единственная) форма процесса выработки решений. Такую форму процессы выбора *могут* принимать, но значительно чаще – *не* принимают.

Они в общем случае строятся не по типу интеграции инвариантной совокупности жестко и априорно предзаданных этапов (стадий), а по типу *дифференциации* исходно целостного и нерасчлененного образования лишь на те этапы, которые необходимы и достаточны для выработки и принятия решения в каждом конкретном случае. В связи с этим следует заключить, что сам “процессуальный инвариант” субъективного выбора, который положен в основу теоретической экспликации всего процессуального анализа в психологии ПР, отнюдь не является инвариантом вообще. Это не абсолютное, а относительно понятие, обозначающее не жесткую “временную конструкцию”, а принципиально изменчивое – адаптивное и динамическое процессуальное образование. Его полнота – степень развернутости – регулируется специфически системным принципом достаточности.

Однако это хотя и очень важный, но все же далеко не единственный из такого рода общих принципов, обнаруживаемых у процессов индивидуальных, групповых и управленческих решений.

Он представлен в процессах выбора в сочетании с иными базовыми функциональными особенностями их организации. Это принципы комплексности и синхронности динамики процессуальных компонентов; их неравномерности и гетерохронности; взаимосодейственного и взаимооптимизирующего типа их динамики; ее нелинейности и немонотонности; принципы “одновременности закладки” основных компонентов выбора¹⁹ и “обеспечения достаточного эффекта”; принципы консолидации, целевой детерминации, а также принципы итеративности и иерархичности. Все они, с одной стороны, полно воспроизводят в своем составе специфические системные принципы динамики, а с другой – специфицируют их по отношению к своеобразию процессов ПР и существенно дополняют их.

Обнаружение этих принципов, а также их ведущая роль в плане динамики процессов ПР позволяют сделать вывод о том, что главной закономерностью их функциональной организации является ярко выраженная ее системность. Сам их процесс есть не что иное, как процесс системного развертывания, “движения”, процесса согласно своей собственной, внутренней логике, образованной установленными принципами. Он может быть адекватно охарактеризован (по аналогии с понятием системогенеза) как процесс системно организованного развертывания, но не в генетическом плане, а в плане актуального развития («движения» – кинеза) и зафиксирован в понятии *системокинеза*. Установление этого, а также обоснование правомерности и даже необходимости распространения принципов системной организации уже не только на структурную, но и на процессуальную организацию процессов ПР имеет, на наш взгляд, два следствия более общего порядка.

Во-первых, с этих позиций раскрывается специфика процессуальной организации психических явлений, многократно и подробно описанная в исследованиях и состоящая в единстве, недизъюнктивности процессуального содержания, в искусственности и условности любой их дифференциации на этапы и стадии [10, 24]. Дело в том, что любой процесс, рассмотренный и понятый как

¹⁹ Напомним, что в качестве основных компонентов в теории ПР рассматриваются альтернативы, критерии, гипотезы, правила, информационная основа, стратегии, нормы, цели, ценности и др.

система в непосредственном смысле этого понятия, обладает, как и всякая иная система, соответствующими и наиболее важными для нее *системными качествами*. Они “невыводимы” ни из каждого отдельно взятого этапа процесса, ни из их аддитивной совокупности (в данном случае – из линейной последовательности). В любом процессе обнаруживаются качества и особенности, характеризующие его именно как целостность, придающие ему организованность и выступающие в качестве его общих регуляторов. Эти качества, а также связанная с ними “процессуальная прибавка” по отношению к сумме содержания всех этапов, обнаруживается и экспериментально – в факте существования значимых эффектов взаимодействия всех этапов реализации процессов ПР. Как показали специально проведенные исследования, организация процессов ПР в целом и когнитивные ее механизмы в особенности характеризуются тем, что общее содержание этих процессов *не сводится* к «сумме содержаний» отдельных этапов. На уровне целостного процесса обнаруживаются такие содержательные характеристики, особенности, свойства и пр., которые отсутствуют у каждого из этапов в отдельности и у их аддитивной совокупности [37, 39, 44].

Во-вторых, на наш взгляд, с этих позиций очевидна необходимость реализации всего арсенала методологии системности по отношению не только к структурному, содержательному плану объектов психологического исследования, но и по отношению к их функциональной организации. Широко изучающийся в настоящее время феномен системности структуры, строения не является единственным. Он должен быть дополнен другим важнейшим типом системности – *хронологической системностью*, вскрывающей системность самого процесса функционирования. Объекты внешнего мира и психические явления системны не только в плане их структуры, но и в плане самого процесса функционирования – процессуально системны. И это функционирование является источником новой категории системных качеств – *временных*, обнаруживаемых в целостной временной динамике процесса. Понятно, что данный вывод требует дополнительного обоснования, но по отношению к процессам выбора он непосредственно вытекает и из эмпирических наблюдений, и из экспериментальных результатов,

вскрывающих несводимость целостного процесса их развертывания к аддитивной совокупности его этапов.

Наконец, существует и еще одна – также общая для основных классов процессов ПР закономерность, которая, по-видимому, является базовой – определяющей все рассмотренные выше. Она обнаруживается “на стыке” функционального и структурного планов исследования и заключается в следующем. Дело в том, что сами уровни организации процессов ПР как раз и выделяются, дифференцируются по степени развернутости их операционного состава, который является качественно различным на них. Иными словами, уровни, прежде всего, отличаются друг от друга (качественно) именно по степени процессуальной развернутости процедур выбора. Это означает, что на разных уровнях мера представленности полного процессуального инварианта является различной. На низших уровнях организации мера представленности всей совокупности этапов вообще минимальна (см., например, специфический тип индивидуальных решений – “выбор без перебора”, характерный для локально-целевого уровня индивидуальных решений). Она, однако, последовательно возрастает по мере повышения иерархического положения уровней в их общей структуре.

Таким образом, процессуальная организация принятия решений не является абсолютной потому, что она определяется тем уровнем их общей структуры, который актуализируется в качестве ведущего в той или иной ситуации и который необходим и достаточен для выхода из нее. Процессуальная организация выбора является поэтому *уровнево-относительной*. Но справедливо и обратное: ситуация в целом и, прежде всего, мера ее субъективной сложности требуют вполне определенной степени процессуальной развернутости решения для организации выбора. Она, в свою очередь, детерминирует актуализацию того или иного уровня, который и будет выступать ведущим для ее преодоления. Общей закономерностью является и то, что существует прямая связь между полнотой, развернутостью процессуальной организации ПР и иерархическим положением уровня, на котором оно реализуется. Чем выше уровень, тем полнее процессуальная развернутость, богаче и “мощнее” сам процесс ПР.

2. Во втором из планов обобщения – *макропроцессуальном* – также обнаруживаются принципиально сходные закономерности

основных классов процессов ПР, причем эти закономерности еще более полиморфны, нежели особенности микропроцессуальной организации. Остановимся лишь на главных среди них. Так, наиболее существенным представляется то обстоятельство, что именно в этом плане встает самый острый и принципиальный для всей концепции интегральных процессов (и ПР как одного из них) вопрос. Он состоит в следующем. Если процесс ПР выступает (независимо от его конкретного вида, класса) как интегративный, а значит, производный от многих иных процессов, структур, образований, то означает ли это, что он одновременно имеет и собственное – специфическое процессуальное содержание? Или же, наоборот, он может быть сведен (редуцирован) без потери содержания к аддитивной совокупности тех компонентов, на основе которых он, в конечном счете, реализуется? Это фактически вопрос о «сводимости» или «несводимости» процесса ПР к иным объектам психологического исследования. От его решения зависит и общее понимание самого предмета всей психологии ПР, а также принципиальная трактовка его содержания и, следовательно, решение проблемы самостоятельности его психологического статуса. Что же конкретно в плане решения данного вопроса дают результаты его экспериментального исследования?

Эти исследования, выполненные с использованием методологии факторного планирования экспериментов и средств многомерного статистического анализа, показали, что содержание процессов ПР *принципиально несводимо* к содержанию интегрируемых в нем процессуальных и иных составляющих. Следовательно, оно выступает самостоятельной и специфической компонентой, формирующейся как закономерный продукт действия механизмов интеграции. Данный результат является поэтому и экспериментальным доказательством позитивного решения вопроса о *самостоятельности статуса* процессов ПР как интегральных процессов регуляции индивидуальной и совместной деятельности, об их несводимости к иным – традиционно выделяемым процессам и структурам. Их специфика в том и состоит, что, в силу атрибутивно присущих интеграции как таковой генеративных, порождающих механизмов, в процессах ПР формируется обусловленное ими новое процессуальное содержание, возникают новые их грани, особенности, свойства и т.д. Они либо отсутствовали, либо были

представлены в имплицитной форме у тех компонентов, которые подлежали самой интеграции. Они возникают, таким образом, лишь на уровне целого, то есть в рамках процесса ПР (и не проявляются при той или иной его аналитической “декомпозиции”).

Это, повторяем, общий принцип функциональной организации процессов ПР. Но он может наполняться – именно в силу своей общности и возможности реализации во всех типах и классах выбора, во всех его ситуациях – различным содержанием. Так, по отношению к индивидуальным решениям он предстает, разумеется, как интрапсихическая интеграция. Здесь в качестве ее компонентов (то есть “материала” интеграции) выступают отдельные психические процессы (прежде всего, когнитивные, а также эмоциональные, волевые, мотивационные), индивидуальные качества личности и все иные – ее основные структурные компоненты – личностные конструкты, операции и действия по выработке решения. Экспериментальным «индикатором» этого выступает, в частности, то, что на долю суммарной дисперсии автономных вкладов в ПР «первичных» психических процессов приходится в среднем 30 – 35%, а на долю дисперсии их взаимодействия (то есть интеграции) – более 40 – 45% [29, 44]. В одновременно проведенных опытах, где испытуемые выполняли задания, не связанные с необходимостью в принятии решения, дисперсия взаимодействия была ниже суммарной дисперсии их автономных влияний на результат. Следовательно, в структуре ПР имеют место не только значимые ($\alpha=0,99$), но и более сильные, нежели автономная роль отдельных процессов в его обеспечении, эффекты интеграции когнитивных процессов. Эта интеграция обуславливает формирование нового процессуального содержания, специфичного именно ПР.

Данный результат подтверждает общий тезис об интегративной специфике процессов ПР, показывая недопустимость его редукции к иным, включенным в него процессам. Поэтому функциональная, собственно процессуальная специфика ПР состоит в том, что в его структуре возникают сильные эффекты интеграции психических процессов, которые не позволяют редуцировать его содержание к совокупности этих процессов. Признание у ПР интегративной специфики, понимание его как процесса «второго порядка» ни в коей мере не противопоставляет его, однако, иным психическим процессам, а, наоборот, вскрывает его преимущен-

ность и, более того, производность от них, выявляет общий тип его связей с ними.

По отношению к групповым решениям базой интеграции, ее “материалом” и “ближайшим носителем” становится уже совершенно иная категория процессов, явлений, структур. К числу последних относятся многочисленные и подробно изученные процессы как инструментального плана (кооперация, соактивность, деятельностная ролевая дифференциация, согласование функций, фасилитация), так и экспрессивного плана (подражание, подавление, симпатия, антипатия, эмпатия, социальная перцепция и др.). Все известные в настоящее время локальные процессы организационного функционирования выступают тем материалом и той «онтологической базой», на основе которой реализуются сами интегральные процессы этого функционирования. Последние, однако, задают новый, организационный контекст для структурирования первых, синтезируют их в соответствии со спецификой основных деятельностных задач. Внесение такой дополнительной организации приводит к новым процессуальным особенностям, которые не обнаруживаются у локальных процессов по отдельности.

Итак, возникновение нового процессуального содержания, имеющего специфически интегративный генез и природу – это одна из главных и наиболее общих для всех классов процессов ПР их закономерностей. И если многочисленные экспериментальные данные позволяют установить это содержание, то теоретическое его осмысление позволяет объяснить его природу, а также его детерминанты. Они и формируются, и функционируют лишь благодаря системному синтезу иных психических процессов, иных деятельностных структур, а также процессов группового функционирования. Возникающие при этом генеративно-порождающие эффекты, присущие интеграции как таковой, приводят к новым качественным характеристикам. Они придают этим процессам их качественную определенность, обуславливают самостоятельность их процессуально-психологического статуса. В структуре интегральных процессов формируются их качества как целостностей – системные качества, несводимые к качественным характеристикам совокупности входящих в эти процессы иных – более локальных образований и процессов. Интегративные меха-

низмы – это и есть сама *онтология системности* как принципа организации.

Любой процесс ПР, выступая интегративным по своим психологическим механизмам, поэтому есть одновременно и “синтез наличного” и “выход за его пределы”. Причем независимо от класса выбора, поскольку в зависимости от него будет различаться лишь содержание, “носитель” выбора, но не сами интегративные механизмы выбора. Как интегративный, он базируется на системе многих иных процессов (для индивидуальных решений – основных психических процессов, для управленческих и групповых решений, наряду с ними, также и на групповых, организационных, межличностных процессах), синтезирует их в себе. Но при этом совершенно объективно эта же интеграция приводит к формированию ее собственных свойств – системных качеств. Они, будучи несводимы по определению к особенностям и возможностям интегрируемых компонентов, позволяют “выйти за их пределы” – полнее раскрыть потенциальные возможности самих этих компонентов через их включение в процессы субъективного выбора. В этой связи, несколько упрощая, можно сказать, что процесс ПР потому и является интегральным, что лишь благодаря этому и, прежде всего, присущей самой интеграции возможности выхода за пределы интегрируемых компонентов он обретает свой действительный потенциал, а также свойство реализуемости в огромном диапазоне объектных ситуаций.

Разумеется, в этом “новом содержании” нет ничего необычного и непонятного, поскольку в основе его возникновения, наряду с генеративными эффектами системных качеств как таковых, лежат и иные – также известные, общие системные механизмы. И прежде всего, – это фундаментальный механизм “удвоения качеств”, описанный в теории систем (который при ряде последовательно осуществляющихся интеграций трансформируется в производный от него механизм “умножения качеств”). Он, как известно, заключается в том, что компонент (процесс, явление, структура), включаясь в определенную целостность (метасистему), наряду с сохранением в ней своей качественной *определенности*, одновременно приобретает и качественную *специфичность*. В своей относительной независимости от системы те компоненты, из которых она синтезирована, обладают качественной определенностью; *сумма*

же компонентов (но пока не их система) – это есть сумма их качественных определенностей. Однако после того как они синтезируются в составе системы и начинают выступать уже как ее компоненты, они *дополнительно* приобретают и качественную специфичность. Поэтому *та же самая* их совокупность, но организованная в некоторую систему, характеризуется *новым* содержанием. Оно образовано уже не только суммой качественных определенностей, но и суммой их качественных спецификаций. В силу этого на уровне целого (системы) имеет место некоторая “прибавка” качественных характеристик. Механизмом ее формирования выступают синергетические – организационные, то есть специфически системные эффекты и, прежде всего, *эффекты супераддитивности*. Таким образом, в свете сказанного можно предположить, что при раскрытии качественного своеобразия процессов ПР и особенно при объяснении той “процессуальной прибавки”, которая имеет в них место, следует опираться именно на механизм “удвоения качеств”, на представления о связи качественной определенности и специфичности компонентов целого.

Таким образом, в составе целостности, то есть в своем конкретном “внутрисистемном бытии”, они (компоненты) обретают новые грани, свойства и потенции, а их функциональные возможности при этом расширяются. Конкретные примеры этого многообразны, а некоторые из них состоят в следующем.

Особенно явно это положение проявляется (и должно проявляться в силу ее эксплицированного характера) в обобщенной *феноменологии* процессов ПР, в тех эффектах и свойствах, которые возникают в результате взаимодействия и синтеза частных, локальных их закономерностей и феноменов.

Например, один из наиболее общих и широко изученных групповых процессов – процесс *убеждения*, включаясь в процессы принятия групповых решений и выступая при этом одним из основных средств их реализации, подвержен определенным и вполне закономерным трансформациям. Сохраняя все свои атрибутивные особенности (качественную определенность) – “не переставая быть собой”, процесс убеждения в ходе группового выбора обретает уже не абстрактную, а вполне конкретную форму – форму феномена “рационализации аргументов”, подробно описанного в теории групповых решений.

Далее, с этих позиций отчетливо выявляется положение об *относительном*, а не абсолютном характере многих, в том числе и основных закономерностей, установленных в теории решений. Во многих более развитых, нежели психология, научных дисциплинах (а также в методологии системного подхода) давно осознан тот факт, что закономерности, справедливые в одной “системе координат”, могут не выполняться и даже трансформироваться в обратные – в другой. Каждая из них обладает своей степенью обобщенности, своими границами, в которых она справедлива. Все это, однако, с полным правом относится и к теории принятия решения. Подавляющее большинство описанных в ней закономерностей и результатов, безусловно, справедливы, но по отношению к тем условиям и априорным ограничениям, которые приняты за “точку отсчета” (ею в настоящее время является традиционная парадигма лабораторного эксперимента). В ней процессы ПР рассматриваются, прежде всего, либо как индивидуальный выбор, либо как выбор межличностный, но паритетный, не включающий механизмов иерархии; сами же исследования проводятся преимущественно на аналитически изолированных от целостной деятельности и уже сформулированных, заданных (“готовых”) ситуациях выбора.

Вместе с тем, при снятии этих априорных допущений и упрощений вскрывается новый факт. Многие из закономерностей, полученных на внедеятельностных условиях, в контексте деятельностной детерминации могут не только не выполняться, но инвертируются. Например, систематически не выполняются такие общие закономерности ПР, как “инерционный эффект” и “феномен реактивного сопротивления в выборе”. Другие, не менее общие закономерности инвертируются, “переворачиваются” (например, “эффект Ирвина”). Тем самым они раскрываются именно как деятельностно-относительные, а не абсолютные.

Аналогичная картина наблюдается и в отношении «выполняемости» ряда важных закономерностей в отношении к различным классам процессов ПР. Например, фундаментальное явление “сдвига риска”, будучи, безусловно, справедливым для групповых – *паритетно* организованных решений, может не выполняться и, как правило, не выполняется в *иерархически* организованных группах. В них это явление трансформируется в более общий феномен “поляризации риска”. Нами было показано, что в иерархи-

чески организованных группах имеет место *разнонаправленная* динамика уровня субъективно принимаемого риска [37, 38, 44]. Субдоминантные члены группы (подчиненные) проявляют главным образом позитивный сдвиг уровня риска, а ее доминантный член (руководитель) в основном демонстрирует негативный сдвиг уровня риска.

Таким образом, закономерности индивидуальных решений, установленные в традиционной, аналитически построенной теории решений, – это частный случай закономерностей более общей – деятельностной теории ПР. В свою очередь, закономерности теории индивидуального выбора – частный случай теории совместных решений, а закономерности межличностных решений – частный случай теории управленческих решений, анализирующий совместные решения в условиях их иерархической организации. Соподчиненность основных классов процессов ПР (индивидуальных, групповых паритетных, групповых иерархических) определяет собой и соподчиненность частных концепций – теории индивидуальных решений, теории совместных паритетных решений, теории управленческих решений. Описанные в рамках каждой из них закономерности либо утрачивают свой абсолютный характер в иных концепциях, либо выступают как частный случай по отношению к более общим закономерностям.

3. С рассмотренных позиций может быть установлена также и общность основных классов процессов ПР в третьем из отмеченных планов. Он синтезирует в себе микро- и макропроцессуальные особенности организации субъективного выбора. Это – план, описывающий существование и тип собственных, наиболее специфичных для процессов ПР *функциональных закономерностей* их организации, а также их соотношения с закономерностями тех образований, которые интегрируются в процессах выбора. Общее решение данного вопроса, базирующееся на экспериментальных и эмпирических материалах, может быть сформулировано следующим образом.

Все основные психологические закономерности, присущие интегрируемым в процессах ПР иным процессам, образованиям, структурам, сохраняются и в них, то есть имеют место и на уровне целого – на уровне ПР как системного образования. Они (хотя в ряде случаев и в специфицированном виде) играют важнейшую, а

часто – определяющую роль в принятии решений. Однако, наряду с ними, возникают и новые – специфические для целого – собственно интегративные закономерности. Они, “не отменяя” всех иных закономерностей, образуют, вместе с тем, наиболее обобщенный и генерализованный план существования инвариантов организации процессов выбора. По отношению к процессам индивидуальных решений это, например, следующие закономерности интегративного типа.

Существует прямая зависимость и даже предопределенность качественных параметров процессов ПР *мерой интегрированности* в них основных *когнитивных процессов* и личностных *качеств*. Аналогичная зависимость существует между качеством процессов ПР и мерой интегрированности операционно-действенного состава этих процессов. Далее, структуры интеграции когнитивных психических процессов, реализующих процессы ПР на разных уровнях их иерархической организации, являются *качественно гетерогенными*.

По отношению к процессам управленческих решений – это, в частности, непосредственная зависимость их качественных параметров от степени структурированности (интегрированности) группы (организации), в отношении которой реализуется решение; связь качества решений с мерой интегрированности, согласованности “управленческой” и “исполнительской” их компонент; аналогичные с индивидуальными решениями – качественные различия психологического обеспечения разных уровней иерархии управленческих решений, но уже не в плоскости психических процессов, а в плоскости личностных качеств руководителя и др. Кроме того, как будет показано в 3-й главе, по отношению к управленческим решениям эти же закономерности интегративного типа лежат в основе психологической структуры общей *способности* к принятию управленческих решений.

Итак, закономерности функциональной организации процессов ПР основных классов должны быть поняты, по существу, как однопорядковые – интегративные по своим механизмам и специфике проявления. “Не отменяя” всех иных психологических особенностей организации субъективного выбора, а также входящих в их состав других – более локальных процессуальных и деятельностных образований, они тем не менее вскрывают новый, специфич-

чески интегративный пласт закономерностей этой организации. Их изучение позволяет поэтому выявить дополнительную грань общей функциональной организации этих процессов, эксплицировать дополнительное их содержание, выступающее необходимым следствием генеративных, продуктивных эффектов, имеющих место в результате действия механизмов психической интеграции (как в интраиндивидуальном, так и в интериндивидуальном планах). И в этом смысле установление и характеристика всей системы интегративных закономерностей также является одним из аргументов в пользу возможности корректности общих представлений о ПР как интегральном процессе регуляции индивидуальной и совместной деятельности, а также группового функционирования.

2.5. Общие особенности генезиса основных классов процессов принятия решения

Обобщение результатов, раскрывающих закономерности процессов ПР основных классов, предполагает, далее, обращение к их *генетическому* аспекту. При этом следует учитывать двоякое значение данного аспекта исследования процессов ПР. С одной стороны, генетические закономерности сами по себе выступают одной из наиболее важных категорий закономерностей, раскрывающих общий *предмет* изучения, и поэтому их необходимо включить в сферу обобщения. С другой стороны, именно этот план исследования выступает как конкретизация по отношению к процессам ПР принципа развития, переводит их исследование в собственно генетическую плоскость; он должен рассматриваться поэтому и в качестве *метода* их изучения. Кроме того, с точки зрения принятой в системной методологии общей логики построения научного исследования генетический план также является необходимым и одним из заключительных ее этапов. Он выступает таковым потому, что придает исследованию концептуально завершенный характер, дополняя онтологические, структурные и функциональные закономерности раскрытием собственно генетических закономерностей предмета исследования.

Вместе с тем, реализация этого плана исследования по отношению к процессам ПР сопряжена, пожалуй, с основными трудно-

стями. Они связаны с тем, что проблема принятия решения не только наиболее слабо разработана в генетическом аспекте в целом (и профессиогенетическом аспекте в частности), но до недавнего времени была фактически даже не поставлена в этом плане. Однако и соображения теоретического порядка, и в особенности императивы прикладной оптимизации профессиональной деятельности, а также обучения ей настоятельно требуют именно такого плана ее разработки. Эти трудности обусловлены еще и тем, что процессы ПР, будучи интегративными и многоаспектными, обуславливают взаимодействие в их развитии нескольких, также сложных линий генетического развития. Особенно отчетливо все это проявляется в процессе генезиса управленческих решений. Они связаны и с формированием процессов индивидуального выбора, и со становлением и эволюцией форм совместного (интериндивидуального) выбора, и с влиянием общей деятельностной, точнее, совместно-деятельностной детерминации, и с эволюцией форм межличностного взаимодействия в ходе их развития и др.

Итак, интегративность процессов ПР определяет гетерогенность их генезиса. Поэтому их изучение в данном аспекте объективно должно быть дифференцированным, должно включать ряд взаимосвязанных исследовательских планов (и в этом отношении оно сходно с функциональным исследованием). Во-первых, это изучение процессов ПР в аспекте их генезиса как относительно самостоятельной системы с акцентом на выявлении закономерностей формирования и развития их собственной структуры. Последняя обозначается в теории решений и в психологии решений как “формальная структура” (или – микроструктура) процессов выбора. Это, так сказать, *микроструктурный* аспект генетического изучения. Во-вторых, это их исследование в качестве компонента общей системы деятельности с преимущественным акцентом на выявлении ее детерминации по отношению к генезису процессов ПР. Это – *макроструктурный* аспект генетического изучения. В-третьих, это наиболее обобщенный, синтетический по отношению к двум первым и потому основной для генезиса любых процессуальных образований аспект – аспект формирования *операционного состава* процессов ПР в ходе их развития. Эти аспекты, отражая основные и реальные “составляющие” развития процессов субъективного выбора любого класса, должны быть использованы по-

этому и как направления для обобщения выявленных генетических закономерностей. Рассмотрим основные и общие для исследованных классов субъективного выбора закономерности.

1. Главным и наиболее общим результатом, полученным при реализации первого из отмеченных аспектов (“микроструктурного”), явилось установление того, что развитие и формирование процессов ПР – и индивидуального, и группового, и управленческого – подчиняется основным принципам генезиса системных образований – *принципам системогенеза* и выступает поэтому по своему типу именно как системогенез. Это означает формирование основных компонентов процессов ПР, составляющих в своей совокупности микроструктуру выбора²⁰, развертывается по типичным системогенетическим закономерностям – неравномерности и гетерохронности, комплексности и взаимосодейственности, нелинейности и немонотонности перестроек, консолидации и “одновременности закладки” компонентов, целевой детерминации и достаточности и др. Это служит еще одним экспериментальным доказательством правомерности самой трактовки процессов ПР как интегральных. Их интегративный принцип организации раскрывается при этом в дополнительном по отношению к структурному и функциональному планам аспекте – собственно генетическом.

Вместе с тем, уже в этом – наиболее имплицитном аспекте, непосредственно связанном с механизмами структурирования процессов ПР, проявляются и дополнительные генетические закономерности. Они выходят за рамки традиционных принципов системогенеза, хотя также являются по своему содержанию и системными и генетическими. Их наличие отражает особенности компонентного состава процессов ПР. Одной из значимых среди них является, например, следующая закономерность. Все главные компоненты микроструктуры процессов ПР (и индивидуального, и управленческого) формируются в основном не по принципу “возникновения и развития” в деятельности каких-либо новых – *дополнительных* ее образований, рядоположенных всем иным ее

²⁰ Этими компонентами, как уже отмечалось выше, являются информационная основа, правила, критерии, способы, альтернативы, цели, ценности, нормы и пр.

компонентам. Напротив, все компоненты процессов выбора и формируются, и функционируют на базе самих деятельностных образований, на базе их “материала”. Он, однако, имеет тенденцию трансформироваться и изменяться в направлении того, чтобы максимально содействовать разрешению ситуаций выбора. Фактически имеет место процесс “точного и тонкого приспособления” [70] тех или иных деятельностных компонентов под задачи выбора. Например, информационная основа деятельности и отдельные ее звенья трансформируются таким образом, чтобы ключевую роль в ней играли информационные признаки, наилучшим образом обеспечивающие выход из ситуаций ПР. Другими словами, и информационная основа, и иные деятельностные компоненты приобретают *свойство оперативности* по отношению к задачам ПР, а тем самым становятся их компонентами, точнее – материалом, содержанием этих компонентов.

И в этом плане проявляется важная, на наш взгляд, общая для индивидуальных и управленческих решений особенность: специфичность системогенеза процессов ПР и его производность – вторичность по отношению к генезису системы деятельности в целом, его *деятельностно-опосредствованный* характер.

2. Эта специфичность и наличие новых генетических закономерностей обнаруживаются, однако, с наибольшей полнотой в следующем – макроструктурном плане. Он как раз и позволяет установить обобщенные, то есть деятельностно-обусловленные генетические закономерности; вообще – установить роль деятельностной детерминации в их генезисе. Как показал специально проведенный цикл экспериментальных и эмпирических исследований, наиболее значимым и общим для таких важнейших классов процессов ПР, как индивидуальные и управленческие решения, является то, что все системогенетические принципы характеризуют генетическую динамику формирования *уровневой структуры* этих процессов. Она развертывается “в пространстве уровней” их организации, которая, в свою очередь, включена в макроструктуру деятельности и тем самым испытывает детерминацию последней.

Итак, уже не только формирование каких-либо локальных механизмов, отдельных «составляющих» процессов ПР, но и генезис их интегративных форм – уровней также характеризуется этими принципами (в частности, неравномерностью, гетерохронностью,

консолидацией, принципом достаточности и др.). Поэтому сам генезис процессов ПР есть не что иное, как формирование и совершенствование их уровневой структуры, которое носит специфически системный характер, поскольку подчиняется принципам системного генезиса. Понятие системогенеза, следовательно, не только описывает формирование процессов ПР, но и составляет суть этого процесса, его содержание и смысл. Но одновременно уже сам этот результат раскрывает и зависимость, производность генезиса уровневой структуры решений от всей системы деятельности, поскольку то, какие уровни и в какой их иерархии формируются, определяется именно влиянием деятельностной детерминации. Следовательно, ключевые детерминанты генезиса этих процессов заложены во всей системе деятельности, а их генетическое исследование должно быть связано с выявлением содержания этой детерминации деятельностного плана.

Наряду с этим общим для двух указанных – основных процессов ПР классов и результатом является то, что деятельностная детерминация проявляется и в ряде дополнительных закономерностей. Ими выступают, в частности, такие феномены, обнаруживаемые и в индивидуальной, и в совместной деятельности, как наличие *сензитивного периода* формирования процессов ПР в ходе профессиогенеза; механизм *снижения ведущего уровня* реализации процессов ПР; наличие *двух фаз* формирования процессов ПР – когнитивного и регулятивного их освоения; явление *«положительной индукции»* между формированием процессов выбора и всех иных компонентов деятельности; механизм придания процессам ПР свойства *оперативности* за счет спецификации его операционного состава по отношению к содержанию и условиям деятельности и др. [30, 35, 39, 43].

Итак, макроструктурный аспект генетического исследования указывает на общую для формирования индивидуальных и управленческих решений закономерность – ключевую роль деятельностной детерминации, которая одновременно специфицирует общие системогенетические принципы. Она очень значима и имеет определяющий характер для формирования процессов ПР. В силу этого системогенез процессов ПР приобретает по необходимости черты *производности* от становления всей системы деятельности, вторичность по отношению к генезису деятельности. Он раскрывается

как специфический тип системогенеза – производный, деятельностно-опосредствованный системогенез.

3. Наконец, обе основные линии генетического развития процессов ПР (как индивидуальных, так и управленческих) находят свое обобщенное, синтетическое проявление в третьем главном аспекте. Он раскрывает генезис этих процессов в наиболее специфическом для любых процессуальных образований плане – в плане формирования их *операционного состава*. Подчеркнем, что этот аспект, имея значимый собственно генетический смысл, в то же время выходит за пределы собственно генетического изучения, поскольку имеет принципиальное значение для всей проблемы ПР. Последнее связано с тем, что он вновь требует возвращения к проблеме специфичности и самостоятельности самого *статуса* процессов ПР. Действительно, если генезис этих процессов в деятельности строится по типу только использования в его целях операционных средств и механизмов иных деятельностных процессов и образований и не включает формирование каких-либо специфических для него операционных средств, то приходится дать отрицательный ответ и на вопрос о самостоятельности его статуса. И наоборот, если в ходе профессиогенеза обнаруживается формирование *специфического* операционного состава этих процессов, то это означает, что и сами они формируются как качественно специфические регуляторы деятельности, несводимые по своему содержанию ко всем иным ее процессуальным образованиям.

Экспериментальные и эмпирические аргументы, полученные в ходе проведенного исследования, свидетельствуют о правомерности второй точки зрения, поскольку выявляют наличие не только специфического, но и дифференцированного, разнообразного по содержанию операционного состава, лежащего в основе реализации процессов ПР [31, 33, 35, 39, 42 и др.]. Так, в частности, для процессов управленческих решений это операции распознавания ситуаций ПР и их уровневой дифференциации; формирования субъектного базиса решений и объективации представления о задаче ПР; целевого опосредствования и мотивирования; агрегирования индивидуальных предпочтений; операции принуждения и контрольные операции; операции санкционирования и полипроцессуальной координации и др. Практически все они не только не

представлены в операционном составе индивидуального выбора, но и в некотором отношении противоположны ему²¹. Они образуют в своей совокупности операционный состав процессов управленческих решений, вскрывают специфичность их процессуального содержания, а также его объективную производность от содержания всей деятельности в целом, от основных управленческих функций.

Вместе с тем, по отношению к формированию операционного состава процессов ПР существует еще одна – также важная, по нашему мнению, закономерность. Она состоит в том, что, с одной стороны, само содержание формирующихся операционных средств принципиально различно для разных классов ПР, в частности для индивидуальных и управленческих решений. Так, для операционного состава индивидуальных решений наиболее характерно то, что его операционные средства в основном направлены на обеспечение базовых компонентов “формальной структуры” (микроструктуры), формируются для их реализации. Это формирование операций, способов и иных средств, обеспечивающих функционирование информационной основы, критериев, правил, стратегий выбора, а также их согласования с общедействительным контекстом. Для управленческих решений операционный состав существенно более развернут, гетерогенен и выходит за пределы микроструктуры этих процессов и включает совокупность принципиально новых операций.

Эти операции вскрывают специфичность процессуального содержания управленческих решений, а также объективную производность их операционного состава от содержания всей деятельности в целом. Они, дополняя и в значительной степени трансформируя функциональные механизмы, заложенные в структуре индивидуального выбора, не только обеспечивают саму реализуемость управленческих решений, но и придают им свойство оперативности по отношению к специфике содержания и условий управленческой деятельности.

²¹ Генезис процессов ПР в *индивидуальной* деятельности рассмотрен нами также в [31, 33, 35, 39], где дана и характеристика формирования их операционного состава.

Выявляя общий тип генезиса процессов ПР, а также его специфичность, возникающую под воздействием деятельностной детерминации, следует видеть также и его общий смысл, общую его направленность, которая, в свою очередь, обнаруживает его противоречивость и диалектичность. В конечном итоге, этот смысл определяется самой психологической природой процессов ПР, их специфичностью и даже уникальностью. Дело в том, что эти процессы, как никакие иные, органично и объективно сопряжены с категорией *риска*. Последний, однако, в подавляющем большинстве ситуаций, особенно деятельностных, “экологических”, оценивается субъектом негативно и репрезентируется как личностно нежелательный. Он столь же субъективно нежелателен, сколь и объективно “неустрашим” из структуры деятельности. В связи с этим и сами процессы субъективного выбора приобретают своеобразную “отрицательную валентность”, обуславливают достаточно мощные динамические тенденции к уходу от них. Эти общие причины конкретизируются в деятельности в особой форме организации процессов выбора – *элиминативной*. Она, однако, специфична не только в отношении уже сформированных, развитых систем деятельности, но и сама по себе также подвержена генетическому формированию. Более того, она оказывает активное влияние как на формирование процессов ПР, так и на профессиогенез деятельности в целом. Это обнаруживается в ходе генезиса и индивидуальной, и совместной деятельности. Под влиянием феноменов элиминации в общем процессе генезиса деятельности оказываются синтезированными две достаточно противоречивые его линии, особенно явно представленные в управленческой деятельности.

Во-первых, имеет место развитие процессов ПР как таковых, повышение их потенциала, совершенствование его процессуальных и результативных характеристик. Во-вторых, происходящее при этом нарастание функциональной роли элиминативных средств и механизмов деятельности в организации со всей очевидностью указывает и на то, что в ходе ее генезиса формируется и способность к уходу от самой необходимости в реализации многих решений. Формируются средства их адекватного прогнозирования и предупреждения на основе самого их возникновения; складываются такие способы планирования деятельности, которые минимизируют число ситуаций выбора. В том случае, если речь идет о

развитии управленческих решений, то совершенствуется умение распределения и оптимального переложения решений на других, соподчиненных лиц (а также многие иные средства адекватной элиминации). Несколько заостряя содержание этой, второй, генезисной линии, можно сказать, что в ходе профессионализации руководителя формируется не только умение *принимать* решения, но и умение их *не принимать*.

Дополнительным следствием обнаруженного усиления функциональной роли элиминативных механизмов является переход от *пассивной* стратегии организации деятельности, строящейся как реагирование на возникающие ситуации неопределенности, к *активной* стратегии, строящейся как реализация таких способов ее осуществления, которые минимизируют возникновение такого рода ситуаций. В связи с этим формулируется существенный, на наш взгляд, вывод об одном конкретном и достаточно действенном направлении оптимизации профессиональной подготовки руководителей в аспекте обучения их принятию решения. Это необходимость формирования в ходе подготовки всей системы средств *адекватной элиминации*, а также профилактика неадекватных средств через показ их отрицательного влияния на параметры деятельности. Формирование элиминативных механизмов раскрывает поэтому еще одну грань системогенеза процессов ПР; указывает на то, что их генезис, имея своей основой становление их уровневой структуры, не исчерпывается, однако, этим, а включает и развитие иных – “сквозных” форм их организации.

Важной особенностью генетического аспекта изучения процессов ПР является то, что именно в нем обнаруживается наибольшая степень специфичности развития *групповых* решений по отношению к двум другим основным (и уже рассмотренным выше) классам – индивидуальным и управленческим. Эта специфичность, а одновременно – источники трудностей генетического изучения процессов групповых решений связаны, прежде всего, с тем, что в данном классе решений сам *предмет* генезиса очень своеобразен и «непохож» на все те объекты, процессы, явления, которые до сих пор рассматривались в психологических исследованиях генетической ориентации.

Главная черта этой “непохожести” состоит в том, что сам субстрат, “онтологическая база” групповых решений является как бы

“распределенной”; она представлена не в “интра-”, а в “интер-индивидуальной” плоскости существования. Далее, предмет генезиса принципиально “несоотносим” с изменениями только в индивидуальной психике членов группы и несводим к ним. Сам он и те закономерности, по которым он эволюционирует, лежат в *надьиндивидуальном* плане – находятся как бы “между субъектами”, коренятся во взаимодействии между ними и в трансформациях внутригрупповых взаимодействий. Среди других – также принципиальных особенностей процессов групповых решений, специфицирующих их генезис, следует отметить относительную *вариативность состава* групп и их нестабильность; значимость влияния *межгрупповых* взаимодействий на генезис процессов выбора, а также включенность любого члена группы во многие *иные* группы; относительно *небольшое «время жизни»* групп во многих случаях (что не позволяет полностью реализоваться генезису групповых решений и обуславливает его «парциальный» характер); *крайний полиморфизм групп*; тесная связь генезиса процессов групповых решений с *развитием групп* как таковым и многое другое [36, 44].

Однако даже при всем этом генетическое изучение процессов принятия групповых решений не только возможно, но и необходимо; оно показывает, что существуют определенные – инвариантные и потому закономерные особенности генезиса процессов групповых решений. Система этих закономерностей (естественно, в первом приближении) и явилась главным итогом проведенных нами генетических исследований процессов групповых решений. Наиболее значимыми и показательными в плане общей проблемы генезиса процессов групповых решений являются, по нашему мнению, следующие из них.

Во-первых, генезис процессов групповых решений в его максимально развернутом виде (т.е. своего рода его *полный цикл*) дифференцируется на *три генетические стадии* [39, 44]. На первой из них доминирует развитие механизмов и средств *паритетного* выбора, что проявляется в оптимизации межличностных средств координации процессов групповых решений, в совершенствовании коммуникативных аспектов решений, в развитии операционных средств выбора, в формировании базовых стратегий групповых решений и др.

Вместе с тем, уже здесь возникает, нарастает, а затем становится ведущим механизм ролевой дифференциации в целом и оформление одной из «решенческих ролей» (роли лидера) в особенности. Тем самым уже на этой – «паритетной» стадии складываются предпосылки для перехода ко второй стадии – «иерархической». На ней процессы групповых решений эволюционируют уже под определяющим воздействием иерархического принципа организации и реализуются в основном в форме управленческих решений. В результате развертывания этой стадии и процессы выбора, и сами группы переходят на качественно иной, более совершенный уровень своей организации, становятся более сложными процессуально и более эффективными результативно.

Однако хорошо известно, что иерархически организованный выбор, являясь *в целом* более эффективным, нежели паритетный, отнюдь не лишен недостатков – часто существенных. Все они достаточно подробно описаны при характеристике отрицательных сторон централизованных, бюрократизированных систем управления. Это, в частности, механизмы «социальной ингибиции», «социальной блокады», «социальной лени», «эффекты групповой инфрааддитивности», явление «замораживания» потенциала группы и др. В связи с этим понятно, что дальнейшее – именно *прогрессивное* развитие процессов групповых решений может развертываться лишь в направлении компенсации всех указанных (негативных) особенностей иерархического выбора. Это, как показали исследования, и происходит, составляя содержание третьей – «*постиерархической*» стадии развития процессов групповых решений. На ней имеет место своеобразный «возврат» к некоторым принципам паритетного выбора (в основном в виде реализации принципов *партисипативности*). В результате устанавливается определенный баланс двух основных механизмов группового выбора – паритетного («горизонтального») и иерархического («вертикального»), что и придает процессам групповых решений еще более высокую степень организованности и, следовательно, эффективности.

Во-вторых, общей и как бы «сквозной» генетической закономерностью, пронизывающей *все фазы* развития процессов групповых решений, является то, что оно развертывается на базе основных *принципов системогенеза*. Это, в частности, принципы

неравномерности и гетерохронности формирования отдельных компонентов и уровней процессов групповых решений, принципы «достаточности» и консолидации и др. [44].

В-третьих, в ходе генезиса процессов групповых решений имеет место не только постепенное совершенствование группового выбора как такового, но и развитие средств *элиминативного поведения*. Данная форма поведения в ситуациях выбора была описана нами выше по отношению к генезису процессов индивидуальных и управленческих решений [35, 37]. Ее суть состоит в тенденции (и реальных средствах ее осуществления) к избеганию самой необходимости выбора, самостоятельного решения; к замене процессов ПР иными – менее рискованными и субъективно надежными средствами организации поведения. Как показывают исследования [35, 37, 39, 44], элиминативное поведение не только имеет место по отношению к групповому функционированию, но и обладает тенденцией к прогрессивному развитию генезиса групп.

В-четвертых, существенная генетическая закономерность состоит в том, что по мере развития процессов групповых решений формируется и совершенствуется *операционный состав* этих процессов, что феноменологически проявляется в расширении репертуара и оптимизации качественного состава *стратегий* групповых решений.

Наконец, в-пятых, общим итогом генетического изучения процессов групповых решений является и вывод о том, что именно эти процессы играют наибольшую, а часто и определяющую роль в плане развития, *генезиса групп* в целом. Более того, генезис процессов групповых решений является и одним из *механизмов* развития самих групп в целом. В процессах группового выбора *группа не только проявляется, но и формируется*. Генезис процессов групповых решений выступает “точкой роста” группы, активным, продуктивным механизмом ее развития и динамики. Поэтому и динамика группы также дифференцируется на три стадии, соответствующие указанным макростадиям развития процессов групповых решений. Это стадии *паритетной, иерархической* и “*постиерархической*” организации. И структура группы, и эффективность ее деятельности (и поведенческих проявлений) выше в том случае, если они базируются не на каком-либо одном принци-

пе, а на их сочетании. Во всем этом проявляется особая и очень важная функция процессов групповых решений – *генеративная*, порождающая, генетическая.

Таким образом, можно видеть, что генезис процессов принятия групповых решений, обладая максимально выраженной *специфичностью*, одновременно характеризуется и еще более глубинными чертами *общности* с развитием иных – основных классов процессов ПР.

Роль генетического аспекта в развитии обобщающих представлений о процессах ПР состоит, однако, еще и в том, что сквозь “призму” генетических особенностей рельефно проявляется и реальная – онтологическая связь, общность базовых механизмов процессов ПР, а также взаимосвязь его основных классов. Действительно, онтогенетическое развитие процессов ПР, их изменение и усложнение во взаимодействии с аналогичными, но более общими трансформациями типов ведущей деятельности дают в итоге относительно сформированный индивидуальный выбор в структуре деятельности. Он, обладая большими потенциальными возможностями, характеризуется, однако, и известными ограничениями. Последние, наряду, естественно, со многими иными причинами, объективно требуют их дополнения механизмами совместного, то есть группового, выбора. Они, однако, также подвержены закономерной эволюции, поскольку включают, как минимум, два качественно различных класса-уровня субъективного выбора – паритетный групповой и иерархический групповой. Внутри второго формируется наиболее адекватный и органичный для совместной деятельности иерархического типа класс субъективного выбора – управленческие решения. Однако и генезис этого класса на завершающих стадиях его развертывания вновь, но уже на ином качественном уровне приводит к усилению механизмов паритетности.

Таким образом, можно видеть, что весь гиперконтинуум классов процессов ПР, рассмотренный в 1-й главе, допускает его понимание и как континуума генетически усложняющихся классов. Это своего рода “генетический вектор” развития основных классов процессов ПР, на котором локализованы не только различные классы как таковые, но и *стадии* их общего генеза. Последние (стадии) в наиболее развитых проявлениях субъективного выбора – в управленческих решениях “не исчезают”, а сохраняются и

выступают поэтому как средства их реализации, как их уровни. Поэтому и три наиболее традиционные класса процессов субъективного выбора – индивидуальные, групповые и управленческие решения – могут быть рассмотрены в качестве генетических макростадий и в качестве мегауровней общей иерархии процессов ПР.

В плане разработки обобщающей теории процессов ПР следует отметить, что важную роль при этом могут сыграть *онтогенетические* исследования формирования процессов ПР, которые, к сожалению, практически не проводятся. И в этом отношении одной из генетических особенностей является такая “логика” развития, которая как бы противоположна описанной выше – деятельностно-обусловленной логике формирования. В онтогенетическом плане совместные, групповые, управленческие решения уже не могут быть “надстроены” над индивидуальными и выведены из них (что представляется, на первый взгляд, очевидным). Скорее, наоборот: вся иерархия индивидуальных решений должна быть выведена из межличностных, интересубъектных решений. Дело в том, что в более широком, онтогенетическом плане процессы ПР первоначально строятся и развиваются как совместные, то есть в процессе соактивности ребенка и взрослого, в игровой деятельности (также имеющей в основном совместную форму организации). И лишь затем и на основе этого изначально распределенные – совместные решения оказываются осуществимыми ребенком и индивидуально; они переносятся во внутренний план, в результате чего формируются процессы индивидуального выбора.

В заключение генетического анализа отметим еще одну закономерность, выявляемую посредством обобщения данных об особенностях развития основных классов процессов ПР. Выше было показано, что важной чертой, придающей явную специфичность системогенеза процессов ПР в деятельности, является его производный, вторичный – деятельностно-опосредствованный характер. Это означает, что их системогенез есть объективная составляющая генезиса психологической системы деятельности в целом и в значительной мере определяется поэтому им.

Однако нельзя не видеть и обратного влияния, “встречной” детерминации. Так, в ряде наших исследований было показано, что формирование процессов ПР в деятельности индивидуального типа оказывает очень сильное влияние на развитие всей системы

деятельности [35, 37, 43]. Деятельность не только “проявляет” в этих процессах меру своей сформированности, но и развивается через них. Процессы ПР – это своеобразная “точка роста”, развития деятельности в целом. Это вполне естественно и закономерно: именно процессы ПР, в силу своего интегративного характера, в наибольшей степени способствуют синтезу, структурированию многих иных деятельностных образований, а потому создают объективно наибольшие возможности для их комплексного генезиса.

Аналогична роль генезиса субъективного выбора и в более широком – личностном плане. Мы уже не раз подчеркивали, что личность не только проявляется в выборе, но и формируется в нем, “через него”, через принятие на себя ответственности за него и т.п. Поэтому и процессы субъективного выбора – это уже не только “точка роста”, совершенствования деятельности личности, но и механизм развития самой личности.

Наконец, та же самая закономерность обнаруживается в еще более широком плане – межличностном, групповом. В этом отношении необходимо отметить, что процессы ПР оказывают активное стимулирующее влияние на развитие групповой деятельности в целом, а также на развитие самой группы и (или) организации. Они, как правило, соотносятся с наиболее значимыми, определяющими, а часто вообще критическими ситуациями совместной деятельности, имеющими наибольшие последствия как для деятельности, так и для группы. Очевидно поэтому, что процессы преодоления этих ситуаций (процессы решения) не могут проходить бесследно и не оказывать существенного влияния на совместную деятельность, а также на групповую динамику. Эффективное и совместно принятое решение выступает одним из наиболее мощных объединяющих, сплачивающих и развивающих группу факторов; содействует ее интеграции, а также росту авторитета руководителя или лидера, усилению его статусных позиций. Иными словами, процессы групповых решений выступают как мощный интегратор группы. И наоборот, мало что в такой сильной степени содействует групповой дезинтеграции, как неудача именно в критические, наиболее важные моменты совместной деятельности, то есть неудачи в реализации совместных решений.

Таким образом, процессы принятия решения являются генеративными (порождающими) не только в функциональном плане.

Они являются таковыми – порождающими, развивающими – и в более широком, генетическом плане. Общей закономерностью процессов ПР является их *генетическая функция*: они не только сами подвержены закономерному генезу и не только испытывают влияние генеза тех систем, в которых реализуются, но и оказывают активное – формирующее влияние на них. “Носитель” выбора, обуславливая выбор, сам им обуславливается, а через это – развивается. В общем случае речь должна, однако, идти о еще более широкой функции процессов субъективного выбора – уже не только генетической, но и о *трансформационной функции*. Дело в том, что любой генезис не сводится лишь к его “восходящей”, прогрессивной составляющей. “Вторая часть” любого развития – это инволюция, регресс. Однако и в этом плане нет, очевидно, необходимости подробно обосновывать ту критическую и наиболее явную роль, которую играют “дефекты выбора” и в плане деструкции деятельности, и в плане деградации личности, и в плане управленческой депрофессионализации, и в плане деструкции группы (организации).

* * *

Итак, мы рассмотрели общие психологические закономерности, которыми характеризуется организация процессов ПР в индивидуальной и в совместной деятельности иерархического типа, а также в групповом функционировании. Основной вывод этого рассмотрения заключается, как можно видеть из представленных материалов, в существовании принципиального сходства и даже подобия данных классов процессов ПР во всех основных аспектах их организации. Вместе с тем, такой изоморфизм характеризует именно *общие принципы* организации данных классов субъективного выбора, их *базовые* закономерности, но не их содержание, не конкретные проявления. Последние, наоборот, глубоко, то есть *качественно*, различны и обуславливают выраженную специфику указанных классов процессов ПР.

Поскольку, однако, именно проанализированные в данной главе классы процессов ПР характеризуются и наибольшими из всех возможных различиями по главным психологическим критериям, то и их триада репрезентативна всему множеству процессов ПР в целом. Это означает, что все выводы, сделанные выше, и, со-

ответственно, все общие особенности этих классов присущи (хотя не исключено, что в специфицированном виде) и всем иным классам процессов ПР. Поэтому система общих для трех классов субъективного выбора закономерностей, рассмотренная в данной главе, должна трактоваться в качестве исходной для разработки обобщающих концептуальных представлений о процессах ПР в целом, а при условии их развития – и для построения обобщающей теории принятия решения.

Разработка такого рода обобщающих концептуальных представлений о процессах ПР должна проводиться на основе двух принципиальных методологических требований. Первое определяет своего рода «базу» и рамки необходимого концептуального обобщения, ориентируя на необходимость включения в его сферу трех основных и качественно принципиально различных классов процессов ПР (индивидуальных, групповых и управленческих). Тем самым оно, это требование, определяет собой то, *что* подлежит обобщению. Второе требование дает ответ уже не вопрос, *что обобщать*, а на вопрос, *как* именно это делать, то есть какова должна быть стратегия такого рода обобщения. В качестве таковой нами была разработана и реализована стратегия, предписывающая раскрытие предмета исследования (различных классов процессов ПР) в пяти их ключевых – объективно основных аспектах. Эта стратегия, как показано выше, необходима и достаточна для перевода представлений о предмете с претеоретического уровня на собственно теоретический уровень, поскольку удовлетворяет главному императиву концептуально организованного знания (теории) – реализации основного гносеологического инварианта.

В результате реализации этих методологических требований было установлено, что процессы ПР качественно различных классов действительно обладают развернутой системой общих закономерностей. Причем наиболее характерно и показательно то, что эти общие закономерности прослеживаются во всех пяти основных планах их организации (онтологическом, метасистемном, структурном, функциональном и генетическом). При этом действует и еще одно очень показательное правило, общая тенденция: чем более значимым, общим и определяющим является тот или иной аспект организации процессов ПР, тем выше степень подобия различных классов процессов ПР. Иными словами, действи-

тельно существует развернутая и многоаспектная система закономерностей, общих для всех основных классов процессов ПР. Она, эта система, одновременно весьма специфична. Различные классы процессов ПР глубоко своеобразны и «непохожи» друг на друга в плане своего конкретного *содержания* (а также – феноменологии, ситуативной организации, субъекта решений и др.). Они, однако, весьма сходны и фактически изоморфны по основным *принципам и закономерностям их организации*. Причем, повторяем, чем выше уровень проводимого обобщения, тем эта общность организации обнаруживается полнее и отчетливее.

Все это позволяет сделать заключение (которое, хотя, конечно, и нуждается в дополнительной аргументации, но непосредственно следует из проведенного выше анализа), согласно которому объективно существует некоторый психологический *инвариант организации*, лежащий в основе реализации любого процесса ПР, любого акта субъективного выбора. Он, естественно, может быть представлен в разных классах процессов ПР и в разных условиях их осуществления с очень разной степенью развернутости, эксплицированности. Этот инвариант включает как раз те, повторяем, основные аспекты, которые и были рассмотрены выше. Он и составляет реальную «почву» для разработки именно обобщающей теории решений, выступает своего рода «онтологической базой» для адекватной концептуализации. И наоборот, лишь при условии установления факта его существования, представления о процессах ПР различных классов обретают реальную почву для придания им действительно обобщенного, то есть теоретического, характера. Проще говоря, обобщающая теория решений возможна тогда и при том условии, когда в самой объективной реальности субъективного выбора будут вскрыты необходимые атрибуты этой общности. Действительно обобщающая теория возможна лишь при условии общности, единства предмета этой теории. Такое единство (и, следовательно, общность) не обнаруживается, однако, «на поверхности», то есть при непосредственном сравнении качественно различных классов процессов ПР; наоборот, первое, что обнаруживается при этом – огромные различия в особенностях этих процессов. Она, общность, может быть выявлена на ином, более глубоко уровне анализа – на уровне базовых закономерностей организации процессов ПР различных классов, которые, в свою

очередь, дифференцируются на пять основных категорий. Взятые в своей совокупности, эти категории закономерностей и составляют концептуально целостную основу для развития обобщающей теории ПР.

Обоснование принципиальной возможности существования обобщающей теории ПР, а также формулировка ее основных положений, представленных выше, имеют также и вполне определенное методологическое значение. Дело в том, что в их свете вся система психологических представлений о процессах ПР может и должна быть дифференцирована на два макроуровня – обобщающую концепцию ПР и частные, специальные концепции (направленные, соответственно, на раскрытие основных классов процессов ПР). Отсюда следует, что общие закономерности процессов ПР в принципе не могут быть выявлены в пределах какого-либо одного их класса, то есть в рамках разработки какой-либо частной концепции ПР – теории индивидуальных решений, теории групповых решений и теории управленческих решений. Для того чтобы развить действительно обобщающие концептуальные представления о ПР в целом и о каждом из его основных классов, необходимо выйти за пределы каждого из них. Этот вывод вполне согласуется и с одним из наиболее общих методологических требований, правил: для того чтобы познать предмет, необходимо выйти за его собственные границы и рассмотреть его в более целостном и общем метаконтексте (или, иначе, сменить «предметоцентрическую» точку зрения на «системоцентрическую») [50]. В свете этого становятся понятными и объяснимыми многочисленные неудачи в попытках разработки целостных, обобщающих представлений о процессах ПР, реализованные на базе какого-либо одного класса, то есть в рамках исходно зауженной концептуальной базы. Общая теория ПР не может строиться на основе какого-либо одного класса; она может быть лишь обобщающей, то есть основывающейся на всех трех основных классах процессов ПР. В свою очередь, любая из частных – специальных концепций, рассмотренная в связи с общей теорией ПР и понятая как ее компонент, также приобретает дополнительный смысл, раскрывается своими новыми гранями. Положения и результаты частных концепций, включенные в более широкий теоретический метаконтекст (то есть в обобщающую теорию ПР) и обнаруживающие в ней свою общность, сами стано-

вятся «носителями» общего, то есть собственно теоретического знания, обретают свой истинный смысл и свой концептуальный статус.

Глава 3. Рефлексивные механизмы процессов принятия решения

3.1. Методологические основы исследования

Как было отмечено во «Введении», разработка целостных и обобщающих концептуальных представлений о процессах ПР требует первоочередного решения основной – «двуединой» задачи. С одной стороны, она состоит в необходимости поиска, выявления и теоретической интерпретации общих, инвариантных и специфичных именно процессам ПР различных классов закономерностей. Система этих закономерностей, а также их теоретическое осмысление – это и есть, собственно, основное содержание, «ткань» обобщающей теории процессов ПР. С другой стороны, она предполагает необходимость органичного и достаточно полного включения существующих и вновь разрабатываемых представлений о процессах ПР в контекст ведущей общепсихологической проблематики; ее ассимиляцию этой проблематикой, а также основными направлениями общей психологии в целом. По существу, это равнозначно необходимости трансформации проблемы ПР в *общепсихологическую* проблему со всеми вытекающими отсюда следствиями. Хорошо известно, что проблема ПР изначально возникла как *внепсихологическая*, а затем длительное время развивалась не просто как *внепсихологическая*, но и намеренно *депсихологизированная*. Ее развитие, как мы уже отмечали выше, это во многом и трудный путь преодоления изначальной *депсихологизированности* постановки данной проблемы. И этот путь, конечно, пройден пока не полностью; точнее, его самая трудная часть еще пока впереди: ею является необходимость достижения *реального* содержательного синтеза проблемы ПР с базовыми общепсихологическими категориями и закономерностями.

Первая из указанных выше основных задач была рассмотрена в двух предыдущих главах. Результаты этого рассмотрения, а так-

же общая логика данного исследования требуют теперь специального обращения ко второй из отмеченных задач. Естественно, что данная задача *в целом* – в ее полном объеме – является очень масштабной и, по существу, стратегической. Она образует общий «вектор» развития психологии ПР на современном этапе ее разработки. Данная задача была подробно проанализирована в качестве специальной и самостоятельной в наших предыдущих работах [39, 42], в которых намечены основные пути синтеза проблемы ПР с некоторыми фундаментальными общепсихологическими проблемами и направлениями – в частности, с исследованиями психических процессов, с психологической теорией деятельности, с исследованиями структурной организации личностных качеств, с психологией способностей и др. В связи с этим основная задача данной главы заключается в том, чтобы продолжить и углубить анализ путей и форм ассимиляции психологии принятия решения общей психологией, а тем самым – содействовать развитию обобщающих представлений об основных классах процессов ПР.

Среди огромного разнообразия особенностей современной общей психологии существует такая ее черта, которая имеет, на наш взгляд, очень важное, а не исключено – и определяющее значение для развития психологии принятия решения. Она состоит в том, что в настоящее время в структуре общепсихологической проблематики ведущее, «лидирующее» положение принадлежит *когнитивной психологии*, выступающей комплексным, но одновременно и вполне определенным по своим концептуальным установкам движением. Она в своем широком значении во многом репрезентирует общую и экспериментальную психологию в целом в их современном воплощении и основных достижениях. В силу этого есть все основания считать, что синтез психологии ПР с общей психологией должен осуществляться, прежде всего, в направлении поиска связей теории решений с когнитивной психологией. Теория решений не может стать действительно общепсихологической, не ассимилировав базовые положения и принципы когнитивной психологии, а также полученные в ней результаты.

Какова же современная ситуация, сложившаяся в плане взаимодействия и взаимосвязи когнитивной психологии и психологической теории решений? По причине своего фундаментального и, можно сказать, «глобального» характера, а также особого положе-

ния в психологической проблематике эти два направления уже давно могли, казалось бы, «найти друг друга» и, органично взаимодействуя, развиваться во взаимной связи имеющихся в них результатов²².

Между тем их отношения в настоящее время достаточно сложны и диалектичны, противоречивы и фрагментарны, но именно поэтому и очень демонстративны для состояния их обоих.

Действительно, в широчайшем спектре исследований и проблем современной когнитивной психологии изучение процессов принятия решения занимает пока одно из наиболее «скромных» мест. При этом в лучшем случае исследуются те или иные достаточно частные аспекты психологии решений, но не сам процесс принятия решения в целом – во всем многообразии его атрибутивных характеристик. Можно сказать и более категорично: процесс принятия решения еще не стал в полном и явном смысле предметом когнитивной психологии. Первопричиной этого является известная «несовместимость» когнитивной психологии и проблемы принятия решения. Первая имеет в качестве своего основного предмета именно *когнитивные* процессы, механизмы и закономерности психики. Вторая же имеет дело с таким объектом психологического исследования, который по своим сущностным чертам как бы «выходит» за собственно когнитивные рамки и является специфически *регулятивным* процессом. Понятно поэтому, что включение проблемы принятия решения в концептуальный состав когнитивной психологии требует достаточно серьезных и, по существу, парадигмальных ее трансформаций, а в перспективе – ее эволюции в направлении создания когнитивно-*регулятивной* психологии. Однако и сама психология ПР для конструктивного развития должна преодолеть свою известную обособленность и автономность, включив в свой состав основные результаты когнитивной психологии (которая, повторяем, является сегодня своего рода «носителем» наиболее важных общепсихологических

²² Подобно тому как современная когнитивная психология охватывает большинство важнейших направлений общей и экспериментальной психологии, исследования процессов ПР также являются комплексной и междисциплинарной внутрипсихологической проблемой: она разрабатывается во многих теоретических и прикладных отраслях психологии, «распределена» по психологической проблематике в целом.

результатов). Лишь в этом случае психология ПР может перейти с присущего ей сегодня претеоретического уровня развития на собственно теоретический уровень.

В действительности, однако, охарактеризованная выше ситуация имеет, по-видимому, еще более глубокие причины, корнящиеся в принципиальных закономерностях самого *предмета* психологии – психики, включающей две основные подсистемы – когнитивную и регулятивную. Когнитивная психология, в силу своего «духа» и «идеологии», соотносится с первой из них; процессы же ПР могут быть адекватно раскрыты лишь в «регулятивной парадигме». Отношения между когнитивной и регулятивной подсистемами – одна из наиболее сложных и недостаточно изученных проблем всей психологии. Это обстоятельство переносится на соотношение когнитивной психологии и психологии ПР.

Таким образом, их синтез может быть осуществлен лишь на уровне и при условии раскрытия основных закономерностей связи двух основных подсистем психики – когнитивной и регулятивной. Естественно, что проблема такого ранга не может быть решена в рамках какого-либо одного исследования или даже их цикла. Это стратегическая задача, и ее еще предстоит решить. Вместе с тем, имеющиеся в настоящее время результаты позволяют сформулировать некоторые положения, содействующие ее разработке. В частности, непосредственное значение для разработки указанной проблемы имеют те из них, которые получены и систематизированы в разрабатываемой нами концепции *интегральных процессов психической регуляции деятельности*.

Некоторые из основных положений данной концепции уже были рассмотрены в предыдущих главах при сравнительном анализе основных классов процессов ПР. Кроме того, она достаточно подробно изложена в работах [29, 34, 37, 39, 42 и др.]. Данная концепция, в частности, содействует развитию представлений о закономерностях взаимодействия когнитивных и регулятивных механизмов процессов ПР и в конечном итоге способствует «наведению мостов» между когнитивной психологией и психологической теорией решений. Наиболее принципиальные положения данной концепции могут быть резюмированы следующим образом.

Очевидно, что процесс ПР обладает такими принципиальными особенностями, как *синтетичность* своего процессуально-психологического обеспечения и исходно-преобразующая – *регулятивная* направленность. Следовательно, как такое регулятивно-синтетическое образование он только и может быть раскрыт. Однако, как известно, в русле проблемы психических процессов – и в историческом плане, и в плане сложившейся понятийной системы, и в плане их систематики – преобладает иная установка – на аналитическое исследование с приоритетом изучения в нем одного из классов процессов – когнитивных (аналитико-когнитивная парадигма). С другой стороны, в русле проблемы деятельности столь же отчетливо доминирует подход, связанный с изучением ее состава, морфологии, с выявлением ее «единиц», то есть структурно-морфологический подход. Но он уже недостаточен, а строго говоря, не вполне адекватен специфике процесса ПР, который выступает не структурно-морфологическим, а подчеркнуто динамическим, процессуальным образованием.

Следовательно, психологическая специфика ПР такова, что оно может быть адекватно раскрыто (в процессуальном аспекте) лишь при дополнении аналитико-когнитивной парадигмы иной – *регулятивно-синтетической*. Однако и в другом важнейшем аспекте (деятельностном) оно требует дополнения структурно-морфологической парадигмы иной – *процессуально-динамической*.

Один из вариантов такой методологической переориентации и предложен в концепции интегральных процессов психической регуляции деятельности (и поведения, активности в целом).

Наиболее общей методологической установкой и отправным положением данной концепции является трансформация преимущественно внедеятельностного анализа процессов ПР в их исследование как неотъемлемого и объективно необходимого компонента деятельности (то есть переход к их деятельностно-опосредствованному изучению). В концептуальном плане это равнозначно *трансформации аналитического подхода в системный*, поскольку деятельность как раз и является системой, в которой процессы ПР *онтологически* представлены и в которой они обретают свой естественный, многомерный, экологичный вид. В ней же процессы ПР раскрываются в их важнейшей функции – *регулятивной*, суть которой состоит в организации, построении и реали-

зации деятельности в условиях неопределенности. Именно через эту функцию процессы ПР обнаруживают свою атрибутивную общность с системой иных – также специфически регулятивных процессов организации деятельности. Это процессы целеобразования, антиципации, прогнозирования, программирования, планирования, контроля, самоконтроля и др. Все они, подобно процессу ПР, *объективно* необходимы для организации и регуляции целостной деятельности; направлены на обеспечение какой-либо одной из базовых функций по ее организации. Система таких функций, как известно, достаточно инвариантна и составляет основу психологической архитектоники системы деятельности. Поэтому сама психологическая структура деятельности (структура ее базовых регулятивных функций) объективно выступает как основа для объединения указанных комплексных процессов в качественно *специфический класс процессов* – синтетических, *интегративных* по строению и *регулятивных* по функциональной направленности. Эти комплексные процессы организации и регуляции деятельности обеспечивают ее психологический синтез; они являются процессуальным, динамическим аспектом психологической системы деятельности. В своей совокупности они выступают тем более общим – *родовым классом*, в который процесс ПР включен как один из его *видов*.

Таким образом, анализ процессуальной регуляции деятельности приводит к необходимости дифференциации двух форм, двух классов организации процессов психики. Во-первых, основных, традиционно изучающихся процессов (когнитивных, эмоциональных, волевых, мотивационных) – как своего рода процессов «первого порядка». Во-вторых, синтетических, регулятивных процессов – процессов «второго порядка». Их целесообразно обозначить как *интегральные процессы регуляции* деятельности и поведения. Они выступают необходимым звеном, этапом и уровнем интеграции между основными психическими процессами и целостной регуляцией деятельности и поведения.

Все психологические особенности интегральных процессов целесообразно, на наш взгляд, рассматривать в свете диалектики *общего, особенного и единичного* по отношению к особенностям других процессов психики. Иначе говоря, они обладают общими со всеми иными категориями процессов свойствами; все они яв-

ляются психическими по механизмам своей реализации; характеризуются свойствами субъективности, идеальности, целенаправленности, предметности; имеют специфический операционный состав; направлены на обеспечение наиболее общих адаптивных функций; являются сложными, многоуровневыми и системно-организованными образованиями. Однако, наряду с этой общностью, им присущи и некоторые особенные, специфические характеристики, позволяющие считать их однородной в некоторых существенных отношениях группой процессов. Наконец, на фоне общих и особенных характеристик каждому из процессов этой группы присущи и свои собственные (единичные) характеристики, описывающие их собственное качественное своеобразие.

Наиболее важные из специфических для всех видов интегральных процессов особенности могут быть резюмированы следующим образом²³.

1. Ведущим *критерием* выделения всех этих процессов является соответствие каждого из них определенной комплексной функции по организации деятельности, обусловленной ее психологической структурой. Такими функциями, составляющими в своей совокупности, как известно, замкнутый, целостный контур регуляции, являются функции: формирования цели и ее дифференциации на подцели, предвосхищения результатов деятельности (промежуточных и конечных), снятия прагматической неопределенности, формирования программы деятельности, текущего и заключительного контроля и самоконтроля и др.

2. Общая особенность рассматриваемого класса процессов состоит и в том, что все они по определению являются *регулятивно-монофункциональными*, то есть направлены на обеспечение какой-либо одной, инвариантной по отношению к различиям в типах и видах деятельности регулятивной функции ее организации. И в этом также состоит их отличие от других классов процессов психики. Действительно, например, память или мышление необходимы для реализации практически всех регулятивных функций (они входят в состав и целеобразования, и принятия решения, и самоконтроля и др.), то есть являются в этом плане регулятивно-

²³ Ниже рассматриваются особенности интегральных процессов в *индивидуальной* деятельности (и поведении).

полифункциональными процессами. Свойство регулятивной монофункциональности (инвариантности реализуемой функции) является объективной и достаточной предпосылкой для складывания *инвариантного операционного состава* каждого из этих процессов.

3. Еще одна основная особенность рассматриваемой группы процессов состоит в том, что они имеют комплексный, *синтетический* состав; выступают интегральными в плане гетерогенности и разнокачественности объединяемых в них процессов иных категорий и классов. Вместе с тем, любой из традиционных процессов, включаясь в состав интегральных, будет представлен в нем всегда лишь в той мере и в том аспекте, в каком это необходимо и достаточно для реализации интегрального процесса.

В интегральных процессах определенную специфику приобретает и общее для всех психических процессов свойство системности. Дело в том, что в качестве их функциональных компонентов выступают отдельные традиционно выделяемые психические процессы (когнитивные, эмоциональные, волевые, мотивационные). При этом состав психических процессов, входящих в интегральные, по-видимому, остается инвариантным, но существенно различается мера выраженности каждого из них при включении в разные интегральные процессы. Меняется структура функциональных взаимосвязей между ними, устанавливаемых в различных интегральных процессах. Формирующиеся при этом интегральные процессы представляют собой разновидность психологических систем. Соотношение традиционных (более локальных) и интегральных психических процессов выступает как соотношение компонента и системы. Специфическое содержание последних – это эффекты психической интеграции, связанные с ними генеративные феномены и механизмы.

4. Общей характеристикой интегральных процессов является, далее, то, что все они имеют общую и *исходную* специфически *регулятивную направленность*, характеризуются своеобразием своего функционального предназначения по сравнению с другими группами психических процессов. Так, например, познавательные психические процессы реализуют и когнитивные (преимущественно), и регулятивные функции; эмоциональные процессы – преимущественно оценочные и активационные функции. Интеграль-

ные же процессы направлены преимущественно и непосредственно на реализацию собственно регулятивных функций. Другими словами, эти процессы, наряду с регулятивным потенциалом всех иных психических процессов, входят в состав регулятивной подсистемы психики, составляют ее специфическое содержание. С этой точки зрения, собственно говоря, и возникает необходимость в дифференциации когнитивных и регулятивных процессов.

Деятельность как объективно существующая форма активности предполагает столь же объективный характер процессов ее организации – интегральных психических процессов. В своей совокупности они составляют переходный уровень интеграции между отдельными психическими процессами и целостной регуляцией деятельности, поведения. В этом своем качестве совокупность интегральных процессов выступает аспектом, раскрывающим собственно процессуальное содержание общей структуры саморегуляции деятельности.

5. Еще одной особенностью интегральных процессов является то, что их операционный состав и содержание не исчерпываются составом и содержанием аддитивной совокупности реализующих их психических процессов. Дело в том, что они всегда строятся, организуются по типу целенаправленного действия (а в развитых формах – деятельности). Это зафиксировано и в синонимичности выражений типа “процесс контроля” и “действие контроля”; “процесс принятия решения” и “действия по принятию решения”. Другими словами, операционный состав этих процессов обусловлен структурой и функциональной организацией действия. Следовательно, они *одновременно* являются и *процессами*, и *действиями*, а их адекватное и полное описание предполагает использование принципа дополнительности их понимания и как процессов, и как действий.

6. Характерной особенностью данного класса процессов является и то, что они выступают как *множественно интегративные*. Это означает, что проявления интегративных механизмов могут быть установлены в них по целому ряду различных направлений. Во-первых, в плане комплексности и синтетичности их процессуального содержания и состава. Во-вторых, в плане интегративного характера главных механизмов их организации. В-третьих, в плане их общего функционального предназначения – их направленности

на организацию, по существу, целостной деятельности. В-четвертых, в плане комплексности и синтетичности их операционного и компонентного состава. В-пятых, в генетическом аспекте: их становление и развитие в онтогенезе – это одновременно и возрастание степени интегрированности психики в целом. Через них и “в них” развивающаяся психика повышает меру своей целостности и интегрированности, формируется как “абсолютное целое”, как “полносвязная система”.

7. Наконец, очень специфической особенностью интегральных процессов, проявляющейся, однако, лишь в плане их целостной структуры (но не характерной для каждого из них в отдельности) является следующая закономерность их организации. Среди них нельзя выделить какой-либо один процесс, устойчиво находящийся “на вершине” иерархии регулятивной подсистемы. Любой из интегральных процессов в зависимости от конкретной ситуации может становиться ведущим и высшим, организовывать в целях своей реализации все иные интегральные процессы. Показательно и то, что смена интегральных процессов на ведущем уровне происходит достаточно естественно, зависит от складывающейся ситуации, от содержания и условий конкретной деятельности и поведенческой задачи. Все это, как можно считать, свидетельствует о том, что организация интегральных процессов подчиняется не иерархическому, а иному – *гетерархическому* принципу. Он, как известно, характеризуется возможностью гибкого и динамичного перераспределения, смены “управляющих центров” в зависимости от конкретной ситуации, а также наличием нескольких паритетных управляющих центров одновременно.

Таким образом, через становление системы интегральных процессов психика обогащает арсенал функциональных принципов своей организации. Принцип иерархии (на котором, в частности, базируется когнитивная подсистема) дополняется принципом гетерархии – на нем основана организация регулятивной подсистемы. Синтез же этих двух наиболее общих и мощных принципов – иерархического и гетерархического – лежит в основе высочайшей организованности и координированности, эффективной управляемости и самоуправления психики.

Наряду с этим, как мы уже отмечали выше, подход к изучению данной проблемы с позиций развитой концепции имеет и опреде-

ленное методологическое значение в плане «наведения мостов» между теорией ПР как таковой и когнитивной психологией в целом. Дело в том, что сами интегральные процессы – и по типу их строения, и по своей психологической природе, и по основным закономерностям, и даже по механизмам – это типичный «интегральный объект», типичное синтетическое образование, максимально полно соответствующее «духу и идеологии» когнитивной психологии. Известно, что последняя выступила в значительной степени именно как реакция на *аналитичность* и «атомистичность» ряда подходов к исследованию познавательных процессов, выдвинув на первый план задачу изучения *целостных* когнитивных структур и *систем* переработки информации.

В то же время через включение в свой концептуальный состав понятия интегральных процессов в целом и принятия решения в частности когнитивная психология обретает так необходимый ей «выход» в регуляторику, находит «поле» взаимодействия когнитивных механизмов с собственно регулятивными механизмами организации целостной деятельности и поведения. *Интегральные* процессы (то есть синтезирующие иные и, прежде всего, когнитивные процессы), являются, как отмечено выше, одновременно и *регулятивными* процессами. Более того, их ведущие детерминанты заложены *вне* их самих и коренятся в содержании и структуре деятельности. Они вообще суть производные от системы основных регулятивных функций деятельности. Тем самым через ассимиляцию представлений об интегральных процессах и через раскрытие ПР как одного из них когнитивная психология может и должна постепенно стать когнитивно-*регулятивной* психологией.

Наконец, следует подчеркнуть, что в свете понятия интегральных процессов, вообще – с позиций этого подхода к изучению процессов ПР намечается и «встречное движение» – движение самой теории ПР к представлениям, сформулированным в когнитивной психологии. До настоящего времени в психологической теории решений явно преобладают (особенно в зарубежной психологии) прагматические, процедурные, нормативно-предписательные и прикладные аспекты, а сама эта теория чаще всего обозначается как *поведенческая* теория ПР, что очень показательно. Собственно объяснительные, познавательные задачи в данной теории традиционно уступают по значимости и вниманию иссле-

дователей другим – описательным, точнее – предписательным задачам (направленным на разработку «рецептов оптимальных решений» в тех или иных типах ситуаций неопределенности). В этой связи можно видеть, что введение в категориальный состав данной теории понятия интегральных процессов, трактовка ПР как одного из них может содействовать «когнитивизации» самой поведенческой теории решений.

Таким образом, трактовка процессов ПР как интегральных процессов психической регуляции деятельности, адекватно отражающая их действительную психологическую природу, помимо непосредственно познавательных задач, выполняет еще две функции. Во-первых, она содействует реальному синтезу двух крупных психологических направлений – когнитивной психологии и психологической теории решений. Во-вторых, она заставляет не только зримо почувствовать, но и частично преодолеть некоторые принципиальные ограничения как той, так и другой.

Во всем этом проявляется, на наш взгляд, и определенный изоморфизм теоретических представлений о предмете и самого предмета психологического исследования; связь «структуры и логики» концептуальных построений со «структурой и логикой» объекта исследований. Действительно, когнитивная психология имеет в качестве предмета своих исследований в основном когнитивную подсистему психики. Теория же решений и исторически, и традиционно, и тематически соотносится с другой основной подсистемой – регулятивной. Однако когнитивная и регулятивная подсистемы суть две неразрывно взаимосвязанные составляющие единой по своим механизмам психики. Столь же едиными друг с другом должны быть поэтому когнитивная психология и психологическая теория решения; это является залогом и обязательным условием конструктивного развития их обеих. Но такое единство не достигается «автоматически». Оно должно быть обеспечено концептуально, одним из условий чего и выступает концепция ПР как интегрального процесса психической регуляции деятельности и поведения.

Таким образом, на основе изложенного, можно, по-видимому, сделать еще один вывод, имеющий, на наш взгляд, определенное методологическое значение и определяющий перспективы дальнейшего развития когнитивной теории ПР. Как показал проведен-

ный выше анализ, на основе концепции интегральных психических процессов открываются реальные возможности включения в теорию решений таких категорий и проблем, от которых эта теория «предпочитала» ранее абстрагироваться, но без которых ее дальнейшее конструктивное развитие уже невозможно, категорий сознания, произвольности, рефлексии, осознаваемой регуляции и др.²⁴ Данное обстоятельство имеет, на наш взгляд, принципиальное значение. Во-первых, как известно, свойство осознанности процессов ПР и вообще процессов субъективного выбора в целом – это не «рядовая» их особенность, а *атрибутивная* их черта. Лишь благодаря осознаваемости процесс ПР приобретает свои иные – также атрибутивные характеристики, становится «самим собой». Вместе с тем, и само это свойство (как некоторый *результурующий* феномен), и особенности произвольной регуляции процессов ПР (как их собственно *процессуальная* сторона) раскрыты до настоящего времени в психологической теории решений наименее полно.

Во-вторых, с позиций концепции интегральных психических процессов становится понятным, каким образом следует *операционализовать* данную фундаментальную психологическую проблему и за счет каких теоретических и экспериментальных средств ее целесообразно исследовать. Такая операционализация достигается, прежде всего, посредством реального и возможно более полного включения в концептуальный аппарат теории решений и в ее содержание *категории рефлексии*, а также связанных с ней психологических исследований²⁵. Рефлексия в ее процессуальном проявлении (интеллектуальная рефлексия) – это одновременно и максимально интегративное проявление когнитивной подсистемы психики в целом, форма синтетического развертывания всей совокупности когнитивных процессов. В то же время рефлексия в ее результативном проявлении во многом тождественна феномену сознания как таковому; позволяет тем самым че-

²⁴ Естественно, что такое абстрагирование – вынужденная мера, связанная с чрезвычайной трудностью операционализации и реализации указанных категорий в конкретных психологических исследованиях процессов ПР.

²⁵ Подробный анализ данной проблемы, а также результаты ее теоретического и экспериментального исследования представлены, в частности, в нашей работе [27].

рез нее изучать регулятивные эффекты влияния сознания, производности на те или иные «составляющие» психики, в том числе и на процессы ПР. Поэтому есть все основания считать, что специальное исследование рефлексивных процессов и механизмов может способствовать реальному синтезу когнитивной психологии и психологической теории решений. При этом главную роль в таком синтезе должна играть концепция интегральных психических процессов, которая как раз и позволяет включить в содержание психологической теории решений рефлексивные процессы, феномены и механизмы.

Вскрывая изначально деятельностьную, регулятивную природу данного процесса, сформулированный подход показывает, что в состав рефлексии по необходимости входит комплекс всех основных интегральных процессов. Они включаются, однако, в состав рефлексии не только в плане их направленности на решение непосредственно регулятивных задач, но и в плане направленности на решение задач *саморегуляции*, то есть по отношению к организации внутренней деятельности. Следовательно, сама рефлексия как процесс синтезирует всю систему интегральных процессов и в значительной степени образована таким синтезом. Те свойства, которые обычно выделяются посредством анализа в процессе осознанной регуляции (вообще – в сознании как феномене) являются свойствами каждого из интегральных процессов и их совокупности: целенаправленность, возможность идеального предвосхищения результатов поведения (антиципирование), свобода выбора (принятия решения), упорядоченность и осмысленность поведения (его планируемость и прогнозируемость), атрибут “отчета в своих действиях” (контролируемость и самоконтролируемость) и т.д. Наличие у процессов, включенных в рефлексия, всех этих свойств обуславливает феноменологию сознания как такового, лежит в основе рефлексии не только как процесса, но и рефлексии как состояния.

Далее, подобно тому как интегральные процессы выступают синтетическими и производными по отношению к традиционно выделяемым классам психических процессов (когнитивных, эмоциональных, волевых, мотивационных), рефлексивные процессы также являются синтетическими и производными, но уже – от системы интегральных процессов. Одним из важнейших интеграль-

ных процессов как раз и выступает процесс ПР. Причем он, согласно мнению большинства исследователей, является отнюдь не рядовым, а центральным процессом данного класса (и уровня) процессов. В силу этого вопрос о связи процесса ПР с рефлексивными процессами – это фактически вопрос о *соотношении двух уровней* в общей структурно-функциональной организации всей системы психических процессов. Именно в этом состоит общий смысл и методологическое значение данного вопроса.

Наряду с этим, в собственно методологическом плане следует учитывать и еще одно немаловажное обстоятельство.

Любой процесс, онтологически представленный в содержании психики и гносеологически дифференцируемый ею же самой в этом содержании при его познании, глубоко своеобразен и даже уникален. Однако даже на фоне этой уникальности каждого психического процесса особым и, можно сказать, эксклюзивным своеобразием характеризуются два процесса – рефлексии и принятия решения. Первый – в силу того, что он уникален в строгом и непосредственном смысле данного понятия, так как присущ только человеку, выделяя его из ряда всех иных живых существ. Второй – в силу его беспрецедентной сложности и гетерогенности, синтетичности и органичного «сплава» в нем всех основных категорий иных психических процессов (когнитивных, эмоциональных, мотивационных, волевых), а тем самым – его принадлежности к особому классу психических процессов – к интегральным процессам. Однако уникальность и предельное своеобразие каждого из этих двух процессов отнюдь не означает их автономности друг от друга; как раз наоборот: высочайшая степень сложности того и другого объективно предполагает их взаимосвязь, существование системы закономерных отношений и взаимодействий между ними. Кроме того, есть все основания предполагать, что эти связи и отношения не менее своеобразны, нежели указанные процессы, взятые «сами по себе».

Действительно, анализ показывает, что связи и отношения рефлексии с процессом ПР являются, пожалуй, наиболее специфическими и глубокими, нежели со всеми иными психологическими процессами.

Рефлексия и принятие решения – это два процесса, во многом противоположные и даже антагонистические по своей функцио-

нальной направленности. Они, однако, во многом близки и сходны по своей психологической природе, а потому взаимодополняют и взаимопологают друг друга. Действительно, рефлексия (и как процесс, и как состояние, и как свойство) особенно необходима во всех тех ситуациях, организация поведения в которых сопряжена с выбором, с неопределенностью, с необходимостью ее преодоления. «Рефлексивная пауза» нигде так не важна, а рефлексивные процессы и механизмы нигде не являются столь значимыми, как в этих «точках разрыва поведенческого континуума». Тем самым процессы ПР объективно предполагают актуализацию рефлексивных процессов и в значительной мере состоят в них. Фаза так называемой «информационной подготовки» решений в традиционных схемах описания этого процесса во многом тождественна «внутреннему сканированию» – поиску, то есть, по существу, процессу рефлексии.

Диалектика отношений процессов рефлексии и ПР, однако, такова, что они имеют и черты принципиальных различий, и даже противоположности. ПР – это по определению процесс, предполагающий непосредственный «выход» на организацию и реализацию поведения, деятельности. И в этом смысле он представляет собой действенно- и деятельностно-ориентированный процесс. Рефлексия же, наоборот, по самой своей сути предполагает и даже требует «приостановки», паузы в поведенческом и деятельностном континууме. Она активна, но не действенна. Понятно, что такого рода противоположность обусловлена функциональной специализацией указанных процессов, которые – именно в силу этой специализации – органично дополняют друг друга.

Вместе с тем, несмотря на очевидную и глубокую взаимосвязь рефлексивных процессов с процессами ПР, именно их отношения исследованы наименее полно, нежели связь рефлексии со многими иными интегральными процессами. Так, в частности, рефлексивные процессы и механизмы достаточно хорошо изучены в контексте процесса целеобразования – например, в аспекте так называемого «рефлексивного принятия цели», а также тех средств, которые его обеспечивают. Другой интегральный процесс – антиципация – также частично изучен в связи с рефлексивными процессами, в результате чего выявлен и описан особый уровень процессов антиципации – так называемая рефлексивная антиципация

[37]. В еще большей степени рефлексивные процессы и механизмы изучены в связи с другими интегральными процессами – планированием, прогнозированием и особенно – контролем и самоконтролем. Очевидно поэтому, что изучение взаимосвязи процесса ПР и рефлексии необходимо просто для того, чтобы восполнить охарактеризованный выше «пробел» в общей проблематике взаимосвязей процессов рефлексии и интегральных процессов как таковых. Заметим также, что сам факт такого «пробела» именно в звене «ПР – рефлексия» отнюдь не случаен, а обусловлен наибольшей сложностью отношений именно этих двух процессов.

Руководствуясь всеми сформулированными выше положениями, мы провели специальный цикл исследований, направленный на теоретическое и экспериментальное изучение рефлексивных процессов и механизмов в структуре процессов ПР.

Естественно, что полученные в его ходе результаты не исчерпывают собой всей поставленной проблемы, хотя и вскрывают некоторые – существенные, на наш взгляд, закономерности. При изложении полученных результатов мы будем придерживаться традиционной логики: вначале будут рассмотрены материалы, полученные на *результативном* уровне исследования; затем проанализированы материалы, раскрывающие особенности собственно *процессуального* уровня изучаемой взаимосвязи; после этого основная задача будет перенесена на иной уровень – уровень возможных *механизмов* и субъектных *детерминант* рефлексивной регуляции процессов ПР; наконец, завершающим этапом станет рассмотрение некоторых *прикладных* аспектов данной проблемы.

При этом в качестве исходного и *базового* предмета рассмотрения будут взяты процессы принятия *индивидуальных* решений, поскольку именно они, как показано в 1-й главе, выступают аналогичным, то есть также *базовым* классом этих процессов в целом. Все иные классы могут быть интерпретированы как продукты его усложнения, трансформации, в которых, однако, сохраняются наиболее важные – принципиальные особенности индивидуальных решений. Вместе с тем, естественно, что *только* этим классом анализ не может и не должен ограничиваться, что предполагает обращение к иным классам процессов ПР – прежде всего, *управленческим* и *групповым*.

3.2. Рефлексивные детерминанты качества процессов принятия решения

В первом из проведенных экспериментов исследовалась зависимость качественных параметров процессов ПР от индивидуальной *меры развития рефлексивности*. Иначе говоря, эксперимент был направлен на то, чтобы попытаться установить функциональную связь между двумя переменными – мерой рефлексивности и результативными параметрами процессов ПР. «Независимой» среди этих переменных выступала мера рефлексивности, а «зависимой» – качество реализации процессов ПР. Для диагностики меры рефлексивности применялась разработанная нами совместно с В.В. Пономаревой специальная психометрическая методика, апробированная ранее в ряде исследований [37, 38, 41, 44] и показавшая свою конструктивность. В роли экспериментальных моделей для определения индивидуальных различий в качественных параметрах процессов ПР были использованы также разработанные нами методики «Концерн» и «Выбор». Посредством этих методик нами ранее был осуществлен достаточно обширный цикл исследований экспериментальных процессов ПР [35, 37, 38, 41, 43, 44], в силу чего их следует рассматривать не только как вполне адекватные целям данного исследования, но и как уже экспериментально апробированные. Подробное описание этих методик, а также других – аналогичных им экспериментальных компьютерных моделей приведено, например, в [36]. В экспериментах приняло участие 220 испытуемых в возрасте от 18 до 47 лет, обоего пола.

В результате проведения экспериментов и обработки данных была получена следующая основная зависимость, связывающая две изучаемые переменные (см. рис. 2).

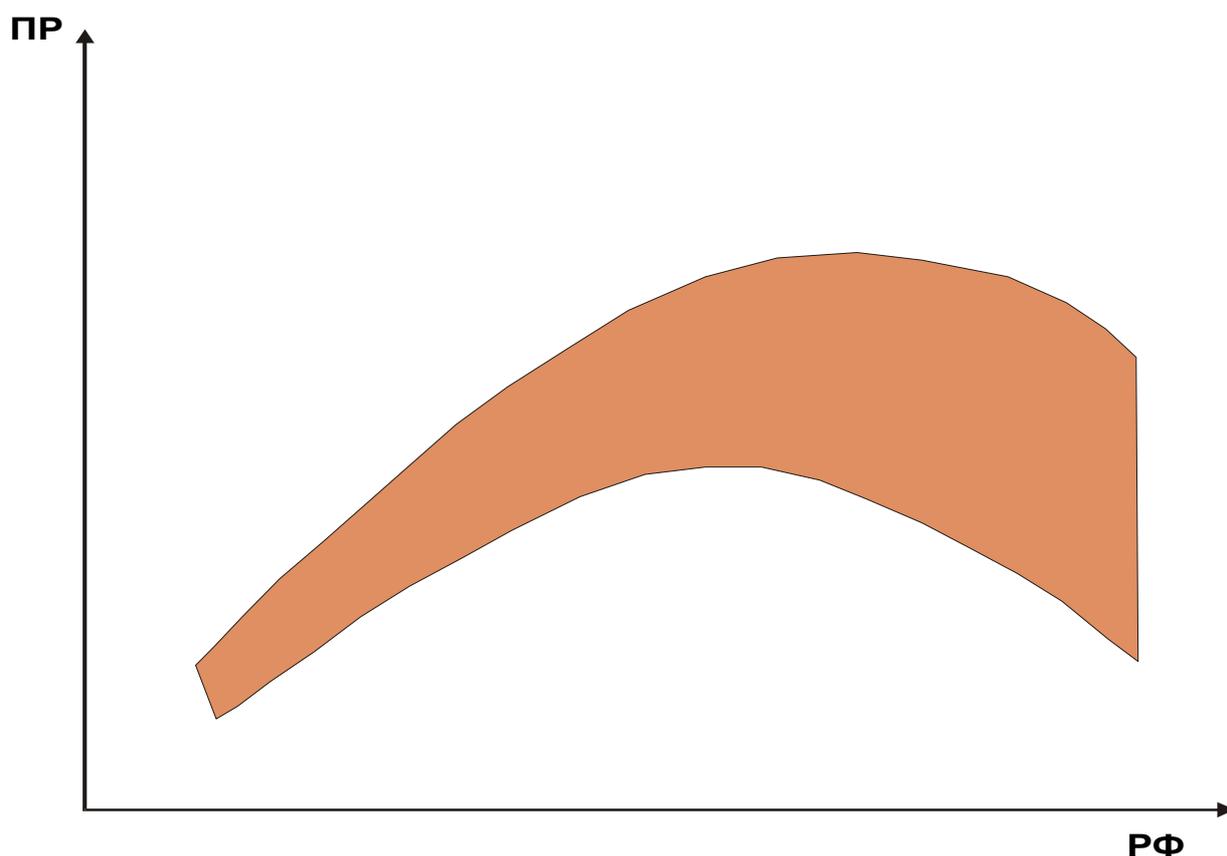

Рис.2. Зависимость качества реализации процессов ПР от уровня рефлексивности (РФ). Схематизировано.

Примечание: на графике представлена “трубка” значений качества ПР при изменении уровня рефлексивности (РФ), т.е. зависимость, учитывающая также и разброс величин качества ПР

Анализ представленных данных позволяет сделать следующие заключения.

Во-первых, между изученными переменными отсутствует какая-либо прямая, однозначная зависимость. Эта связь носит существенно более сложный характер, приближаясь к инвертированной U-образной зависимости. Подобный тип зависимости уже был неоднократно выявлен нами по отношению к связи параметра рефлексивности и ряда иных субъективных и деятельностных характеристик. В частности, такого рода зависимость обнаружена между индивидуальной мерой рефлексивности и эффективностью управленческой деятельности [36, 37, 38]. Для такого рода зависимостей (в общем плане) характерно наличие двух областей минимальных значений зависимой переменной (в нашем случае – эффективности ПР). Они соотносятся, соответственно, с минимальным и с максимальным значением «независимой» переменной. Одновременно для них же характерна «точка» (точнее – область) максимума зна-

чений «зависимой» переменной, соотносящаяся с некоторыми «промежуточными» – средними величинами независимой переменной. Это вскрывает принадлежность такого рода зависимости к так называемым зависимостям «типа оптимума».

Общий смысл обнаруженной зависимости состоит в том, что максимальное качество процессов ПР имеет место не при минимальной рефлексивности (что вполне естественно и понятно), но и не при максимальном ее значении (что уже менее очевидно с априорной точки зрения). Оно максимально на некотором промежуточном, хотя и достаточно высоком значении рефлексивности. Эту же зависимость можно интерпретировать несколько иначе. Первоначальный рост рефлексивности приводит к существенному возрастанию качественных параметров процессов ПР. Затем, однако, прямая зависимость между ними достигает определенного предела: она вначале перестает действовать в этой своей прямой форме, а затем трансформируется в обратную зависимость. Эта и другие полученные ранее аналогичные зависимости показывают, что, по-видимому, существует некоторая зона, интервал оптимальных значений рефлексивности, при котором значения «внешнего критерия» (эффективности деятельности, качества ПР и др.) являются максимальными. «Сдвиги» как в сторону уменьшения, так и в сторону увеличения рефлексивности ведут к снижению значений «внешнего критерия».

Во-вторых, не менее очевиден и еще один экспериментальный результат. Он, как можно видеть из рис. 2, состоит в том, что *величина разброса* и, соответственно, дисперсия значений зависимой переменной (качества ПР) не остается постоянной на всем континууме значений независимой переменной – индивидуальной меры рефлексивности. Разброс значений возрастает пропорционально возрастанию самой независимой переменной. Другими словами, увеличение степени рефлексивности одновременно приводит и к возрастанию *степени вариативности* ее взаимосвязи с качественными параметрами процесса ПР. Чем выше рефлексивность, тем больше вариативность ее связи с качественными – результативными показателями ПР как таковыми (своеобразная «свобода» связи). Складывается ситуация, при которой возрастание рефлексивности как бы нивелирует, «смазывает» зависимость от нее качественных параметров ПР (хотя в общем виде эта зависимость продолжает

существовать). Есть основания думать, что данный результат объясняется тем, что возрастание меры рефлексивности приводит к усилению влияния на изучаемую зависимость ряда иных – «сцепленных» с рефлексивностью параметров (например, нейротизма, флексибельности, эмпатичности, когнитивной сложности и др.). Их влияние на зависимую переменную – качество ПР – достаточно сложно и неоднозначно, что и проявляется в диверсифицированности рассматриваемой здесь зависимости. Рефлексивность, наряду с тем, что сама влияет на качество процессов ПР, изменяет и в основном *повышает меру сензитивности* субъекта к влиянию на процессы ПР многих иных – и субъектных, и объектных факторов.

Таким образом, обнаруженная зависимость имеет как бы две основные стороны, обладает двояким смыслом. С одной стороны, она существует «сама по себе» и принадлежит к особому виду зависимостей – к зависимостям типа оптимума. С другой стороны, на эту зависимость «накладывается» и взаимодействует с ней другая зависимость. Это – закономерная связь степени ее выраженности с индивидуальной мерой рефлексивности. Рефлексивность как таковая, выступая «аргументом» в функциональной зависимости от нее качественных параметров ПР, одновременно является и детерминантой диверсифицированности этой зависимости. Возникает своего рода «зависимость второго порядка» – метазависимость, «накладывающаяся» на основную («первичную») и изменяющая меру ее строгости. Такого рода метазависимости уже были рассмотрены нами в общеметодологическом плане в [27, 41] и объяснены особой – *диверсифицирующей функцией* рефлексивности. Суть этой функции как раз и состоит в том, что параметр рефлексивности может оказывать и, как правило, оказывает, наряду со своим основным влиянием на те или иные переменные, еще и определенное дополнительное влияние. Последнее состоит в увеличении дисперсии – меры «разброса» значений той переменной, влияние на которую со стороны рефлексивности изучается при увеличении самой меры рефлексивности.

Вместе с тем, диверсифицирующая функция – это лишь одна из целого ряда функций, присущих рефлексивности и доступных экспериментальному обнаружению. Так, в частности, существует еще одна функция – *модерирующая*. Суть этой функции – в общем плане – состоит в том, что параметр рефлексивности может, не из-

меня принципиального характера какой-либо зависимости двух психологических переменных, влиять на меру и даже частично на форму ее проявления (то есть «модерировать» их).

Так, с этих позиций нами была экспериментально исследована зависимость двух достаточно общих психологических переменных – уровня *интеллекта* и *качества процессов ПР*. Известно, что, хотя в целом их зависимость очень сложна и неоднозначна, все же существует достаточно выраженная тенденция к прямой связи качества ПР и уровня интеллекта. Неоднозначность же этой зависимости обусловлена не только предельно общим характером самих исследуемых переменных, но и влиянием на нее множества трудноучитываемых и слабоконтролируемых факторов, в частности фактора рефлексивности. При анализе данной зависимости мы попытались учесть этот фактор, а для этого провели обработку результатов *отдельно* для двух подгрупп испытуемых, на которые была разделена вся экспериментальная выборка. В первую подгруппу вошли лица с относительно наименьшими значениями индивидуальной меры рефлексивности («низкорелексивные»), а во вторую – с относительно наибольшими ее значениями («высокорелексивные»). В итоге были получены следующие зависимости качественных параметров ПР от уровня интеллекта (общего) в двух сформированных подгруппах (см. рис. 3).

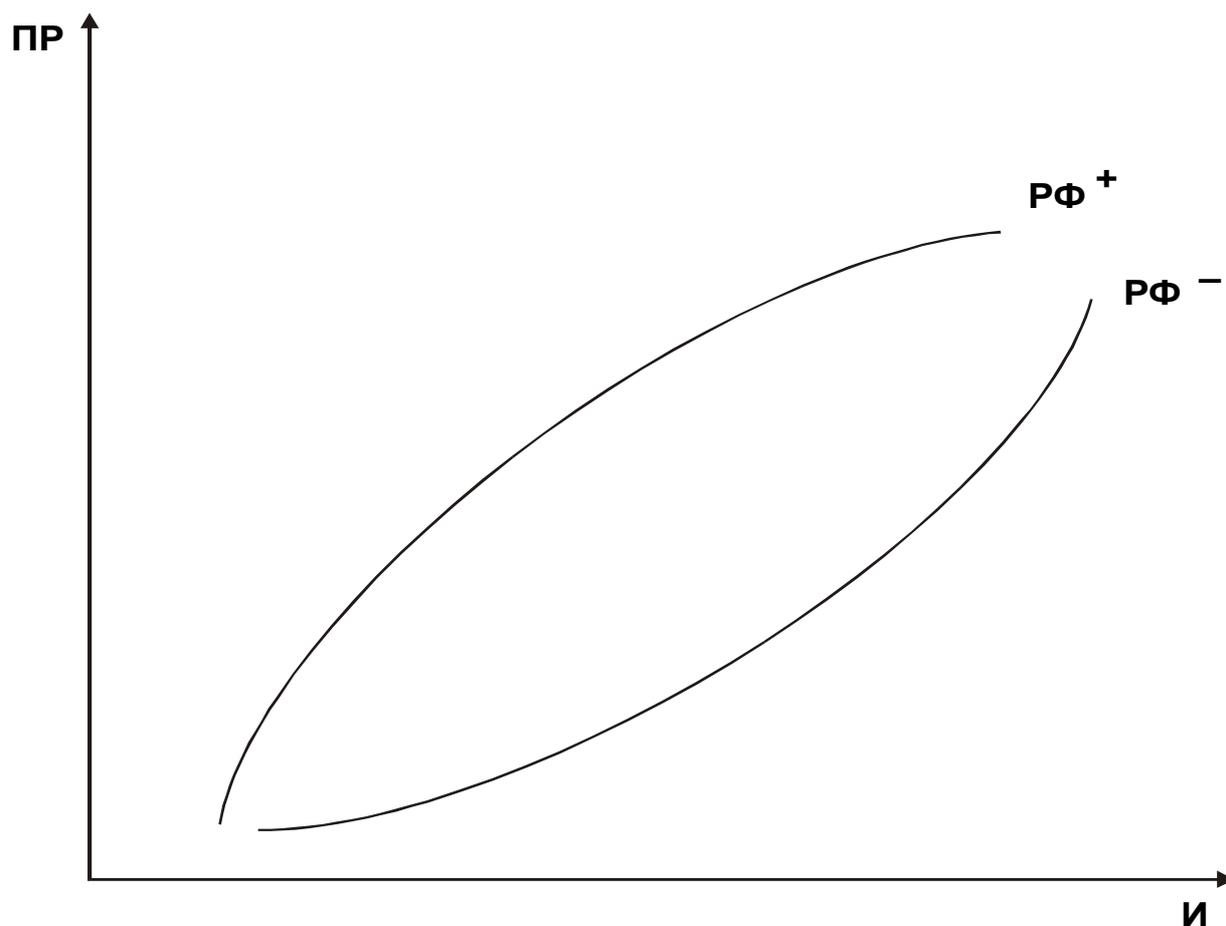

Рис. 3. Зависимость качества реализации процессов (ПР) от уровня общего интеллекта (И) в группах высоко - (РФ +) и низкореклексивных (РФ -) индивидов. Схематизировано.

Анализ представленных данных позволяет установить три основных результата.

Во-первых, они еще раз указывают на то, что зависимость качественных параметров процесса ПР от индивидуальной меры интеллекта как таковая существует и носит в целом прямой характер (по крайней мере, в пределах тех экспериментальных ситуаций, которые были использованы в данном исследовании). Аналогичный характер данной зависимости был установлен и в ряде других исследований [141, 149].

Во-вторых, представленные данные характеризуются наличием и еще одной зависимости – «зависимости второго порядка». Она состоит в том, что параметр рефлексивности вносит систематические коррективы в отмеченную выше базовую («первичную») закономерность. Он придает ей разную меру и форму в зависимо-

сти от своей собственной выраженности (то есть от степени рефлексивности). У высокорефлексивных индивидов данная зависимость имеет форму возрастающей кривой с так называемым «отрицательным ускорением». В группе же низкорефлексивных эта зависимость выражена аналогичной кривой, но с «положительным ускорением». Проще говоря, высокорефлексивные индивиды характеризуются более интенсивной динамикой прироста качества ПР при «первоначальном повышении» интеллекта, а затем эта динамика становится менее выраженной. Низкорефлексивные индивиды, наоборот, характеризуются более интенсивной динамикой изменения качественных параметров ПР в области высоких значений интеллекта. Тем самым в полученных результатах проявляется еще одна функция рефлексивности – функция модератора тех или иных зависимостей, в том числе и достаточно общих (одной из которых является зависимость качества ПР от степени интеллекта).

В-третьих, определенный интерес представляет попытка содержательной интерпретации полученных различий в исследованной зависимости. Ее смысл состоит, на наш взгляд, в следующем. Параметр рефлексивности на определенном диапазоне изменения уровня интеллекта усиливает его положительное влияние на качество процессов ПР, то есть *фасилитирует* связь интеллекта и ПР. Это проявляется в более быстром возрастании качества процессов ПР в подгруппе высокорефлексивных индивидов. Иначе говоря, на определенном диапазоне значений интеллекта наблюдаются *отношения супераддитивности* влияния рефлексивности и интеллекта на качество процессов ПР (проще говоря, эти два параметра как бы «помогают» друг другу). Однако затем – при относительно высоких значениях интеллекта – параметр рефлексивности уже перестает с очевидностью играть эту положительную роль, а его влияние на связь интеллекта и качества ПР становится все менее выраженным. Складывается ситуация, при которой высокая рефлексия в сочетании с высоким интеллектом не только не вступают в отношения супераддитивности, но и, по-видимому, могут частично *ингибировать* положительное влияние друг друга на качество ПР. Несколько схематизируя и упрощая данное явление, можно сказать: высокая рефлексивность – более «хороший помощник» низкому и среднему интеллекту в ситуациях ПР; но она же менее помогает, а не исключено, что часто и мешает в этих ситуациях

высокому интеллекту. Последнее вполне согласуется с наличием регрессионной ветви на зависимости качества ПР от меры рефлексивности, описанной и рассмотренной выше.

Наконец, необходимо отметить и еще одну закономерность. Зависимость, полученная в подгруппе низкорефлексивных индивидов, в целом располагается «под» зависимостью, полученной в подгруппе высокорефлексивных индивидов. Это означает, что качественные (результативные) параметры процессов ПР во второй группе выше, а само свойство рефлексивности оказывает в целом положительное влияние на процессы ПР. Вместе с тем, эта зависимость проявляется с двумя существенными «оговорками». Параметр рефлексивности и сила его влияния на процессы ПР отчетливее обнаруживается на некоторых средних значениях интеллекта, а на его «полюсах» проявляется в значительно меньшей мере. Особенно важно, на наш взгляд, то, что высокие значения интеллекта приводят к практически полной нивелировке влияния разных уровней рефлексивности на качество ПР. Здесь параметр рефлексивности обуславливает собой различия в способах ПР, но не в их итоговом качестве. Иначе говоря, параметр рефлексивности при высоких значениях интеллекта во многом утрачивает свою роль детерминанты результативных различий, но начинает выступать как детерминанта *стилевых различий* процессов ПР, к анализу которых мы обратимся в следующем параграфе.

3.3. Рефлексивные детерминанты процессуальной организации принятия решения

Представленное выше исследование, позволив получить определенные зависимости, имеет и более общий смысл. Дело в том, что в нем затрагивается очень сложная и многомерная проблема связи процессов ПР, с одной стороны, и взаимоотношений собственно интеллектуальных и рефлексивных детерминант – с другой. Один из ее аспектов и был рассмотрен в описанном исследовании. В то же время данная проблема непосредственно связана и с еще одним важнейшим аспектом изучения процессов ПР в зависимости от параметра рефлексивности. Это – вопрос о содержательных, *процессуальных* (в частности, *стилевых*) различиях реализации процессов ПР в зависимости от степени рефлексивности. Процес-

суальный аспект является одновременно вторым основным (после результативного) этапом общего плана экспериментальных исследований рефлексивных детерминант процессов ПР.

Основная задача данного цикла исследований формулируется следующим образом: влияют ли и если да, то как именно различия в индивидуальной мере развития рефлексивности на процессуальные, собственно содержательные особенности реализации процессов ПР? При исследовании данных вопросов необходимо, на наш взгляд, руководствоваться двумя исходными методологическими положениями.

Во-первых, следует учитывать принципиально двойкий характер детерминирующих воздействий рефлексивности на содержательные и процессуальные особенности ПР (равно как и на все иные психические процессы, структуры, феномены и пр.). С одной стороны, рефлексивность может выступать и выступает *непосредственной*, достаточно мощной детерминантой динамики и содержания тех или иных процессов. Она – фактор, непосредственно влияющий на какие-либо структурные и процессуальные образования, феномены и др. Однако, с другой стороны, не менее, а, пожалуй, еще более широко представлен иной – *опосредствованный* тип влияния рефлексивности на содержательные (и результативные) параметры тех или иных процессов и образований. Два этих типа влияния были подробно рассмотрены нами в методологическом плане в [28, 41]. Трудность состоит и в том, что «развести» эти два типа влияния рефлексивности крайне сложно. Более того, само их разделение «в исследовательских целях» приводит обычно к огрублению и схематизации изучаемой психической реальности. Наконец, следует учитывать и то, что параметр рефлексивности, в силу его очень высокой обобщенности и предельной интегративности, оказывается как бы «сцепленным» со многими другими (также обычно достаточно сложными) детерминантами и факторами.

Во-вторых, необходимо помнить и о том, что процессуальный, содержательный аспект организации принятия решения тесно связан с одним из основных направлений психологической теории решений в целом – со «стратегическим» направлением. В нем исследуются общие стратегии реализации процессов ПР, а также их процедурные варианты, в том числе и обусловленные теми или

иными субъектными детерминантами. В рамках данного направления сложились определенные традиции и нормы анализа особенностей процессуального содержания принятия решений и их индивидуальных вариантов в зависимости от тех или иных объектных и субъектных факторов. Одной из наиболее общих среди них является рассмотрение процессуального содержания принятия решений (и его вариантов) в трех основных планах, аспектах:

1. В аспекте содержательных и динамических характеристик основных структурных *компонентов* процессов ПР – компонентов так называемой *формальной структуры ПР*. Ими, как известно, являются критерии, правила, способы, информационная основа, альтернативы, гипотезы. Данный план предполагает установление качественных и количественных характеристик указанных компонентов, а также их различий в зависимости от того или иного детерминирующего фактора, в частности – от степени рефлексивности субъекта.

2. В аспекте содержания основных *феноменов и эффектов*, сопровождающих процесс выбора и оказывающих на него активное влияние. Данный аспект составляет, как известно, еще одно направление психологической теории решений – *феноменологическое*. Он связан с изучением тех многообразных и специфических явлений, которые возникают в ходе решений (например, явления «сдвига риска», феномена «самоукрепления первой гипотезы», «явления Ирвина», феномена «диагностического обеднения» и др.).

3. В аспекте *обобщенных* характеристик процессуальной организации принятия решения – общих принципов организации выбора, предпочитаемых стратегий их реализации, обобщенных динамических особенностей решений и др.

Наличие трех указанных выше аспектов процессуального анализа принятия решения может способствовать также и систематизации данных по этой проблеме. Полученные нами материалы относительно влияния параметра рефлексивности на процессуальные характеристики ПР целесообразно рассмотреть поэтому именно в соответствии с ними.

В современной психологической теории решений и особенно в тех ее вариантах, которые тяготеют к когнитивистской ориентации, сложились достаточно устойчивые представления об основ-

ных, базовых структурных компонентах формальной структуры ПР. Ими, как отмечено выше, считаются такие «составляющие» данного процесса, как информационная основа, критерии, цели, альтернативы, правила, способы, гипотезы, а также ценности, исходы и др. Перечни такого рода компонентов различаются у разных авторов; однако первые семь из отмеченных выше компонентов выделяются чаще всего, имеют инвариантный характер. Они *объективно* необходимы для реализации выбора фактически любого типа, в любых условиях, любой системой, поскольку редуцированность любого из них ведет к деструкции процесса ПР.

Очень важно иметь в виду и то, что с психологической точки зрения в основе формирования и функционирования указанных компонентов лежат определенные операции (часто очень сложные), направленные на самое их обеспечение. Все эти компоненты, как правило, не заданы субъекту выбора извне, не даны ему «в готовом виде», а требуют от него активности в плане их формирования и последующего функционирования. Другими словами, все эти компоненты предполагают наличие достаточно сложного *операционного состава*, который и представляет собой важную, а часто и определяющую часть всего содержания процесса ПР. Кроме того, необходимо учитывать и одно из наиболее общих методологических положений: содержание и специфика любого процессуального образования связаны, прежде всего, с его операционным составом, определяются им. Следовательно, именно через основные компоненты ПР, а также через те операции, которые направлены на обеспечение этих компонентов, собственно процессуальный аспект анализа реализуется и полнее, и адекватнее всего [42].

Далее, необходимо учитывать и то, что все основные компоненты процесса ПР обладают важным общим свойством. Они как бы двойственны по своей природе. С одной стороны, все они являются, безусловно, именно процессуальными образованиями, поскольку через них и в них сам процесс выбора структурируется и обретает свое содержание. Но с другой стороны, любой из этих компонентов имеет также и свое результативное выражение, поскольку они, компоненты, не задаются в готовом виде, а проходят определенный процесс формирования, который и имеет свое результативное выражение. В контексте анализируемой здесь проблемы важно и то, что в своем результативном проявлении все

указанные компоненты доступны осознанию и, следовательно, рефлексивному контролю за ними. Собственно говоря, операции рефлексивного контроля за формированием и динамикой этих компонентов и составляют бóльшую часть собственно процессуального содержания любого субъективного выбора. Поэтому параметр рефлексивности не только связан с динамикой основных компонентов процессов ПР, но и в значительной мере определяет эту динамику, а также является ведущим средством произвольного контроля за ней (а значит, и за всем процессом выбора).

Столь тесная и непосредственная связь рефлексивности с динамикой базовых компонентов процесса ПР, однако, не только способствует раскрытию процессуальных особенностей выбора. Она, как это ни странно, в значительной мере затрудняет такое исследование. Дело в том, что свойство рефлексивности является предельно обобщенным и интегративным. Оно поэтому принципиально неоднозначно влияет на процессуальные и результативные стороны того или иного явления. В ряде случаев такая неоднозначность может достигать крайних форм. Например, рефлексия может оказывать на какой-либо параметр прямое влияние фасилитирующего плана; но она же *одновременно* косвенно (то есть опосредствованно, через «сцепленные» с ней факторы) может оказывать и ингибирующее влияние на тот же самый параметр. Это, наряду со многими иными причинами, приводит к относительно большей «размытости», нечеткости многих рефлексивных закономерностей в целом и закономерностей влияния рефлексивности на процессуальное содержание принятия решения в частности. В связи именно с этим обстоятельством в ряде случаев закономерности носят характер, скорее, тенденций, нежели причинно-следственных связей или функциональных зависимостей. Учитывая сказанное, ниже мы рассмотрим некоторые из такого рода закономерностей²⁶.

²⁶ Основным методическим подходом, который лежал в основе техники получения обсуждаемых здесь материалов, явилось сочетание традиционной техники обработки экспериментальных данных с применением модифицированного метода «полярных групп». Вся экспериментальная выборка после выполнения заданий «расслаивалась» на три подгруппы – в зависимости от индивидуальной меры рефлексивности: подгруппу высокорефлексивных индивидов, подгруппу низкорефлексивных, а также подгруппу

Прежде всего, анализ показывает, что высокорефлексивные индивиды характеризуются (по сравнению с низкорефлексивными) тем, что они используют и, главное, стремятся использовать в ходе решений заметно *большее количество информации*. Следовательно, прямой функцией от меры рефлексивности является объем информационной основы процесса ПР. Эти различия проявляются и по отношению к так называемой «внешней» (объективной), и по отношению к «внутренней» (субъективной) информационной основе. Вместе с тем, степень различий гораздо более выражена по отношению именно к «внутренней» информационной основе. Это означает, что высокорефлексивные индивиды, характеризуясь несколько бóльшим числом внешних информационных признаков, учитываемых ими при решении, отличаются от низкорефлексивных еще и тем, что гораздо активнее и полнее стремятся учитывать «информацию опыта», «внутреннюю информацию»

Наряду с этим установлено, что *качественные* характеристики информационной основы, то есть адекватность информации, релевантность информационных признаков ситуации, были в целом выше в подгруппе низкорефлексивных индивидов. Несколько схематизируя эти различия, можно сказать, что низкорефлексивные индивиды, «проигрывая в количестве, выигрывают в качестве», и наоборот. В целом результаты анализа информационной основы как компонента процессуального содержания ПР показывают, что рефлексивность обуславливает широту информационной базы решения, но одновременно повышает меру ее субъективности. Рефлексивность, будучи необходимым средством ПР, в то же время является и каналом «отхода от строгой рациональности», объективности в выборе.

Наконец, были обнаружены и определенные различия в *содержании* используемых информационных признаков в подгруппах высоко- и низкорефлексивных индивидов. Во второй из них в большей степени представлены относительно несложные категории информационных признаков, тогда как в первой значительно больше «представительство» информационных признаков, при-

«среднерефлексивных» индивидов. Последняя подгруппа исключалась из дальнейшей обработки, а анализ проводился на основе сравнения степени выраженности базовых компонентов ПР в первой и второй подгруппах.

надлежащих к категориям «составных», «интегральных», «поливалентных» признаков [40, 88, 89]. Выявились и различия в предпочтениях признаков по степени их «определенности – неопределенности». Высокореклексивные индивиды как бы более «терпимы» – толерантны к недостаточной определенности используемой информации, к параметру неопределенности в целом; они более склонны работать с допущениями, предположениями. Вместе с тем, высококореклексивные индивиды, как показали дополнительные опыты, характеризуются меньшей эффективностью оперирования с вероятностной информацией, заданной или представленной в количественной форме.

Другой базовый компонент формальной структуры процессов ПР – *критерии* выбора – часто рассматривается в психологической теории решений вообще как главный и структурообразующий. Это означает, что именно критерии лежат в основе организации всех иных компонентов формальной структуры и придают им целостность, интегрированность. Не случайно, по-видимому, что в аспекте этого «структурообразующего» компонента были выявлены аналогичные, то есть также существенные различия в подгруппах низко- и высококореклексивных индивидов. Так, первая из этих подгрупп тяготеет к принятию решения на основе возможного меньшего числа критериев, а предпочтительнее – вообще одного.

Для низкореклексивных индивидов в целом характерна тенденция к бóльшему упрощению объективной ситуации выбора в целом и сведение поликритериальных задач выбора к монокритериальным. Для них же в наибольшей степени характерен и «эффект уплощения критериев», описанный нами в [35]. Для высококореклексивных индивидов, напротив, характерна тенденция к принятию решения на основе использования большего числа критериев. Даже в тех случаях, когда исходная – объективная ситуация выбора носит монокритериальный характер, высококореклексивные индивиды склонны к ее трансформации в бикритериальную или поликритериальную. Низкореклексивные индивиды идут на увеличение числа критериев обычно только под давлением внешних обстоятельств. Высокореклексивные индивиды могут делать это и обычно делают «по внутреннему побуждению».

Далее, по своим содержательным характеристикам критерии выбора в подгруппе низкорerefлексивных индивидов, как правило, являются более четкими, определенными и, соответственно, более простыми и однозначными. Критерии выбора в подгруппе высокорerefлексивных индивидов более сложны, неоднозначны, субъективны. Если выбор принимает характер поликритериального, то мера согласованности критериев в подгруппе высокорerefлексивных обычно ниже, а сами они часто противоречат друг другу. Наконец, еще одним результатом сравнительного анализа критериев в подгруппах низко- и высокорerefлексивных индивидов явилось то, что лабильность, гибкость критериев в первой из них оказалась, вопреки ожиданиям, не ниже, а выше, нежели во второй. В этом, на наш взгляд, находит проявление их несколько бóльшая «ориентация на задачу». В силу этого они субъективно легче идут на изменения компонентов выбора в целом и критериев, в особенности под влиянием объективных изменений самой ситуации.

Следующий основной структурный компонент процессов ПР – *правила* их реализации. В аспекте данного компонента также обнаруживаются некоторые различия в подгруппах низко- и высокорerefлексивных индивидов. В *количественном* отношении (опять-таки вопреки априорным предположениям) данный компонент более выражен в подгруппе низкорerefлексивных субъектов. Известно, что именно правила – это наиболее «нормативный» и объектно заданный компонент выбора. Поэтому лица с более выраженной «объектной ориентацией» (каковыми как раз и являются низкорerefлексивные индивиды) в большей мере используют данный компонент общей структуры процесса ПР. Вместе с тем, по отношению к высокорerefлексивным индивидам обратное утверждение было бы не совсем справедливым. Дело в том, что и они также характеризуются достаточно активным использованием системы правил. Однако очень часто это *другие* правила; они в меньшей степени носят нормативный характер и являются менее четкими и определенными. Они в меньшей степени осознаются и поэтому слабее представлены в самоотчетах.

Что касается *качественных* различий используемых правил, то в этом отношении необходимо учитывать положение о трех их основных типах: нормативных (детерминистских), эвристических и вероятностных [35]. Низкорerefлексивные индивиды характеризу-

ются субъективными предпочтениями в использовании именно нормативных правил, тогда как высокорефлексивные столь же отчетливо тяготеют к менее жестким – эвристическим правилам. В отношении правил третьей категории – вероятностных – ситуация двойственна. Высокорефлексивные индивиды более склонны их использовать, но объективно хуже работают по ним, нежели низкорефлексивные. В подгруппе низкорефлексивных индивидов ситуация прямо противоположна.

Среди всех структурных компонентов процесса ПР особое место принадлежит, как известно, *способам* его осуществления. Строго говоря, выделение данного компонента как «структурной единицы» этого процесса не вполне корректно (хотя и традиционно принято). Дело в том, что сам способ (стратегия) подготовки и принятия решения – это, по определению, некоторая закономерная организация и интеграция *всех других* компонентов. Тем не менее, и теория решений в целом, и одно из наиболее развитых ее направлений – «стратегическое» – рассматривают способы именно как компоненты процессов выбора, что обязывает попытаться выявить особенности их осуществления в зависимости от параметра рефлексивности. В этом плане, действительно, обнаруживаются некоторые достаточно стабильные тенденции.

Так, «репертуар», то есть количественная характеристика степени разнообразия способов подготовки и принятия решения, у рефлексивных индивидов заметно выше, нежели у низкорефлексивных. Вместе с тем, широта репертуара способов отнюдь не всегда обеспечивается привлечением и (или) конструированием только адекватных ситуациям способов. Часто «наднормативные» способы ПР, характерные для высокорефлексивных индивидов, не являются в достаточной мере адекватными условиям ситуации. В подгруппе высокорефлексивных индивидов способы обычно в меньшей степени отвечают и требованию реализуемости. Иными словами, имеет место картина, сходная с той, которая уже была констатирована нами при анализе информационной основы процессов ПР. «Выигрывая» в широте и разнообразии способов ПР, высокорефлексивные индивиды часто «проигрывают» в их качестве и их релевантности объективным особенностям ситуаций.

Наряду с этим определенный интерес представляет еще одна особенность, выявленная в подгруппе высокорефлексивных инди-

видов (правда, лишь у части этой подгруппы). Она состоит в том, что решение может вырабатываться, а затем приниматься двумя разными, последовательно сменяющимися друг друга способами. Причем окончательный исход зависит от того, к каким результатам приводят эти два способа. В том случае, если оба они ведут к выбору одного и того же варианта, он и принимается. Однако если они «дают разные ответы», то процесс решения обычно продолжается. Наконец, следует отметить, что различия между подгруппами низко- и высокореклексивных индивидов, как было показано нами в [28, 41], в определенной степени зависят также и от общего типа ситуации ПР – ее принадлежности либо к «субъект-объектному» типу (ситуации «игры с природой»), либо к «субъект-субъектному» типу (ситуации «рефлексивной игры»). Проявляясь уже в ситуациях первого типа, эти различия в содержании и динамике способов ПР становятся еще более очевидными в ситуациях второго типа. Следовательно, сам тип ситуаций оказывает своего рода фасилитирующее влияние на степень диверсифицированности способов решений, обусловленную параметром рефлексивности.

По отношению к другому структурному компоненту процессов ПР – альтернативам – нами были установлены следующие различия между подгруппами низко- и высокореклексивных индивидов.

Во-первых, в *количественном* отношении вторая из этих подгрупп характеризуется бóльшим числом альтернатив выбора. Эти различия, не являясь очень выраженными, тем не менее достаточно стабильны и систематичны. У высокореклексивных индивидов в целом выше «альтернативная размерность» выбора, что, впрочем, не всегда оказывает позитивное влияние на реализацию выбора и особенно на его эффективность.

Во-вторых, в аспекте *качественных* характеристик альтернатив, а также степени их четкости, определенности и реализуемости различия между рассматриваемыми подгруппами практически отсутствуют; более того, определенными преимуществами характеризуется уже подгруппа низкореклексивных индивидов.

В-третьих, как известно из теории решений, процесс генерации и анализа альтернатив включает два основных этапа – этап формирования «исходного множества» альтернатив и этап собст-

венно выбора из «конечного» (или редуцированного) их множества. Они связаны между собой *процедурой «элиминации альтернатив»*, то есть сокращения исходного множества до конечного посредством селекции лишь наиболее значимых альтернатив. В этом плане было выявлено, что степень выраженности процедуры элиминации в подгруппе высокореклексивных индивидов существенно меньше, нежели в противоположной подгруппе. Высокорефлексивным индивидам как бы «труднее расстаться» с альтернативами, ими же самими сформулированными (или же просто различаемыми ими в той или иной ситуации).

Наконец, в-четвертых, учет параметра рефлексивности позволяет уточнить и еще одну закономерность организации процессов ПР. Как известно, альтернативы в целом считаются в теории решений наиболее значимым собственно процессуальным «индикатором» содержания выбора. Вместе с тем, показано, что и качество решений (то есть их результативные показатели) также тесно связано с этим компонентом выбора: оно является – при прочих равных условиях – прямой функцией от числа альтернатив, различаемых субъектом в ситуации выбора, и особенно – от числа альтернатив, активно анализируемых им [132, 147]. Данная зависимость была установлена, разумеется, на «смешанной» в отношении параметра рефлексивности выборке. Если, однако, разделить общую выборку на подгруппы низкореклексивных и высокореклексивных индивидов, то оказывается, что в первой из них она становится еще более отчетливой, во второй заметно нивелируется, а в ряде случаев и фактически редуцируется. Проще говоря, зависимость качества решений от числа альтернатив выбора (то есть от его «альтернативной размерности»), реально существуя, сама зависит от степени рефлексивности как детерминанты выбора.

По отношению к *гипотезам*, формулируемым субъектом по ходу реализации процессов ПР, как еще одному компоненту их общей структуры, различия низко- и высокореклексивных индивидов наименее стабильны, систематичны и однозначны. На наш взгляд, это объясняется двумя основными причинами. Во-первых, как показано в теории решений, сами гипотезы теснейшим образом связаны с другим компонентом – альтернативами, а часто и вообще рассматриваются в качестве стадии процесса формирования альтернатив как таковых (тот или иной вариант вначале пред-

стает как гипотеза, а затем – становится альтернативой). Поэтому различия в содержательных и динамических характеристиках гипотез, обусловленные параметром рефлексивности, могут не проявляться с достаточной отчетливостью, поскольку они подавляются более сильным фактором – фактором различий в содержании и динамике альтернатив. Во-вторых, именно гипотезы – это наиболее имплицитный и поэтому наименее доступный изучению компонент процессов ПР. Его воздействия и на результативные, и особенно на процессуальные параметры решений, как правило, являются опосредствованными и косвенными. Однако ряд тенденций все же удастся установить и в этом плане. Так, низкореклексивные индивиды в целом характеризуются бóльшей «легкостью» генерации гипотетических вариантов. Это проявляется, в частности, во временных затратах на генерацию тех или иных вариантов. Однако более интересно и важно, по нашему мнению, то, что параметр рефлексивности значимо влияет и на легкость переключения с одной гипотезы на другую. Высокорефлексивные индивиды обычно с гораздо бóльшим трудом идут на отказ от гипотез, особенно если они были ими же и сформулированы, нежели низкореклексивные индивиды. В результате общая мера динамичности процесса ПР у низкореклексивных индивидов может быть отнюдь не ниже, чем у высокореклексивных. Кроме того, было установлено, что у низкореклексивных индивидов время от начала решения до возникновения первой гипотезы значимо меньше, чем у высокореклексивных индивидов.

Таким образом, подытоживая представленные выше результаты относительно различий процессов ПР, обусловленных параметром рефлексивности, можно отметить следующие главные особенности. Данный параметр в значительно большей мере обуславливает именно содержательные, *процессуальные* (стилевые) различия и в меньшей мере влияет на результативные характеристики процессов выбора. В целом высокореклексивные индивиды, «выигрывая» в чем-то одном, «проигрывают» в другом, и наоборот. Эта закономерность проявляется в различных формах. Например, как отмечено выше, «выигрывая» в степени разнообразия репертуара способов и стратегий, высокореклексивные индивиды часто «проигрывают» в адекватности и реализуемости этих способов; «выигрывая» в широте информационной основы реше-

ний, они нередко «проигрывают» в содержательных особенностях используемых информационных признаков.

Далее, параметр рефлексивности обуславливает и различия в той или иной *ориентации* при осуществлении процесса ПР – либо преимущественно на объективную ситуацию, либо на свою субъективную интерпретацию ситуации. Первая установка более характерна для низкорефлексивных индивидов и предполагает большее доверие объективной информации, большую активность в ее поиске и использовании. Вторая установка более характерна для высокорефлексивных индивидов и предполагает большую опору на прошлый субъективный опыт, на оперирование не столько эксплицитной, сколько имплицитной информацией в ситуации выбора.

Наряду с этим, низко- и высокорефлексивные индивиды характеризуются различиями и еще по одному – также обобщенному параметру. Низкорефлексивные индивиды более склонны (и способны) *упрощать* ситуацию выбора, если она, действительно, сложна, по сравнению с высокорефлексивными. Напротив, высокорефлексивные индивиды более склонны *усложнять* ситуацию выбора, даже если она относительно несложна. Стиль ПР у низкорефлексивных индивидов более тяготеет к известному полюсу «редьюстинг» (цит. по [37]), а стиль ПР у высокорефлексивных индивидов – к полюсу «огментинг». И если в задачах на дивергентное мышление, в творческих, теоретических проблемах второй – «усложняющий» стиль существенно более конструктивен, то в ситуациях ПР, которые требуют «практичности», реализуемости и реалистичности, первый, «упрощающий», стиль часто оказывается не только более выигрышным, но нередко – и единственно возможным.

Наконец, еще одной особенностью является то, что большинство обнаруживаемых различий, существуя в общем случае, зависят и от *типа ситуации* выбора. Эти различия существенно выше в ситуациях «субъект-субъектного» типа (то есть в так называемых рефлексивных ситуациях), чем в ситуациях «субъект-объектного» типа.

Второй основной сферой проявления процессуальных различий в организации решений выступает совокупность специфических феноменов и эффектов – все то, что обычно обозначается понятием «*решенческой феноменологии*». Она достаточно подробно изучается в специальном направлении психологической теории решений – феноменологическом (его анализ проведен нами в [37, 39]). Важнейшей отличительной особенностью феноменологии ПР является весьма высокая степень ее вариативности и нестабильности, полиморфности и диверсифицированности. Доказано также, что чем более сложным является фактор, в связи с которым изучается общая феноменологическая картина ПР, тем отчетливее становятся указанные особенности [37, 42]. Отсюда следует, что под влиянием такого сложнейшего фактора, как рефлексивность, все отмеченные выше особенности становятся максимально выраженными. Вместе с тем, несмотря на всю неоднозначность, многоаспектность и вариативность влияния фактора рефлексивности на феноменологию процессов ПР, все же удастся обнаружить отдельные устойчивые тенденции в этом плане. Отметим некоторые из них.

Так, систематическим изменениям подвержен один из самых распространенных феноменов – «*эффект Ирвина*». Он, напомним, состоит в субъективной переоценке вероятности наступления желаемого (эмоционально позитивного) события, исхода и в недооценке наступления нежелательного (эмоционально негативного) события по сравнению с их объективными вероятностями. Чем выше рефлексивность, тем менее выраженным становится данный эффект, а при очень высоких значениях рефлексивности он может инвертироваться – менять свой «знак», т.е. свой исходный смысл. Это может быть объяснено влиянием на все стороны процесса ПР тех личностных качеств, которые связаны с высокой рефлексивностью, но не проявляются при минимальных и средних ее значениях. Речь идет о нейротизме, «подозрительности» (фактор N по методике Р. Кэттела), прогностичности, критичности, «личностном пессимизме» и др.

Другой «решенческий» феномен, относящийся вместе с «*эффектом Ирвина*» к группе так называемых «вероятностных эффек-

тов» – феномен «*вероятностной деформации*» – также несколько ослабевает. Он, напомним, состоит в том, что в процессах выбора наблюдается стойкая тенденция завышения вероятности и без того наиболее вероятных исходов, событий и пр., но – занижения вероятности относительно менее вероятных исходов, событий [35]. Иными словами, объективно более вероятное субъективно презентуется как еще более вероятное, и наоборот. Высокореклексивные индивиды характеризуются тем, что данный эффект выражен у них в меньшей степени. Показательно, однако, что это сочетается с отмеченной выше меньшей их способностью работать с вероятностными параметрами среды.

Противоположная тенденция, то есть тенденция к усилению меры выраженности при повышении рефлексивности, прослеживается в отношении еще одного феномена – «*инерционного эффекта*» (другое его название – «*эффект самоукрепления первой альтернативы*»). Его суть состоит в том, что субъект завышает значимость (и, соответственно, вероятность последующего принятия) той альтернативы, которая была сформулирована им первой. Причем эта первая альтернатива оказывает «*тормозящее*» (ингибирующее) воздействие на все последующие альтернативы, повышая («*укрепляя*») тем самым свое превосходство над ними. У высокореклексивных индивидов эта тенденция обычно представлена более отчетливо, нежели у низкореклексивных индивидов. Причем характерно, что в качестве самостоятельного аргумента в пользу этой – первой альтернативы выступает осознание и учет именно того, что она была первой, а также возникающие в связи с этим вопросы – «*почему?*», «*случайно ли это?*» и т.п.

Ряд феноменов, установленных в психологической теории решений, в противоположность уже рассмотренным не трансформируется значимым образом под влиянием фактора рефлексивности. Они как бы «*несензитивны*» к данному фактору, толерантны к нему. Среди этих феноменов в первую очередь следует отметить так называемые «*biasis*» – «*деформации (ошибки) рационального выбора*», «*познавательные уклоны*». Они достаточно широко описаны в литературе, а наиболее известными среди них являются, например, «*эвристика репрезентативности*», «*эвристика доступности*», «*эффект первичности*», «*эффект недавности*», явление «*иллюзорной корреляции*», «*закон малых чисел*» и др. [6, 15,

18, 54, 55, 75, 130, 155]. Проведенные нами исследования показали, что, во-первых, мера их изменчивости в зависимости от вариаций степени рефлексивности статистически незначима; во-вторых, сами эти изменения достаточно нестабильны даже по направленности, смыслу, а не только по величине.

Следующий, уже значительно более сложный феномен, обозначаемый обычно как «*эффект диагностического обеднения*» [48, 54, 55, 135], намного более чувствителен к параметру рефлексивности. Суть данного эффекта состоит в наличии стойкой тенденции к редуцированию исходного множества альтернатив (или множества, сформулированного самим субъектом) до значительно меньшего объема. Такое редуцирование является как бы продолжением и гипертрофией общего механизма элиминации альтернатив. Главной причиной «диагностического обеднения» является, как известно, ограниченность когнитивных возможностей субъекта и невозможность, в силу этого, оперировать большим количеством альтернатив, анализировать большое количество факторов одновременно. Высокорефлексивные индивиды характеризуются ослаблением данного феномена и, соответственно, меньшей степенью «диагностического обеднения», то есть фактически меньшей степенью схематизации и упрощения ситуации. Есть основания считать, что в основе меньшей выраженности явления «диагностического обеднения» лежит следующий механизм. Высокая рефлексия связана с более эффективными средствами метакогнитивной организации как таковой. В свою очередь, одной из основных задач самой метакогнитивной организации является именно оптимизация и расширение когнитивных возможностей субъекта, «*позитивный сдвиг*» субъективных границ и пределов. Вполне естественно поэтому, что прямой функцией от меры рефлексивности выступает именно ослабление «*эффекта диагностического обеднения*».

Наконец, важным является учет фундаментального феномена *реактивного сопротивления личности*²⁷. Данный феномен оказался

²⁷ Напомним, что суть данного феномена (на основе которого разработана концепция реактивного сопротивления Б. Брема) состоит в следующем. Любое внешнее воздействие на личность, ограничивающее свободу ее поведения в целом и выбора в особенности порождает активное противодействие с ее стороны, направленное против этого воздействия [98].

также сензитивен к уровню развития рефлексии. Вместе с тем, характер его связи с рефлексивностью более сложен, чем в описанных выше случаях. Дело в том, что на первом этапе его изучения вообще был получен своего рода «отрицательный результат»; различия в «феноменологической интенсивности» проявления реактивного сопротивления практически отсутствовали у высоко- и низкореклексивных индивидов. И у тех, и у других оно было представлено примерно в равной степени. Вместе с тем, различия, обусловленные мерой рефлексивности, обнаруживаются в том случае, если перейти от результативного аспекта анализа к процессуальному. Последний связан, как известно, с изучением стратегий, способов реализации поведения организации деятельности. При этом обнаружено, что у высокореклексивных индивидов значительно выше мера разнообразия способов «сопротивления», шире их «репертуар», а сами они более опосредованны и даже изощренны.

Обобщение всех представленных выше материалов дает основания для следующих выводов. Во-первых, параметр рефлексивности в целом оказывает значимое влияние на ряд важных феноменов и эффектов, характеризующих содержание и специфику процессов ПР. При этом в общей феноменологической картине процессов ПР должны быть дифференцированы такие феномены, которые оказываются либо несензитивными к фактору рефлексивности, либо чувствительны к нему. В свою очередь, вторые могут либо усиливаться и гипертрофироваться под влиянием фактора рефлексивности, либо ослабевать, редуцироваться и даже инвертироваться.

Во-вторых, прослеживается и тенденция, состоящая в том, что степень трансформации феноменов ПР под влиянием фактора рефлексивности зависит и от содержания самих феноменов, от их сложности. Чем сложнее, комплекснее тот или иной феномен, тем в большей степени он сензитивен к фактору рефлексивности и тем более он вариативен при изменении данного фактора.

В-третьих, все полученные материалы еще раз подтверждают и одно из наиболее общих положений феноменологического направления, обоснованное в [36, 41]. Оно состоит в том, что вся совокупность эффектов, явлений и свойств – это отнюдь не совокупность тех или иных *эпифеноменов*, лишь «сопровождающих»

решения. Это – система реальных и достаточно сильных *детерминант*, оказывающих существенное влияние на содержание процессов выбора, а опосредствованно – и на его результаты. Однако, поскольку многие из такого рода феноменов являются сензитивными к фактору рефлексивности и, более того, могут качественно трансформироваться под его воздействием, то и сам этот фактор должен быть понят как важная детерминанта процессуальной организации принятия решения. В свете сказанного получает частичное решение и вопрос о том, как же конкретно фактор рефлексивности влияет на результаты и процесс ПР? Дело в том, что под его воздействием меняются базовые феномены и эффекты, возникающие в ходе решений; однако они, эти феномены и эффекты, являются детерминантами процесса и результатов выбора. Следовательно, их изменения проявляются и в эффективности, и в процессуальной организации решений.

* * *

Третьей основной сферой проявления возможных различий в процессуальной организации принятия решения является, как известно, совокупность наиболее обобщенных средств такой организации – ее *принципов*. В настоящее время известен ряд основных принципов процессуальной организации ПР (итеративности, иерархичности, неравномерности, гетерохронности, минимально достаточной дифференцированности и др. [39]). Проведенные нами исследования показали, что среди них существуют и такие, которые в наибольшей степени подвержены влиянию фактора рефлексивности.

Так, прежде всего, следует указать на очень существенные трансформации одного из базовых принципов организации процессуального развертывания решений – принципа *итеративности*. Суть данного принципа состоит в «спиралевидной» организации процесса ПР, когда он строится не по типу линейно-последовательного процесса, а предполагает систематические возвраты с одних, уже пройденных этапов на другие, предшествовавшие им; многократное «проигрывание» и последовательное обогащение, совершенствование этапов. За счет этого принципа обеспечивается взаимокоррекция этапов, а в целом – повышается мера внутренней согласованности и целостности всего процесса.

Под влиянием фактора рефлексивности мера итеративности процессов ПР значимо повышается, что в известных пределах позитивно сказывается на их итоговых – результативных параметрах. Однако при очень высоких значениях итеративности может возникать явление «гиперитеративности», граничащее с процессуальной ригидностью и с возникновением больших трудностей переходов от процесса к результату – решению (а в крайних случаях – и известное явление «аналитического паралича» [72]).

Столь же очевидными и значимыми являются изменения в характере действия другого важного процессуального принципа – принципа *минимально достаточной дифференциации*. Суть данного принципа состоит в том, что изначально целостный и недифференцированный процесс выбора расчленяется, дифференцируется лишь на те этапы и в таком их количестве, которые минимально достаточны для его осуществления. Сутью организации процесса ПР является то, что она разворачивается не по типу структурирования его этапов, а по типу дифференциации изначально целостного образования на необходимые для него процессуальные средства, каковыми и выступают его этапы. В связи с этим очевидно также, что и описанные в теории решений этапы могут и должны быть рассмотрены как продукты дифференциации процесса выбора; их количество отражает ту или иную степень его дифференцированности, процессуальной развернутости. Например, этапы формирования представления о задаче ПР и собственно выбора обязательны даже при самой минимальной степени дифференциации. Этап формирования множества альтернатив, конкретизируя собой этап формирования представления о задаче ПР, выступает все же продуктом дальнейшей дифференциации. При необходимости он дополняется этапами формирования множества критериев и критериальной оценки альтернатив, а последняя, также при необходимости, – этапом вероятностного оценивания и т.д.

Степень выраженности данного принципа прямо зависит от индивидуальной меры рефлексивности: чем она выше, тем более дифференцировано процессуальное содержание решений на этапы (и подэтапы). Низко- и высокорефлексивные индивиды различаются также и по сравнительному соотношению так называемых *симультаных* и *сукцессивных* решений. В первых, в отличие от вторых, практически не представлена фаза, условно обозначаемая

как «информационная подготовка решений»; это своего рода «выбор без перебора» [36]. У низкореклексивных индивидов доля симульных решений обычно выше, нежели у высокореклексивных. И наоборот, мера сукцессивности (дискурсивности, развернутости) процесса ПР значимо выше у высокореклексивных индивидов.

Обе охарактеризованные выше зависимости согласуются друг с другом. Их общий смысл состоит в значимом влиянии рефлексивности на меру процессуальной организованности принятия решения в целом, на выраженность процессуальности как таковой. Чем выше рефлексивность, тем более дифференцированными и расчлененными на этапы, итеративными и дискурсивными являются и сами процессы. Подчеркнем, однако, что процессуальная организация как таковая – это хотя и важное, но все-таки лишь одно из условий обеспечения итогового результата – качества самих решений. Важно и то, что организованность, становясь избыточной, может трансформироваться в «заорганизованность», либо обуславливая снижение качества решений, либо вообще блокируя их. Например, гиперитеративность, проявляющаяся в неоправданных «возвратах» с целью проверки и перепроверки, может являться ингибитором решения, выступать одной из причин известного явления «аналитического паралича».

Таким образом, представленные материалы показывают, что параметр рефлексивности оказывает значимое воздействие на наиболее общий план процессуальной организации принятия решения – на ее основные принципы.

3.4. Интегративные функции рефлексии в психологическом обеспечении процессов принятия решения

В представленных выше исследованиях рассматривались два основных вопроса – вопросы о связях процессов ПР и рефлексивности, соответственно, на результативном и процессуальном уровнях. Как показали проведенные эксперименты, в обоих этих аспектах связи и закономерности такого рода существуют, а взаимодействия рефлексивности и процессов ПР достаточно многогранны. Логика исследования требует, однако, углубить анализ и

перейти к рассмотрению вопроса о возможных *механизмах обеспечения*, реализации процессов ПР (естественно, с акцентом на той роли, которую играют в них рефлексивные процессы и средства).

Поскольку процессы ПР принадлежат, согласно нашим представлениям, к специфическому классу процессуальных образований психики – к классу интегральных процессов, то и вопрос о механизмах его реализации и обеспечения во многом тождествен вопросу о механизмах психической интеграции, о ее формах, закономерностях, средствах и пр. Соответственно, и вопрос о роли процессов рефлексии при этом заключается в том, как конкретно эти процессы реализуют свои интегративные функции, как они включены в интегральный процесс ПР. Именно из такой постановки проблемы мы исходили при изучении вопроса о возможных механизмах включения рефлексии в психологическое обеспечение процессов ПР.

Исследование механизмов и закономерностей психической интеграции в целом является одной из важных теоретических задач общей психологии. Данная задача особенно актуальна именно в русле когнитивной психологии, а исследования, посвященные этой задаче, представлены в ней очень широко и разнопланово [46, 65, 81, 85]. Вместе с тем, как мы уже отмечали, до сих пор традиционная проблематика когнитивной психологии явно недостаточно включает в себя изучение того процесса, в котором механизмы психической интеграции выражены *наиболее полно* и отчетливо, составляют самую его суть. Речь идет, разумеется, именно о процессе принятия решения. Данный процесс является синтетическим, интегральным по своей психологической структуре и содержанию [35, 42]. Он формируется и разворачивается как закономерная и целеобусловленная интеграция многих иных психических процессов (когнитивных, эмоциональных, волевых, мотивационных) и образований. Поэтому сама его психологическая природа, его статус создают адекватные и даже естественные предпосылки для изучения общих закономерностей и механизмов психической интеграции. Тем самым процессы ПР являются не только предметом исследования, но реализуют *функцию метода* решения одной из основных задач когнитивной психологии – изучения механизмов и закономерностей психической интеграции.

Руководствуясь этими представлениями, мы провели специальный цикл исследований процессов ПР на материале различных видов и типов профессиональной деятельности, а также в экспериментальных условиях [32, 35, 37, 39, 41, 42, 44]. Принципиальная схема исследований (повторяем, и экспериментальных, и выполненных на материале естественной деятельности) состоит в следующем.

Вначале общая выборка на основе метода «полярных групп» (цит. по [35, 88]) дифференцируется по «внешнему критерию» на три подгруппы («лучших», «средних» и «худших»); причем в роли «внешнего критерия» такой дифференциации выступает качество реализации процессов ПР. Затем в двух из этих групп («лучших» и «худших») проводится процедура психодиагностического обследования, направленного на определение уровня развития основных когнитивных качеств и соответствующих им когнитивных процессов. Далее, по отношению к результатам психодиагностического обследования реализуется метод нахождения матриц интеркорреляций продиагностированных качеств и процессов. Данный метод необходимо рассматривать как иной по отношению к традиционному – аналитическому, как *структурный* способ изучения субъектных и процессуальных детерминант тех или иных психических явлений. Он позволяет выявить и охарактеризовать детерминацию какого-либо явления не только в плане его аналитических – «единичных» связей с отдельными индивидуальными качествами и процессами, но и в плане его комплексной – структурной обусловленности их целостными подсистемами.

В матрицах интеркорреляций представлен исчерпывающий комплекс взаимосвязей исследуемых когнитивных параметров, выраженных в количественных значениях коэффициентов корреляции между уровнями их развития в рассматриваемой выборке. Значимые из этих связей отображаются в виде коррелограмм и подвергаются последующему анализу. Коррелограммы значимых связей эксплицируют поэтому тот комплекс когнитивных параметров (качеств, процессов), а также паттерн связей между ними (то есть структуру), который лежит в основе обеспечения того или иного психического образования (в нашем случае – в основе процесса ПР). Следует особо подчеркнуть, что природа этих связей такова, что они не носят, конечно, морфологического характера, а

являются функциональными и отражают факт организованности когнитивных качеств и процессов в плане реализации определенной цели (например, принятия решения). Поэтому коррелограммы являются адекватным средством отображения тех функциональных синтезов, которые обеспечивают тот или иной психический процесс.

Способы анализа матриц и коррелограмм достаточно разнообразны и подробно описаны в литературе [21, 35, 41, 76, 88]. Главными из них являются: определение меры *когерентности* (интегрированности) коррелограмм; определение меры их *дифференцированности* и общей *организованности*; анализ функциональной роли каждого параметра (качества, процесса) в общей их структуре (выявление так называемых «ведущих» и «базовых» параметров; определение степени *гомогенности-гетерогенности* коррелограмм методом « χ^2 » и др. Особую роль среди всех указанных методов анализа матриц и коррелограмм играет метод определения трех их наиболее *обобщенных индексов* [37, 41].

Первый из них – индекс когерентности структур (коррелограмм) – ИКС; он определяется как функция числа положительных значимых связей в структуре и степени их значимости. При этом обычно учитываются связи, значимые на $\alpha = 0,99$ и $\alpha = 0,95$; первым приписывается «весовой коэффициент» 3 балла, вторым – 2 балла. В ряде случаев учитываются и связи, значимые на $\alpha = 0,90$ (с «весовым коэффициентом» 1 балл). Полученные по всей структуре «веса» суммируются, что и дает количественное значение индекса. Второй индекс – индекс дифференцированности структур (ИДС); он находится аналогичным образом, но на основе обобщения значимых отрицательных корреляционных связей. Третий индекс – индекс организованности структур (ИОС) – является функцией от общего количества положительных и отрицательных связей, а также их значимости и определяется как модуль ИКС и ИДС.

Полученные в этом цикле результаты характеризуются принципиальным сходством, общностью их психологического смысла, что предполагает необходимость аналогичной, то есть также обобщенной их интерпретации. При этом наиболее общей и как бы «сквозной» является закономерность, согласно которой результативные параметры процессов ПР (особенно качество) *прямо про-*

порциональны степени когнитивной интегрированности, имеющей место в ходе подготовки и принятия решения. Проще говоря, качество процессов ПР зависит от степени синтезированнойности, тесноты взаимодействия и организованности основных когнитивных процессов и, скорее всего, определяется этой степенью. Данный результат, повторяем, является общим, поскольку обнаруживается в различных видах деятельности и на различных экспериментальных моделях.

Различия в степени интегрированности когнитивных процессов количественно проявляются именно в величинах ИКС в группах «лучших» и «худших». Эти различия обычно таковы, что измеряются не «в процентах», а «в размах» и варьируют от 1,5 до 3 раз и выше [28, 37, 39, 41, 44 и др.]. Безусловно, такой характер различий свидетельствует об их существенности, значимости, что подтверждается и статистически ($\alpha = 0,95$).

Данный результат согласуется с полученными ранее результатами, в соответствии с которыми не только процессы принятия решения, но и иные процессы организации деятельности, а также и вся она в целом тем эффективнее, чем выраженнее интегративные механизмы организации когнитивных качеств субъекта. В этих и других исследованиях систематически обнаруживается сходная и, по-видимому, достаточно общая закономерность. Расслоение выборки на “успешных” и “неуспешных”, т.е. на «лучших» и «худших» по какому-либо внешнему критерию (деятельностному, результативному – например, эффективности деятельности в целом, эффективности процессов принятия решения в ней и др.), практически всегда обнаруживает бóльшую интегрированность когнитивных процессов и соответствующих им качеств в первой подгруппе.

Представленные данные необходимо подвергнуть специальному рассмотрению в двух основных аспектах: во-первых, в плане их общей интерпретации и в особенности в связи с той ролью, которую выполняют когнитивные механизмы в целом и интеллектуальные в частности в обеспечении развертывающейся при реализации принятия решения интеграции; во-вторых, в плане выяснения особенностей и функциональной роли процессов рефлексии при этом. Рассмотрим оба эти вопроса более подробно.

Общая зависимость эффективности процессов ПР от меры когнитивной интегрированности, на наш взгляд, вполне естественна. Дело в том, что такая интеграция, то есть, по существу, синтез когнитивных качеств, а также процессов ведет в конечном итоге к расширению функциональных возможностей и отдельных структур, и их подсистемы в целом. В основе такого расширения лежит, по-видимому, механизм *синергии*, эффект возникновения системных качеств. Дело в том, что отдельные качества и процессы, соорганизуясь, приобретают такие свойства, возможности и потенции, которые выходят за рамки аддитивной совокупности свойств и не обнаруживаются поэтому ни у одного из них, ни у их суммы. Но тогда вполне логично и то, что чем выше мера такой соорганизации (то есть степень интегрированности), тем полнее и действеннее реализуются механизмы синергии, тем выраженнее эффекты супераддитивности, тем больше “интегративная прибавка” когнитивного потенциала и тем отчетливее ее влияние на конечный результат – внешний критерий.

Системное функционирование частных аспектов когнитивной сферы во многом идентично эффектам ее интегративного проявления в обобщающем показателе – уровне развития интеллекта. В этом плане сам интеллект – это и есть эффект интеграции всей системы когнитивных механизмов и процессов, проявляющихся в тех или иных когнитивных качествах. Специально проведенные нами исследования выявили существование значимой ($\alpha = 0,95$) связи между уровнем общего интеллекта и мерой интегрированности отдельных когнитивных качеств субъекта (для невербального интеллекта она значима на $\alpha = 0,99$) [37, 40].

Следует, однако, подчеркнуть, что эти результаты не вполне согласуются с полученными ранее данными относительно связи уровня интеллекта с мерой интегрированности когнитивных качеств субъекта. Согласно им, между первым и второй существует, скорее, обратная связь. Например, в [60] установлено, что интеллект коррелирует со степенью дифференцированности структуры когнитивных свойств, с числом отрицательных (а не положительных) связей между ними. В [60] показано также, что с возрастом, то есть по мере онтогенетического повышения уровня интеллекта, также имеет место дифференциация его отдельных проявлений. Аналогичные данные содержатся и в других исследованиях, где,

однако, постоянно подчеркивается принципиальная трудность их интерпретации и те противоречия, к которым они приводят. Одно из главных среди них состоит в том, что, согласно этому выводу, придется признать минимальную степень интегрированности интеллекта (то есть фактически его дезинтегрированность) у лиц с максимальным его уровнем, что бессмысленно. По нашему мнению, для решения этого трудного вопроса и преодоления отмеченного противоречия как раз и должны быть привлечены данные, полученные при изучении когнитивных аспектов организации процессов ПР.

Дело в том, что и в группах с относительно высоким интеллектом, и особенно в группах высокого качества процессов ПР возрастает не только мера интегрированности когнитивных качеств, но и мера их дифференцированности. Речь при этом идет лишь о доминировании первой (интегрированности) над второй (дифференцированностью). Если сравнить подгруппы “низкого интеллекта” и “высокого интеллекта” (или подгруппы относительно неразвитой и относительно развитой способности к ПР), то во вторых, действительно, мера дифференцированности будет выше, чем в первых. Однако в них же будет выше и мера преобладания интегрированности над дифференцированностью (которая, повторяем, также возрастает, но в меньшей степени, чем интегрированность). Вообще, следует подчеркнуть, что и интегрированность и дифференцированность – это два неразделимо связанных системных механизма интеллектуальной активности.

Далее, следует иметь в виду, что при проведении исследований мы намеренно стремились к возможно более полному охвату всех уровней организации когнитивной подсистемы (начиная от процессов сенсорно-перцептивного уровня и кончая мыслительным уровнем). Отсюда следует, что общая интегрированность обусловлена в первую очередь межуровневыми связями когнитивной подсистемы; это – показатель степени интегрированности когнитивной иерархии как таковой. Если же делать акцент на определении меры интегрированности когнитивных качеств какого-либо одного (или двух) уровней, как это было осуществлено в исследованиях, приведших к обратной зависимости интеллекта и интегрированности когнитивных качеств, то на первый план, естественно, выходят внутриуровневая интеграция и дифференциация. В них

проявляются связи между различными показателями памяти (мнемический уровень), мышления (мыслительный уровень), то есть связи, обнаруживаемые внутри этих уровней, а не между ними. И в этом плане можно высказать следующую гипотезу.

Общий интеллект определяется мерой межуровневой интеграции и внутриуровневой дифференциации общей иерархии когнитивных процессов. Когнитивная иерархия тем эффективнее, чем более представлены в ней в целом механизмы межуровневой интеграции, а на каждом из ее уровней – механизмы дифференциации. В ее организации (и, соответственно, в интеллекте в целом) синтезированы, таким образом, два основных принципа системной организации: иерархический – субординационный, “вертикальный” (реализующийся посредством интегративных механизмов межуровневой организации) и координационный – “горизонтальный” (реализующийся посредством механизмов дифференцирующего типа). Тем самым обеспечивается и синтетичность организации и в то же время специализация основных когнитивных функций. Чем выше интеллект, тем больше межуровневая интегрированность и внутриуровневая дифференцированность, и наоборот. Эта трактовка снимает противоречивость существующих экспериментальных данных, показывает реальный – взаимодополнительный характер механизмов психической интеграции и дифференциации в структуре интеллекта.

Наконец, важно иметь в виду и то обстоятельство, что дифференцированность когнитивной подсистемы, ее связь с общим интеллектом значительно выше в тех случаях (и, соответственно, в тех экспериментальных задачах), когда в качестве внешнего критерия берутся результаты выполнения каких-либо познавательных функций. Именно таким является внешний критерий в отмеченных выше работах [30, 59]. Иначе говоря, если интеллект направлен на выполнение собственно познавательных функций, на “решение задач”, вообще *на познание*, то, действительно, очень отчетливой становится роль механизмов *дифференциации*. Это и понятно, поскольку в познавательных задачах внешний критерий (качество их решения) зависит в основном от высшего уровня когнитивной иерархии – мыслительного. Поэтому здесь доминируют внутриуровневые связи (см. выше). Имеет значение и то, что сама суть познавательных задач и функций связана, прежде всего, с

аналитической направленностью интеллекта, с ведущей ролью адекватных такой направленности дифференцирующих механизмов. Познание, анализ действительно требуют, в первую очередь, именно дифференциальных механизмов интеллектуальной динамики, опираются на них и потому прямо связаны с мерой их выраженности.

Однако иная ситуация имеет место в тех случаях, когда в качестве внешнего критерия используются не “теоретические” – познавательные задачи, а “*практические*” – деятельностные, регулятивные задачи и функции. Они связаны непосредственно уже не с анализом (хотя, конечно, предполагают и его), познанием, а с организацией целостной деятельности и отдельных ее компонентов (например, с обеспечением процессов принятия решения), что предполагает ведущую роль собственно *синтетических* механизмов. Согласно развиваемым нами представлениям, в структуре психики существует качественно специфический класс процессов – интегральные процессы психической регуляции деятельности и поведения. Они имеют принципиально иную, нежели у когнитивных процессов, исходную направленность и функциональные предназначения – регулятивные (а не познавательные). Они поэтому синтетичны и по своему содержанию, и по своей направленности. Это процессы синтеза деятельности и поведения; они реализуются на основе всей системы когнитивных (и иных) процессов, на основе синхронизированного вовлечения всех уровней когнитивной иерархии, то есть на базе межуровневой интеграции когнитивных процессов. Поэтому в них объективно ведущими являются не механизмы интеллектуальной “специализации” – дифференциации, а механизмы *синтеза* – интегративные механизмы. Именно это и обнаруживается в прямой зависимости эффективности ПР (как одного из представителей класса интегрально-регулятивных процессов) от степени когнитивной интегрированности.

В свете сказанного становится очевидной также некоторая надуманность и даже схоластичность дискуссии о том, с чем связан интеллект – с дифференциацией когнитивных функций или с их интеграцией? Интеллект и как психическая структура, и как онтологическая реальность гораздо сложнее и совершеннее, чем любая его концептуализация. Он богаче тех “представлений об интеллек-

те”, которые отображаются и постоянно меняются на собственно концептуальном уровне познания. Интеллект, как это следует из представленных выше данных, характеризуется способностью *трансформации самого принципа* своего актуального функционирования. Если внешние задачи носят по преимуществу аналитико-познавательный характер, доминантными выступают дифференцирующие механизмы. Они адекватны сути *дивергентного* мышления. Если же внешние задачи носят преимущественно практический, а значит, синтетический характер, доминантными являются интегративные механизмы. Они отражают специфику *конвергентного* мышления.

Интеллект – это не только качество реализации того или иного когнитивного механизма (точнее – системы механизмов); это и способность к выбору наиболее адекватного ситуации механизма функционирования; к определению приоритетов между ними в зависимости от ситуации; наконец, к генерации самих этих механизмов, к порождению новых принципов своей собственной организации. Поскольку, однако, ни одна ситуация не является ни “чисто познавательной”, ни “чисто преобразовательной”, а включает компоненты обоих этих типов, то в любой ситуации представлены как дифференцирующие, так и интегративные механизмы интеллекта, а речь может идти лишь о той или иной пропорции между ними. В свете этого, кстати говоря, получает свое естественное решение старая проблема соотношения так называемого “теоретического” и “практического” мышления.

* * *

При переходе ко второму основному и наиболее общему вопросу (о роли рефлексивных процессов и средств в обеспечении ПР) необходимо обратиться к результатам еще одного – специального цикла исследований. Оно строилось в целом по общей схеме, сходной с описанной выше. Вместе с тем, в общую организацию исследования было внесено одно существенное дополнение. Оно состояло в том, что процедура психодиагностики основных когнитивных процессов и соответствующих им качеств предусматривала также и диагностику уровня развития рефлексивности. Затем эти данные включались в обработку результатов, проводимую посредством метода матриц интеркорреляций и анализа коррело-

грамм когнитивных качеств. За счет такой модификации процедура исследования открывала возможность исследования роли процессов рефлексии (и качества рефлексивности) в общей интегративной структуре когнитивных процессов, обеспечивающих подготовку и принятие решений.

Далее, следует подчеркнуть, что в методологии существуют специальные приемы, позволяющие наиболее адекватно решать задачи, аналогичные сформулированной выше (то есть задачи, связанные с выяснением функциональной роли того или иного качества в их целостной структуре). Это приемы определения и последующего изучения так называемых «ведущих» и «базовых» качеств. Они подробно описаны в соответствующей методической литературе и многократно реализованы в психологических исследованиях [21, 28, 32, 34, 37, 38, 41, 42, 44, 88, 89]. *Ведущими* называются качества, имеющие значимую *непосредственную связь* с каким-либо внешним критерием, в отношении которого функционирует определенная структура качеств. Они определяются на основе нахождения величины корреляции уровня их развития с внешним критерием. *Базовыми* называются качества, которые имеют наибольший «структурный вес» в какой-либо более общей структуре качеств. Проще говоря, это качества, которые имеют наибольшее число связей с другими качествами и наибольшую значимость этих связей. В количественном отношении структурный вес определяется по схеме, аналогичной той, которая используется для подсчета «индекса когерентности структур». Разница лишь в том, что подсчет осуществляется не для всей совокупности качеств, а для какого-либо одного качества. Именно базовые качества являются наиболее важными для структурирования целостной подсистемы качеств, необходимых для обеспечения какого-либо «внешнего критерия» (например, процесса ПР). Они могут и должны быть проинтерпретированы как *структурообразующие*, поскольку «вокруг них» осуществляется синтез, структурирование всех иных качеств. Вместе с тем, показано, что базовые и ведущие качества могут не совпадать друг с другом [37, 89]. Это означает, что базовые качества могут и не иметь прямых связей, непосредственных корреляций с тем «внешним критерием», на обеспечение которого они, в конечном счете, направлены. Однако отсутствие прямой связи не означает отсутствие связи вообще: эта связь не

только существует, но и является еще более важной и значимой. Вместе с тем, она обнаруживается и существует на ином – структурном уровне.

С учетом сделанных пояснений, обратимся к полученным результатам. Прежде всего, следует отметить, что они в целом вполне согласуются с теми общими выводами, которые были сделаны выше. Главный из них состоит в том, что структуры когнитивных качеств являются статистически достоверно *гетерогенными* по критерию χ^2 для двух экспериментальных подгрупп. Эти подгруппы образованы на основе значимых различий по «внешнему критерию» – качеству процессов ПР (подгруппы «успешных» и «неуспешных»). В подгруппе «успешных» при этом степень интегрированности когнитивных процессов значимо выше. Эта же подгруппа имеет и значимо меньший «индекс дивергентности структуры», а также – больший «индекс общей организованности». Наряду с этим, в полученных результатах проявились и некоторые новые особенности, позволяющие дать более дифференцированную картину участия процесса рефлексии в психологическом обеспечении подготовки и принятия решения. Основные из них состоят в следующем.

Во-первых, подгруппы «успешных» и «неуспешных» (по внешнему критерию – качеству процессов ПР) существенно *различаются* в плане *ведущих* качеств. Так, в подгруппе «успешных» практически полностью отсутствуют значимые корреляционные связи (и положительные и отрицательные) между степенью развития отдельных когнитивных качеств и внешним критерием – качеством ПР. Существующие связи представлены фрагментарно, и то, как правило, лишь на уровне тенденции (то есть при $\alpha = 0,80$). В подгруппе «неуспешных», наоборот, такого рода связи выявляются; иными словами, в ней диагностируется факт существования ведущих качеств как таковых. Можно видеть, таким образом, что в подгруппе «успешных» сильнее детерминация процессов ПР со стороны именно *структурных эффектов* (большая интегрированность и организованность, меньшая дифференцированность), но слабее – со стороны *«аналитической» детерминации*, то есть в плане обусловленности автономными влияниями когнитивных качеств по отдельности. В подгруппе «неуспешных», напротив,

сильнее «аналитическая» и слабее «структурная» детерминация эффективности процессов ПР.

Во-вторых, в подгруппе «успешных» рефлексивность не является ведущим качеством, тогда как в подгруппе «неуспешных» имеется тенденция именно к этому, поскольку обнаружена корреляция на $\alpha = 0,90$ между уровнем ее развития и «внешним критерием» (качеством ПР) в этой подгруппе. Это означает, что сам тип детерминации процесса ПР в двух подгруппах несколько различен. Во второй подгруппе имеет место более непосредственная детерминация процессов ПР со стороны рефлексивных процессов; в первой же подгруппе такой связи нет; точнее – она носит более опосредствованный характер и поэтому не проявляется в корреляционной зависимости. Отсюда следует, что непосредственная детерминация рефлексией процессов ПР не является эффективной, так как она характерна именно для второй подгруппы (то есть для «неуспешных»). Более эффективной является детерминация рефлексией процессов ПР по типу структурного, опосредствованного влияния, а не по принципу прямой обусловленности.

В-третьих, было установлено, что в подгруппе «успешных» рефлексия является *базовым* качеством, то есть качеством, имеющим наибольшее число корреляционных связей со всеми иными качествами и наибольшую значимость связей. В подгруппе «неуспешных» такой закономерности не наблюдается. На наш взгляд, именно этот результат является основным и наиболее показательным для установления действительной роли рефлексивных процессов в обеспечении процессов ПР. Рефлексия, являясь базовым качеством, одновременно выступает поэтому и *структурообразующим качеством* для всех иных когнитивных качеств, обеспечивающих принятие решения. На ее основе разворачивается та интеграция, которая и составляет суть, содержание, а возможно, и *механизм* процесса ПР в целом. Рефлексия не может и, по-видимому, не должна непосредственно влиять на качественные параметры процессов ПР. Это влияние гораздо более сложно, но и сильно; оно строится не по принципу суммативной, «аналитической» детерминации, а по принципу структурной детерминации. Роль рефлексии в интегральном психическом процессе ПР может быть охарактеризована как «организационная», синтезирующая. Рефлексия – это именно *интегратор всех иных когнитивных процессов*, которые непосред-

ственно вовлечены в принятие решения и обеспечивают его результаты.

По отношению к когнитивной сфере функция рефлексии заключается, по-видимому, в том, что она опосредствует, регулирует и в определенной мере согласует вовлечение в процессы ПР всех иных когнитивных свойств. Не имея высокой корреляции с эффективностью ПР и не предопределяя ее напрямую, она оказывает на решения более опосредствованное, но и более сильное влияние. Это свойство выступает в качестве интегратора, регулятора формы и меры участия всей системы когнитивных качеств в обеспечении решений. Последнее, по существу, есть не что иное, как “экспериментальный индикатор” произвольной, осознаваемой регуляции (то есть регуляции, построенной на основе рефлексивных механизмов). Ее эффективность и, следовательно, качество решений определяются, как следует из представленных данных, двумя детерминантами: во-первых, общей когнитивной интегрированностью и, во-вторых, тем, насколько велика роль в ее обеспечении собственно рефлексивных процессов. В этом плане рефлексивность в ее процессуальном аспекте можно трактовать как осознаваемый, произвольно регулируемый уровень механизмов психической интеграции в целом.

Наконец, в-четвертых, необходимо отметить еще один результат. Было установлено, что между подгруппами «успешных» и «неуспешных» нет значимых различий по степени развития рефлексивности как таковой. Более того, в подгруппе «неуспешных» эта степень даже несколько выше (хотя и статистически незначимо). Этот эмпирически установленный результат приводит к достаточно любопытным и не прогнозировавшимся априорно следствиям. Так, он подтверждает уже описанную выше закономерность, согласно которой нет прямой связи между уровнем рефлексивности и способностью к ПР. Далее, он показывает, что чем более представлено автономное влияние рефлексивности на процесс ПР, тем меньше ее структурное влияние на него. Наряду с этим, он же свидетельствует и о том, что уровень развития рефлексивности сам по себе отнюдь не тождествен ее большим структурообразующим возможностям. Высокая рефлексивность и выраженность синтетической, структурообразующей роли рефлексии – это несовпадающие явления. В связи с этим напрашивается употребле-

ние терминов «продуктивная» и «непродуктивная» рефлексия: рефлексия может быть развитой, но «непродуктивной» (а иногда – и «контрпродуктивной»). Однако рефлексия может быть и умеренной по своим уровневым (абсолютным) характеристикам, но при этом и «продуктивной», обладающей действенным структурообразующим, интеграционным потенциалом (что и проявилось в полученных результатах).

Итак, выделяя главное, можно сказать, что роль рефлексии в психологическом обеспечении ПР – это роль интегратора иных, более «локальных» когнитивных качеств и процессов. Эффективность этой роли количественно связана с уровнем развития самой рефлексии нелинейной зависимостью: она наиболее выражена при некотором, хотя и достаточно высоком, но не предельном значении рефлексивности. Кроме того, следует дифференцировать два типа влияния рефлексивности на развертывающуюся в ходе принятия решения интеграцию иных когнитивных процессов – «продуктивную» и «непродуктивную». Между уровневыми характеристиками рефлексии и типом ее влияния на интеграцию когнитивных процессов нет однозначной связи. Более того, при очень высоких значениях рефлексивности резко повышается вероятность ее «непродуктивного» или даже «контрпродуктивного» влияния на механизмы интеграции психических процессов.

Представленные выше материалы раскрывают главным образом функциональную роль рефлексии как интегратора когнитивной подсистемы, взятую в ее собственно *процессуальном* аспекте. Вместе с тем, одной из общих закономерностей когнитивной подсистемы является то, что любой ее компонент – каждый из когнитивных процессов – имеет определенный, индивидуально специфический уровень развития и тем самым выступает в своем *результативном* проявлении – как индивидуальное *свойство* (когнитивное качество). Эта закономерность – именно в силу своего общего характера – справедлива и по отношению к рефлексии как таковой. Проще говоря, помимо своего процессуального модуса, рефлексия существует и в ином важнейшем модусе – как индивидуальное свойство, психическое качество (качество рефлексивности). Оно, равно как и все иные свойства, имеет диапазон *индивидуальной меры* выраженности. Кроме того, оно играет, очевидно, определенную и, не исключено, очень специфическую роль в ор-

ганизации всех других (причем не только когнитивных) свойств субъекта, личностных качеств.

Проверка данного предположения была осуществлена нами в специальном цикле исследований [28, 37, 41], основным результатом которого явилось его подтверждение. И хотя данный цикл по своим целям и содержанию выходит за пределы круга рассматриваемых здесь вопросов, его результаты могут способствовать их решению. Кратко их суть состоит в следующем.

Для рефлексивности как свойства личности наиболее характерны, специфичны эффекты и механизмы именно *структурного влияния* на многие иные индивидуальные качества. Рефлексивность, будучи, разумеется, в значительной степени производной от уровня развития иных когнитивных и личностных качеств, одновременно оказывает на них достаточно сильное (статистически значимое) влияние структурного, точнее, структурообразующего типа. Это означает, что в зависимости от уровня рефлексивности меняются те структуры («синтезы», «паттерны»), в которых онтологически представлены все иные индивидуальные качества субъекта; меняется их интегрированность и дифференцированность, координированность и организованность в целом. Не исключено поэтому, что важнейшей гранью, а быть может, и сутью рефлексивности как психического свойства являются присущие ей возможности организации и координации иных индивидуальных качеств – и когнитивных, и личностных. Тем самым рефлексивность раскрывается как своего рода *«организационное» качество* – качество, основной функцией которого является соорганизация и интеграция иных качеств, то есть как качество «второго порядка», как *метакачество*.

Рефлексия как психическое свойство – это «данность субъекту» не только каждого «отдельно взятого» свойства, а всех их, причем в комплексе, что феноменологически репрезентируется как «ощущение Я» – в его целостности, нерасчлененности, многоаспектности. И в этом плане обнаруживается глубинная и принципиальная общность рефлексивности как психического свойства и рефлексии как психического процесса. Во втором случае, как показано в современном метакогнитивизме (и что будет предметом специального анализа в следующей главе), она выступает в качестве процесса, предметом и материалом которого являются все

другие – реально представленные психические процессы [27, 99, 128, 134]. Рефлексия выполняет тем самым по отношению к ним роль координатора, организатора, интегратора; раскрывается как *метапроцесс*. Аналогичный статус – статус метаобразования – присущ не только рефлексии как психическому процессу, но и рефлексивности как психическому свойству.

Вместе с тем, структурообразующая роль рефлексивности в организации психических свойств не исчерпывается ее только интегративными функциями. Она, эта роль, реализуется и через вторую основную категорию функций – *дифференцирующих*. Дело в том, что именно рефлексивность является свойством, позволяющим психике дифференцировать, выделить и зафиксировать в самой себе те или иные стороны своей качественно определенности; репрезентировать их затем как свои собственные свойства. Тем самым рефлексивность как психическое свойство в определенной мере является средством «окачества» психики, а значит, в определенном смысле и средством *конституирования* психических качеств как таковых. Выступая средством такой дифференциации, рефлексивность одновременно создает объективную базу для последующей интеграции и, следовательно, организации психических свойств субъекта. Благодаря указанной дифференциации становится возможным «доступ» субъекта к каждому отдельно взятому его качеству, психическому свойству – их осознаваемость и принципиальная регулируемость, то есть подвластность субъектному – произвольному контролю. Последнее может проявляться в феноменах произвольной фасилитации и ингибиции того или иного свойства, в механизме психической компенсации, вообще – в принципиальной возможности при организации поведения «сознательно» (то есть рефлексивно) опираться на свои «сильные стороны» – свойства и уходить от необходимости использования своих «слабых сторон».

Таким образом, интегративная функция рефлексивности – это хотя и важная, но лишь одна из ее базовых функций. Другая ее важнейшая функция, носящая еще более имплицитный характер, – это функция дифференциации психики на качества как таковые, функция структурирования психикой самой себя на компоненты (психические свойства), подвластные осознанию, а также последующему произвольному контролю и коррекции. В этом проявля-

ется генеративно-порождающий потенциал рефлексивности; она раскрывается как такое качество субъекта, суть которого состоит в его способности к экспликации, выявлению, «распознаванию», а в известной мере – и к формированию других свойств и качеств, к осознанию и репрезентации их как своих и образующих «самость» субъекта, то есть субъектность как таковую.

Обе эти функции тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены. Высокая рефлексивность не только характеризуется ее бóльшим интегративным потенциалом, но и обуславливает бóльшую степень личностной дифференцированности [28, 41]. Иными словами, высокая рефлексивность является предпосылкой бóльшей расчлененности, дифференцированности, а поэтому и бóльшей сложности «внутреннего мира». В силу этого рефлексивность раскрывается уже и как «вторичное» качество, позволяющее интегрировать и скоординировать иные качества, и как такая латентная характеристика психики, которая определяет степень и глубину ее дифференцированности и, следовательно, степень сложности ее организации

и.

3.5. Рефлексивные детерминанты организации процессов принятия управленческих решений

Логика исследования, основные результаты которого были представлены в предыдущем параграфе, обусловила необходимость изучения рефлексии как детерминанты организации процессов ПР не только в ее процессуальном плане, но и как психического *свойства*, индивидуального *качества*. В этом проявляется общая закономерность большинства сложных компонентов психического – их представленность, по крайней мере, в двух модусах – собственно *процессуальном* и в *результативном* (отражающем и фиксирующем уровень развития – итоговое качество процесса). Вместе с тем, взятое в своем «результативном» проявлении – как индивидуальное качество, свойство – рефлексия не только может, но должна быть эксплицирована и с позиций категории *способностей*. Тем самым общая плоскость анализа объективно переводится в план взаимосвязи рефлексии и проблематики способностей.

Естественно, что раскрытие этой взаимосвязи в ее полном объеме – отдельная и очень многоплановая проблема, далеко выходящая за рамки данного исследования. Эта проблема была достаточно подробно рассмотрена нами в [28, 38, 41]. Не повторяя результатов этих работ, отметим лишь два итоговых положения. Во-первых, свойство рефлексивности имеет стабильные и инвариантные по отношению к различиям в решаемых субъектом деятельностных и поведенческих задач индивидуальные уровневые характеристики. Проще говоря, рефлексивность как психическое свойство имеет, равно как и все иные свойства, *индивидуальную* меру выраженности. Вместе с тем, в силу своего предельно генерализованного характера и очень существенного влияния на результативные параметры деятельности и поведения, рефлексивность выступает, по существу, в функции *общей способности* (наряду с такими традиционно выделяющимися общими способностями, как интеллект, обучаемость, креативность).

Во-вторых, наряду с этим, рефлексивность выступает по отношению к целому ряду видов профессиональной деятельности и

как *специальная способность* (в основном по отношению к классу «субъект-субъектных» видов деятельности). Ее собственно деятельностным «измерением» является то, что она реализует функцию одного из *профессионально-важных качеств* этих видов деятельности. Причем наиболее выражена данная функция по отношению к деятельности управленческого и организационного типа. В свою очередь, в этой деятельности наиболее велика и очевидна роль рефлексивности по отношению к обеспечению «критически значимой» для нее, ключевой функции – функции выработки и принятия управленческих решений. Таким образом, анализ приводит к необходимости специального рассмотрения рефлексивных детерминант и факторов в структуре процессов управленческих решений, основные результаты которого представлены в данном параграфе.

Исходная проблема формулируется при этом следующим образом. Существует ли и если да, то какая именно зависимость между мерой развития рефлексивности и способности к выработке и принятию эффективных управленческих решений? Какова психологическая структура этой способности и какое место в ней и в каждом ее компоненте занимает рефлексивность? Какую функциональную роль она играет в ее психологическом обеспечении в целом и в плане организации ее собственно когнитивной подструктуры? Все эти и иные сходные с ними вопросы имеют, на наш взгляд, двоякий смысл. С одной стороны, они непосредственно направлены на раскрытие психологической структуры одной из важнейших в теоретическом и особенно практическом плане проблемы – проблемы *психологической структуры способности* к управленческим решениям и к управленческой деятельности (поскольку, как известно, именно от процессов ПР определяющим образом зависит и эффективность всей управленческой деятельности). Но, с другой стороны, сформулированные вопросы могут в существенной степени содействовать и еще одной важной и собственно теоретической проблеме – проблеме содержания и специфики когнитивных механизмов обеспечения одного из сложнейших и важнейших классов процессов ПР – управленческих решений. В результате специального цикла профессиографических, эмпирических и экспериментальных исследований [28, 37, 38, 41, 43] были

получены некоторые данные, содействующие решению сформулированных вопросов. Основные из них состоят в следующем.

Первым и наиболее общим результатом, обнаруженным на *различных* видах управленческой деятельности, явилось установление самого *факта существования* определенной и вполне закономерной связи между уровнем рефлексивности и эффективностью управленческих решений. Вместе с тем, эта связь носит достаточно сложный и противоречивый характер. Она, например, вообще никак не проявляется в *линейной* корреляции между показателями эффективности управленческих решений и уровнем рефлексивности. Эта связь, как оказалось, носит иной характер и принадлежит к одной из разновидностей функциональных зависимостей *нелинейного* типа. Ее смысл заключается в том, что между уровнем рефлексивности и способностью к принятию управленческих решений существует зависимость, описываемая так называемой инвертированной «U-образной» кривой (или кривой типа *оптимума*, а не *максимума*). Это означает, что минимальные значения рефлексивности характеризуются низким качеством управленческих решений (и это вполне естественно, объяснимо). Однако и очень высокие, а также предельные значения рефлексивности приводят к снижению качества управленческих решений. Наоборот, при некоторых средних, промежуточных – хотя и достаточно высоких – значениях рефлексивности эффективность управленческих решений является, как правило, наибольшей.

В связи с этим, необходимо отметить, что сходная зависимость была обнаружена нами ранее [37] и в плане отношений эффективности управленческой деятельности в целом и уровня рефлексивности. Между ними также существует аналогичная инвертированная «U-образная» зависимость, хотя и в более «сглаженном» виде, нежели по отношению к связи рефлексивности и качественных параметров управленческих решений. Данное обстоятельство вполне естественно: именно процессы ПР оказывают *решающее* (в прямом и в переносном смысле) воздействие на качество всей управленческой деятельности, а потому форма зависимости их качества от уровня рефлексивности во многом транспонируется на форму зависимости эффективности всей управленческой деятельности от уровня рефлексивности.

Итак, общей закономерностью является то, что рефлексивность как детерминанта эффективности управленческих решений наиболее действенна и конструктивна тогда, когда она представлена на некоторых оптимальных значениях. Другими словами, руководитель должен обладать не максимально развитой рефлексивностью (и, конечно, не минимальной), а рефлексивностью, *необходимой и достаточной* для реализации функции принятия решения. Эту же мысль можно сформулировать и несколько иначе. Руководитель должен быть в меру сензитивен к содержанию как своей собственной психики, так и к восприятию «внутреннего мира» других людей (подчиненных). Поэтому не только низкая, но и очень высокая рефлексивность, сензитивность может рассматриваться как противопоказание к управленческой деятельности в целом, а также как фактор, негативно влияющий на качество управленческих решений в частности.

Вместе с тем, этот первый и пока достаточно общий результат требует попытки выявления тех механизмов, которыми обусловлено существование данной закономерности. Для этого необходимо перейти с результативного уровня анализа на его содержательный – собственно процессуальный уровень.

На этом собственно процессуальном уровне была установлена еще одна закономерность. Она заключается в том, что эффективность управленческих решений оказалась прямо пропорциональной степени *интегрированности* отдельных когнитивных процессов друг с другом, степени интегрированности всей совокупности когнитивных качеств субъекта. Данный результат вполне согласуется с охарактеризованной выше закономерностью, согласно которой качество процессов ПР в целом (а не только управленческих решений) зависит от степени когнитивной интегрированности и, более того, во многом определяется ею. В основе данной закономерности лежит, как показано выше, механизм *синергии*, а также возникающие вследствие него эффекты *системных качеств*: отдельные когнитивные процессы и качества, соорганизуясь и интегрируясь в целостность, приобретают такие свойства и возможности, которые *выходят* за рамки их аддитивной совокупности, не обнаруживаются поэтому ни у одного из них, ни у их агрегативной суммы. Вполне понятно и то, что чем выше мера такой соорганизованности (то есть степень интегрированности), тем более дейст-

венно реализуются сами механизмы синергии, тем выраженнее эффекты супераддитивности и тем больше *интегративная прибавка* когнитивного потенциала, отчетливее и сильнее ее влияние на конечный результат (в данном случае – результативные параметры решений).

Вместе с тем, оказалось, что сама по себе степень интегрированности когнитивных качеств отнюдь не пропорциональна уровню рефлексивности, не связана с ним прямо и непосредственно. Максимальная когнитивная интегрированность имеет место на некотором, хотя и достаточно высоком, но все же не максимальном уровне рефлексивности, а на ее оптимальном уровне. Следовательно, можно заключить, что существует определенный, повторяем, оптимальный уровень развития рефлексивности, при котором механизмы психической интеграции когнитивных качеств и процессов наиболее выражены, действенны и продуктивны. Превышение этого уровня ведет к тому, что интегративная функция рефлексии переходит в субдоминантный план по отношению ко второй основной функции рефлексии – дифференцирующей. В результате этого общий когнитивный потенциал может снижаться, что и проявляется в ухудшении качественных параметров процессов управленческих решений. В связи с этим можно, как указывалось выше, различать два вида рефлексии – продуктивную и непродуктивную.

Итак, уровень развития способности к принятию управленческих решений связан с мерой интегрированности когнитивных качеств субъекта *прямой* зависимостью (и в значительной мере определяется этой интегрированностью), а с уровнем развития рефлексивности – *нелинейной* зависимостью типа оптимума.

Существенно иная закономерность обнаружена в плане связи уровня развития способности к принятию управленческих решений с мерой интегрированности собственно *личностных качеств* субъекта (в отличие от когнитивных качеств в только что описанной закономерности). Необходимость обращения к личностным качествам при анализе деятельности управленческого типа в целом и при изучении структуры способности к управленческим решениям в частности обусловлена, как известно, тем, что многие из этих качеств по отношению именно к данной деятельности выступают в функции ее профессионально-важных качеств.

Основным результатом явилось то, что при «расслоении» общей выборки руководителей методом «полярных групп» на «успешных» и «неуспешных» в плане эффективности реализации ими функций управленческих решений степень интегрированности личностных качеств оказалась во второй группе в 1,7 раза ниже, чем в первой. Следовательно, сам характер детерминации эффективности управленческих решений интегративными механизмами здесь меняет свой «знак»: эффективность решений зависит от степени *дифференцированности* личностных качеств (а не от их интегрированности) и, не исключено, определяется ею.

Чем выше дифференцированность, тем эффективнее решения, и наоборот. Аналогично, эффективность решений определяется не только мерой личностной дифференцированности как таковой, но и тем, в какой пропорции она находится с мерой интегрированности. Следовательно, второй основной закономерностью интегративного плана является зависимость эффективности процессов принятия управленческих решений от меры выраженности механизма *личностной дифференциации* субъектных качеств, от его функциональной роли в структурировании качеств.

Данная закономерность значительно труднее поддается интерпретации, нежели закономерность, связанная с большей когнитивной интегрированностью как детерминантой эффективности процесса ПР. Вместе с тем, можно попытаться дать следующее объяснение выявленной закономерности.

По отношению к когнитивным качествам правомерен «оценочный подход», согласно которому «чем выше уровень их развития, тем лучше для субъекта», но по отношению к собственно личностным свойствам такой подход уже неправомерен. Сами личностные свойства по своей природе таковы, что их в целом нельзя оценивать по типу «лучше-хуже». Это не оценочные (и поэтому однозначно интерпретируемые) параметры индивидуальности, а некоторые измерения личности, описывающие качественное своеобразие ее поведенческих проявлений. Различные «полюса» этих параметров в одних ситуациях могут играть позитивную роль, в других – негативную. Следовательно, и подход к интерпретации механизмов структурирования этих качеств должен быть принципиально иным, нежели оценочный.

Мера выраженности того или иного личностного качества обуславливает определенный поведенческий инвариант реагирования на ситуации, а их совокупность в итоге обуславливает общий поведенческий репертуар личности. И чем более он разнообразен, дифференцирован, а следовательно, и более лабилен по отношению к изменяющимся ситуациям, тем эффективнее поведение в них в целом и процессы выбора в особенности. Однако мера дифференцированности поведенческого репертуара как раз и обусловлена разнообразием, гетерогенностью личностных качеств как его детерминант. Она экспериментально выявляется не в показателе унифицированности – жесткости личностной структуры, а в противоположном показателе – в индексе ее дифференцированности. Этот показатель значимо выше в группе “успешных”. Следовательно, важной предпосылкой эффективных решений личности является мера ее внутренней гетерогенности, сложности, соединения в ней противоречивых начал и качеств (то есть всего того, что и образует предпосылку для разнообразия, лабильности и дифференцированности ее поведенческого репертуара).

Сопоставление меры дифференцированности личностных качеств с уровнем развития рефлексивности показало, что между ними существует *прямая* связь. Иными словами, чем выше уровень рефлексивности, тем выше степени личностной дифференцированности. И в этом опять-таки проявляются различия полученного результата с теми данными, которые были выявлены при анализе связи рефлексивности с характером структурирования когнитивных качеств. Если по отношению к ним очень высокая рефлексивность ведет к снижению степени интегрированности этих качеств и тем самым начинает оказывать на управленческие решения, на способность к ним *негативное* влияние, то по отношению к степени дифференцированности личностных качеств этого не наблюдается. Высокая и очень высокая рефлексивность в плане ее влияния на организацию личностных качеств продолжает характеризоваться *позитивным* влиянием.

Рассмотренные выше результаты приобретают дополнительный смысл в том случае, если учесть еще одну закономерность, полученную в ходе исследования. Она состоит в том, что качество управленческих решений находится в *обратном* отношении с мерой *связи* системы когнитивных процессов и личностных свойств

субъекта. Иначе говоря, одним из условий достаточно высокого качества управленческих решений выступает относительная *автономность* этих подсистем индивидуальных свойств субъекта; субдоминантный, а не ведущий характер функциональных связей и взаимодействий между ними. Эти данные не вполне согласуются с обыденными, привычными представлениями. Согласно им, наоборот, так называемое “единство ума и личности руководителя”, “сплав его воли и интеллекта” и т.п. трактуются как залог эффективных решений и успешного руководства.

Однако при более глубоком анализе полученного результата он предстает как вполне естественный и объяснимый, даже – как необходимый. Более того, его причины коренятся в достаточно общих особенностях организации (в том числе и личностной) процессов ПР; они зафиксированы и в общих закономерностях теории решений.

Действительно, в *когнитивно-личностной автономии* проявляется следующая общая и в принципе известная в теории решений закономерность. Согласно ей, чем в меньшей степени когнитивные механизмы выработки решений подвержены “деформирующему” влиянию со стороны любых иных, внекогнитивных, факторов, тем эффективнее, “рациональнее” сами решения. Эта закономерность подробно рассмотрена в таких фундаментальных школах теории решений, как “теория ограниченной рациональности” Г. Саймона [83, 151] и теория “познавательных уклонов” А. Тверского и Д. Канемана [130, 155]. Более того, считается, что именно мера и “чистота” представленности в общем процессе решения собственно когнитивных процедур, механизмов, процессов и свойств субъекта вообще является главным условием рационального и, следовательно, эффективного решения. Наоборот, любое возмущающее воздействие со стороны внекогнитивных факторов приводит к “отходу от рациональности в выборе” (Г. Саймон [152]), к возникновению “когнитивных уклонов” и к “деформациям рационального выбора” (А. Тверский [155]). Последние, как показано в теории решений [92, 108, 111, 112, 137, 159], являются двойками – ситуативными (обусловленными негативным влиянием параметров ситуации) и личностными (обусловленными стабильным влиянием личностных свойств субъекта выбора). Чем в большей степени они выражены, тем ниже

эффективность решений. В свете этого очевидно, что подобное влияние как раз и должно проявляться в наличии устойчивых и значимых функциональных связей между когнитивными и личностными качествами. Чем больше таких связей, тем более субъективны, но менее рациональны и в конечном итоге эффективны решения. И наоборот, невыраженность взаимосвязей когнитивных и личностных качеств, их функциональная автономия является предпосылкой для рациональных, эффективных решений.

Необходимо подчеркнуть, что охарактеризованный выше результат, несмотря на его видимую противоположность традиционной точки зрения о “единстве интеллекта и личности руководителя”, в действительности не только вполне согласуется с ним, но и развивает его. Дело в том, что процессы управленческих решений и тем более управленческая деятельность в целом имеют не один результативный параметр, а систему таких параметров, оценочных критериев, показателей. В частности, это и их *качество* (что выступало главным внешним критерием в наших исследованиях), и их *надежность*. Последняя, как известно, определяется как вероятность поддержания качественных параметров решений (и деятельности в целом) на допустимом уровне в течение заданного времени.

Кроме того, в параметр надежности входит и устойчивость решений (и деятельности) к воздействию экстремальных условий любого типа. Проведенные нами ранее исследования показали, что именно параметр «надежность» существенно и статистически достоверно связан с мерой общей интегрированности когнитивных и личностных качеств [40]. Он определяется поэтому не их автономностью, а, наоборот, синтезированной, функциональным взаимодействием. Следовательно, от величины когнитивно-личностной интегрированности зависит не качество решений, а их надежность (особенно при воздействии неблагоприятных – субэкстремальных и экстремальных факторов). И наоборот, от степени когнитивно-личностной автономии зависит качество, а не надежность. Поэтому “жесткость” личностного контроля относится, в первую очередь, к сохранению качества решений на том или ином уровне; обеспечение же этого качества – функция не “жесткости” личностного контроля решений, а, наоборот, их “свободы” от него. Кроме того, отметим, что в найденной закономерности проявляется также общая

тенденция обратной связи между качеством и надежностью как двумя основными результативными параметрами. В свете изложенных данных эта закономерность, однако, не только получает свое объяснение, но становятся понятными и те психологические механизмы, которые ее обуславливают.

Наряду с этим, было установлено также, что мера когнитивно-личностной автономии имеет определенную связь с уровнем развития рефлексивности. Оказалось, что при возрастании рефлексивности мера когнитивно-личностной автономии повышается, и наоборот. Данный результат вполне согласуется и с полученными ранее результатами общего плана, вскрывающими бóльшую автономию подсистем личностных и когнитивных качеств у высоко-рефлексивных индивидов [28, 41].

Итак, завершая рассмотрение результатов, полученных при изучении роли рефлексивных процессов и механизмов в обеспечении процессов принятия управленческих решений, следует отметить, что сама логика исследования обусловила необходимость перехода от преимущественно экспериментальных схем к изучению данной проблемы в контексте естественной профессиональной деятельности. Все установленные выше закономерности, раскрывающие некоторые общие особенности рефлексивного обеспечения процессов ПР, одновременно проявляются и в одном из важнейших «естественных» видов ПР – в управленческих решениях. Очень характерно также и еще одно обстоятельство. Все четыре установленные и описанные выше основные закономерности находят свое непосредственное проявление в основных факторах, компонентах, образующих *общую структуру способности* к управленческим решениям [37]. Они, наряду с еще одним фактором – *прогностическим* – образуют эту структуру; подробная характеристика ее дана в [36, 37, 41]. Одной из отличительных и характерных особенностей этой структуры является то, что именно рефлексивный фактор, занимая в ней центральное место, имеет наибольшую взаимосвязь со всеми иными и выступает поэтому как структурообразующий для нее. Это вполне соответствует общему смыслу описанных в данной главе результатов, вскрывающих центральную роль рефлексии в механизмах психической интеграции, рассмотренных на материале исследования процессов принятия решения.

Глава 4. Принятие решения и проблема структурно-функциональной организации психических процессов

4.1. Постановка проблемы исследования

В соответствии с общим замыслом данной книги, в предыдущих главах были рассмотрены две основные стратегические задачи, к постановке которых привела логика развития представлений о процессах ПР на современном этапе и от решения которых во многом зависит дальнейший прогресс этой области знаний.

Во-первых, это задача разработки целостных и обобщающих концептуальных представлений о процессах ПР; иными словами, задача разработки обобщающей психологической теории ПР. Ее решение, как показано выше, возможно лишь на базе синтеза представлений об основных классах процессов ПР (а для этого – построения их психологически обоснованной таксономии), на базе поиска, выявления и интерпретации общих и инвариантных закономерностей, присущих всем этим классам. Одним из достаточно конструктивных путей реализации этого является, на наш взгляд, подход к исследованию процессов ПР с позиций концепции интегральных психических процессов [35, 39, 42]. Он и был реализован в проведенном выше анализе, а само понятие интегральных процессов (и принятия решения как одного из важнейших среди них) создает адекватные и достаточные предпосылки для синтезирования базовых закономерностей процессов ПР всех их основных классов.

Во-вторых, это задача перехода психологии ПР с претеоретического уровня ее развития на собственно теоретический уровень (как своего рода «сверхзадача» развития всего этого направления). Она требует существенной трансформации самого статуса проблемы ПР – ее перевода в разряд общепсихологических проблем. Для этого, в свою очередь, столь же необходима реальная, а не

декларативная ассимиляция данной проблемы общепсихологической проблематикой; синтезирование важнейших результатов, полученных в русле изучения процессов ПР, с основными общепсихологическими результатами, направлениями, концепциями. Наиболее перспективным и конструктивным в этом плане является содержательный и возможно более полный синтез проблемы ПР с когнитивной психологией, которая, повторяем, во многом репрезентирует сегодня общую и экспериментальную психологию в их основных направлениях, результатах, достижениях и проблемах. Естественно, что в каждом отдельно взятом исследовании данная задача должна быть конкретизирована; должны быть определены те или иные пути ее решения, допускающие ее операционализацию и реализацию. В нашем исследовании такая операционализация была осуществлена на основе общепсихологического понятия *рефлексии* (и как психического процесса, и как психического свойства). Дело в том, что именно «через» и «на основе» изучения рефлексивных процессов открывается реальная возможность исследования базовых механизмов организации процессов ПР – механизмов психической *интеграции* (а также сопряженных с ними механизмов *дифференцирующего* типа). Кроме того, включение в концептуальный состав теории решений и в конкретные экспериментальные исследования понятия рефлексии создает основу для изучения процессов ПР в их основной, атрибутивной характеристике – в аспекте свойства *осознаваемости*, произвольности (от которого длительное время психологическая теория решений предпочитала или была вынуждена абстрагироваться по причине чрезвычайной сложности его учета в конкретных и особенно – экспериментальных исследованиях). Наконец, очень важно и то, что понятие рефлексии является одним из самых традиционных, «старых» и психологичных по своей сути, одним из самых интегративных по своему смыслу. Оно поэтому может служить своеобразным «концептуальным мостом» между психологической теорией решений и общепсихологической проблематикой.

Естественно, обе эти, повторяем, стратегические задачи не могут быть решены в рамках какого-либо одного исследования; они составляют именно перспективу, ведущее направление исследований в данной области. Представленные в предыдущих главах материалы как раз и содействуют этому. Вместе с тем, существует

еще один – достаточно «сильный аргумент» в пользу того, что именно они, эти задачи, и именно та их экспликация, которая была реализована выше, действительно являются определяющими для всей теории решений на современном этапе ее развития. Поясним сказанное.

Обращение к категории интегральных процессов как к методологическому и теоретическому средству изучения процессов ПР, по существу, равнозначно определенному переосмыслению и расширению традиционной парадигмы изучения психических процессов в целом, «выходу» за пределы их классической систематики и обращению к более сложным процессуальным образованиям, которые реально представлены в психике. Одновременно с этим введение в концептуальный аппарат и экспериментальные исследования процессов ПР понятия рефлексии, рефлексивных процессов также означает необходимость выхода в «метаплоскость» организации традиционных психических процессов, то есть переход от их преимущественно аналитического рассмотрения к синтетическому, системному рассмотрению (поскольку они, эти «первичные», если использовать терминологию когнитивной психологии, процессы, подвергаются синтезу в интегративном по своей сути феномене рефлексии).

В свете сказанного, трудно не видеть очевидной тенденции развития теоретических представлений о процессах ПР – их «движение» *в том же самом* направлении, которое характерно и для всей когнитивной психологии в целом. Дело в том, что логика развития последней привела в настоящее время к возникновению и бурному развитию чрезвычайно перспективного направления – *метакогнитивизма*. Его суть определяется спецификой основного предмета изучения в нем, которым выступают метакогнитивные психические процессы. Это процессы, имеющие иной, более высокий уровень организации, нежели традиционно выделяющиеся и изучающиеся психические процессы.

Таким образом, можно сделать достаточно важное с методологической точки зрения заключение. Логика развития психологической теории решений, с одной стороны, и когнитивной психологии – с другой, характеризуется не только взаимной направленностью, но и фактически *конвергенцией* на понятии метакогнитивных процессов, а метакогнитивизм в целом может и

должен выступать реальной теоретической базой для разработки когнитивной психологической теории ПР. Более того, очень важно, на наш взгляд, и то, что благодаря этому может быть поставлен и в значительной степени решен вопрос не только о связи процессов ПР с метакогнитивными процессами, но и вопрос о месте процессов ПР в общей структурно-функциональной организации всей системы психических процессов. Руководствуясь сказанным, в данной главе мы рассмотрим две основные проблемы. Первая состоит в том, чтобы выяснить, в какой мере и как конкретно представления, сложившиеся в современном метакогнитивизме, могут содействовать разработке обобщающей психологической концепции ПР. И наоборот, каким образом трактовка ПР как интегрального психического процесса может способствовать решению сформулированных, но остающихся пока без ответа в метакогнитивизме теоретических вопросов. Вторая проблема заключается в определении роли и места процессов ПР в общей структурно-функциональной организации всей системы психических процессов, а для этого – в попытке разработки обобщающих представлений о содержании и основных уровнях организации этой системы.

4.2. Понятия метакогнитивных и интегральных процессов как концепты психологической теории принятия решения

Решение первой из сформулированных выше проблем должно, на наш взгляд, обязательно учитывать тот факт, что метакогнитивизм как таковой во многом логически и исторически связан с развитием когнитивной психологии в целом, являющейся значительно более широким и общим направлением. Поэтому и присущие ей особенности либо непосредственно, либо косвенно обуславливают многие специфические черты современного метакогнитивизма. При этом следует, конечно, учитывать и наиболее общие особенности когнитивной психологии.

Одна из наиболее характерных среди них состоит, как известно, в том, что когнитивная психология в целом явилась определенной и вполне закономерной «реакцией» на концептуальную ограниченность поведенческой психологии, бихевиоральных традиций как таковых [12, 47, 81, 120, 158]. Можно, по-видимому, сказать и

более категорично: становление когнитивной психологии – это во многом «возврат» психологии к своему исходному и «законному» предмету – психике, сопровождающийся «ренессансом» многих проблем и направлений, возникших и получивших развитие в русле изучения познавательных процессов в целом и в русле «функциональной психологии» в особенности. Вместе с тем, «возврат» не тождествен «повторению», поскольку он сопровождался возникновением качественно иных подходов и общеметодологических установок. Среди последних наиболее отчетливо выделяется, как известно, то, что когнитивная психология явилась «реакцией» не только на ограниченность бихевиоральных традиций, но и на аналитичность господствующих в функциональной психологии подходов к исследованию познавательных процессов и «атомистичность» представлений о них [81]. Она выдвинула на первый план задачу изучения *целостных*, синтетических когнитивных структур и систем переработки информации. Тем самым, «новый виток» интенсификации исследования проблемы психических процессов сопровождался достаточно крупными, то есть собственно парадигмальными, трансформациями – сменой когнитивно-аналитической парадигмы на иную – когнитивно-синтетическую.

Наряду с этим, существенно позже в русле когнитивной психологии оформилась и еще одна мощная тенденция ее развития, которая может иметь (а точнее – фактически уже имеет) не меньшие, а быть может, и бóльшие «методологические последствия». Это – зарождение и бурное развитие метакогнитивизма и различных его конкретных направлений (например, метакогнитивного обучения, исследования метакогнитивных процессов и метакогнитивного опыта, анализа проблемы метакогнитивных способностей и др.). Метакогнитивизм сегодня является одним из наиболее перспективных и быстро развивающихся направлений всей когнитивной психологии. Показательно и то, что исследования метакогнитивистской ориентации охватывают большинство традиционных проблем и сфер изучения когнитивной психологии. Метакогнитивизм как научное направление не может быть игнорирован ни одной сколь-нибудь крупной психологической проблемой, а тем более такой важной и комплексной, как проблема принятия решения. И напротив, анализ основных тенденций развития метакогнитивизма, его основных результатов может значимо содействовать

разработке многих психологических проблем и развитию психологии принятия решения в особенности. В силу этого, далее мы предпримем попытку выявить и проинтерпретировать те закономерности и тенденции развития метакогнитивизма (а также результаты, полученные в его русле), которые могут содействовать разработке ведущей проблематики современной психологии принятия решения. Для этого вначале мы рассмотрим некоторые наиболее известные и показательные результаты в данной области, затем попытаемся дать им интерпретацию и сформулировать общие следствия из проведенного анализа – прежде всего, в отношении проблемы принятия решения.

* * *

Первой работой, «открывшей» метакогнитивное направление в зарубежной психологии, стала, как известно, работа Дж. Флейвелла «Метапамять», в которой автор, анализируя развитие познавательных функций, выделяет в структуре мнестических процессов метауровень, содержащий знания индивида о собственной памяти: ее содержании, процессах и стратегиях запоминания. Кроме процессов метапамяти Дж. Флейвеллом были обозначены еще два регулятивных процесса высшего уровня – метапонимание и метакоммуникация [118, 119]. После выхода данной работы стали проводиться экспериментальные исследования метамнестических процессов, результаты которых вывели исследователей на проблему метамышления и сознательной регуляции познавательных процессов в целом [96, 100, 129, 140].

Введя в научный обиход понятие «метакогниция», Дж. Флейвелл дифференцировал в нем знание о познании и регуляцию познания. Знание о познании включает: 1) личностные переменные, или знания об особенностях собственного мышления и мышления других людей; 2) переменные задачи – знание о том, какие виды задач предъявляют те или иные требования к познавательным функциям; 3) переменные стратегии – знание о том, какие когнитивные и метакогнитивные стратегии позволяют наиболее эффективно реализовать ту или иную деятельность. Дополняя эту точку зрения, А. Браун [99] проводит различие между знанием о познании и регуляцией познания. Знание о процессах познания стабильно, формируется на достаточно позднем этапе развития и не

теряется в течение жизни. Регуляция познания нестабильна, ситуативно обусловлена и не зависит от возраста.

Так, в частности, А. Браун и Г. Уэллмен [99, 100, 158], исследуя метамышление, выделяют в качестве основных его функций контроль за процессами мышления, их планирование, регуляцию и согласование. Эти процессы появляются и функционируют в сознательной деятельности в зависимости от трудности задачи и специфики мотивации индивида на ее решение. Позднее Г. Уэллмен разделяет четыре группы явлений, подпадающих под определение «метамышление».

А. Постоянные знания человека о мыслительных задачах, процессах, стратегиях и др., которые Дж. Флейвелл называет метакогнитивными знаниями [118, 119], а Г. Уэллман – теорией человека о душе [158].

Б. Знания о состоянии, содержании, пределах собственного мышления в определенный момент времени, который Флейвелл называет метакогнитивным опытом, а Уэллмен – когнитивным слежением.

В. Регуляцию и контроль за процессами и стратегиями мышления.

Г. Сознательные эмоции, сопровождающие процесс познания.

Таким образом, уже с самых первых шагов развития метакогнитивизма в структуре метапроцессов дифференцируются два их важнейших компонента – собственно когнитивный и регулятивный.

Далее в работах данного направления выявлена и охарактеризована структура метакогнитивного опыта, состоящая из трех уровней (Дж. Флейвелл). Первый уровень составляют метакогнитивные знания человека о себе, о своих жизненных задачах и стратегиях их реализации. Следующий уровень представлен метакогнитивным опытом, выполняющим функции структурирования прошлого опыта и отслеживания событий непосредственной данности. Наконец, на третьем уровне имеет место метакогнитивная регуляция деятельности, основная задача которой – поиск релевантных цели ресурсов.

В работах А. Брауна [99, 100] показано, что включенность процессов метамышления в деятельность, то есть их появление и исчезновение в ней, зависит от двух факторов – фактора трудности

задачи и фактора мотивации субъекта на ее решение. Регулятивные функции метамышления исследовались также М. Лефебр-Пинаром [134], который выделил такие регулятивные функции метамышления, как активный контроль за процессами мышления, их планирование, регуляцию и согласование. У. Шнайдер и М. Прессли (цит. по [121]) разделяют метакогнитивное знание и метакогнитивную регуляцию. Под метакогнитивным знанием понимается знание человека о собственном познании, которое включает в себя осознанные познавательные стратегии, их возможности и ограничения, возможные сочетания в процессе решения задач, а также представления о собственных интеллектуальных возможностях, о том, какие задачи являются более или менее трудными для индивида. Метакогнитивная регуляция предполагает мониторинг и контроль над познавательными процессами в ходе разрешения проблемных ситуаций.

Анализируя формирование метакогнитивной регуляции в онтогенезе, Дж. Меткалф [140] обозначает начальный этап ее развития двухлетним возрастом. В этот период формируется первичное метакогнитивное образование – «чувство знания об объектах реальности». Это слабо дифференцированное представление о доступных и недоступных осознанию элементах опыта. Окончательно метакогнитивные навыки, по мнению автора, формируются после подросткового возраста, который является сензитивным периодом с точки зрения их целенаправленной тренировки. Л. Редер [146] отмечает, что до юношеского возраста взаимосвязи между метамнестическими способностями и эффективностью мнестической деятельности являются более тесными, чем у взрослых, у которых взаимосвязи между метапроцессами и соответствующим им аналитическими познавательными процессами становятся более опосредованными, множественными и образуют единую структуру, на несколько порядков повышающую эффективность как познавательных, так и метакогнитивных функций.

Одним из наиболее актуальных направлений современного метакогнитивизма является проблема *метакогнитивного* обучения. Метакогнитивное обучение рассматривается как «цель образования XXI века», основная задача которого – научить человека управлять своей когнитивной сферой. Оно базируется на приоритете следующих принципов и дидактических установок: свобода и

индивидуальность; экспериментирование; высокий уровень кооперации в отношениях между учащимися; самостоятельность в принятии решений; принятие ответственности за результаты собственного обучения; развитие дивергентных способностей; внутренняя мотивация обучения; самооценивание, планирование собственной деятельности, самоконтроль; восприятие обучения как процесса постановки и решения проблем; стремление к интеграции учебного материала; установка на метапознание как на цель и средство обучения.

Процедурно данные принципы реализуются в создании специальных тренингов развития метакогнитивных стратегий. Например, задачей занятия может быть самонаблюдение над разрешением ситуации, содержащей некоторую степень конфликтности или неопределенности, на основании чего выявляются и операционализируются метакогнитивные стратегии, подлежащие оценке инструктором или учебной группой.

Многие зарубежные авторы подчеркивают возможность целенаправленного формирования *метакогнитивных способностей*. В частности, Б. Кампоне (цит. по [122]) полагает, что при любом типе обучения необходимо формировать у обучающихся метакогнитивные стратегии, позволяющие структурировать и впоследствии обогащать когнитивный опыт. В качестве основных шагов обучения исследователь предлагает: 1) экспликацию стратегии; 2) выяснение условий, в которых она является наиболее эффективной; 3) тренировку способов и вариантов реализации данной стратегии в различных познавательных и проблемных ситуациях.

В свете проблемы общих способностей как метакогнитивных образований заслуживают внимания работы Р. Джермена [128]. В результате серии эмпирических исследований им была установлена высокая степень корреляционной взаимосвязи между развитием метаспособностей и общей интеллектуальной продуктивностью (G-фактором). При этом, как отмечает исследователь, не все взаимосвязи между метаспособностями и отдельными частными интеллектуальными показателями оказались статистически значимыми. Вместе с тем, в случаях интеллектуального снижения при некоторых видах психической патологии практически во всех случаях в той или иной степени нарушаются метапроцессы, причем отдельные интеллектуальные функции могут оставаться сохран-

ными. Таким образом, автор приходит к выводу о том, что метапроцессы являются своеобразным “клеем”, удерживающим психику в целостном организованном состоянии. Действительно, нарушения регуляторики являются наиболее тяжелыми и сложными видами психических расстройств, так как в этом случае утрачиваются возможности произвольной организации и модификаций процессов разного уровня сложности.

Еще одним широко дискутируемым в зарубежной психологии вопросом является вопрос о *составе* метакогнитивных функций. Хронологически более ранней является точка зрения о наличии “своего” метапроцесса, регулирующего каждый из первичных познавательных процессов. Соответственно выделялись процессы метамышления, метапамяти, метаперцепции и др. Однако в настоящее время большинство исследователей указывают на роль метапроцессов в регуляции различных этапов целенаправленной активности, то есть деятельности. Так, Г. Майер и К. Уитрок (цит. по [122]) выделяют следующие виды метапроцессов: осознание требований со стороны задачи, планирование решения, выбор стратегий решения, отслеживание и коррекция его хода. Т. Нельсон и Л. Наренс [143] в качестве метапроцессов рассматривают только мониторинг и контроль за процессами решения задач. Х. Лин (цит. по [142]) рассматривает процессы антиципации как важнейшие в метакогниции.

В отличие от упоминавшихся выше американских исследователей, в европейской когнитивной психологии в последнее время распространение получили исследования кортикальной представленности метапроцессов. Немецкий исследователь К. Фогели (цит. по [142]), рассматривая церебральную представленность саморепрезентации, отмечает, что при актуализации испытуемым метакогнитивных знаний о собственных навыках происходит активация области передней поясной извилины, а при обращении к когнитивным компонентам Я-образа активизируется темпоропариетальная зона коры правого полушария. Таким образом, автор делает вывод о том, что Я-концепция и метапроцессы, регулирующие познавательную активность субъекта, представляют собой на нейронном уровне две различные системы, причем различия наблюдаются по фактору латерализации. Английские исследователи М. Ваврик и П. Уолтон (цит. по [142]) относят ори-

ентированность в собственном познании к функциям коры лобных долей, а функции “саморефлексии тела” – к париетальной коре. Приведенные данные соотносятся с исследованиями отечественных нейропсихологов, выделивших кору лобных долей и зону топику-пространственной ориентации (ТПО) как высшие интегративные зоны головного мозга, формирующиеся полностью к подростковому возрасту и отвечающие за высшие формы регуляции деятельности и поведения.

Особым и достаточно развитым направлением в русле метакогнитивизма является изучение *рефлексивных процессов*, а также сопряженных с этим проблем (более подробно анализ данного вопроса проведен нами в [27, 44]). Причем в настоящее время в метакогнитивной психологии рефлексивность рассматривается не только как когнитивно-стилевая характеристика (что было характерно для более ранних этапов развития когнитивной психологии). Она трактуется как базовый регулятивный компонент метакогниции. Согласно определению У. Брюера (цит. по [27]), рефлексивность есть способность к мышлению о мышлении, к мониторингу и контролю умственных действий. Автор выделяет следующие рефлексивные операции: предвидение вариантов исхода проблемной ситуации, перепроверка хода решения задачи, генерализация полученных решений на более широкий спектр проблемных ситуаций. И. Каралиотас (цит. по [142]) выделяет три типа детерминант в рамках активности субъекта, «запускающих» рефлексивные процессы: неопределенность, препятствие и неожиданное для индивида развитие ситуации.

Анализируя уровни организации рефлексивных процессов в структуре психики, канадский исследователь М. Феррари (цит. по [142]) предлагает следующую иерархию психических процессов: 1) *аналитический* уровень первичных познавательных процессов, частично доступный контролю со стороны сознания; 2) *рефлексивный* уровень, который составляют процессы сознательного контроля когниции; 3) уровень *метасознания*, отвечающий за сознательное построение жизненного пути индивида. К процессам этого уровня автор также относит рефлексии второго и более высоких порядков.

Во взглядах на формирование рефлексивных процессов в американской психологии также существуют два основных направле-

ния: рассматривающее развитие рефлексии в структуре самооценки и как автономного образования в структуре личности. Д. Шенк (цит. по [121]) считает, что о сформированности рефлексивных процессов может идти речь тогда, когда в структуре самосознания сложились такие функции, как самооценивание, самоатрибуция и самоадаптация.

Указывая на относительную автономность рефлексивных процессов в структуре психики, Х. Лин [142] формулирует следующие стратегии их целенаправленного формирования у подростков и взрослых: экспликация стратегий решения мыслительных задач, направление внимания на отслеживание мыслительных операций, обучение «рефлексивной интроспекции», создание коммуникативных ситуаций, в рамках которых должны задействоваться рефлексивные процессы, подражание модели.

И. Каралиотас (цит. по [142]), различая рефлексиию *над* действием (ретрофлексию) и рефлексиию *в* действии, подчеркивает особую роль рефлексии в структуре действия: «Именно включение рефлексивных функций в действие ставит индивида в позицию исследователя по отношению к собственной деятельности». По мнению автора, формирование у индивида открытой познавательной позиции по отношению к реальности во многом тождественно развитию его рефлексивных процессов.

Еще одним важным понятием в метакогнитивизме выступает понятие метакогнитивных *стратегий*. Метакогнитивные стратегии представляют собой специфическую последовательность действий, направленных на планирование и контроль когнитивных процессов, а также соотнесение их результатов с целями деятельности. Метакогнитивные стратегии отличаются от когнитивных не столько содержательно, сколько по функциям, которые они выполняют. Так, например, когнитивные стратегии используются для достижения определенной цели, а метакогнитивные – для проверки, насколько была достигнута цель. Как правило, метакогнитивная активность предваряет и завершает когнитивную. И только в случаях затруднений при реализации когнитивной активности метакогнитивные стратегии включаются в деятельность.

Э. Блэки и С. Спенс (цит. по [121]) вводят понятие «метаархитектоники сознания», состоящей из структуры метапроцессов, задача которых – управление простыми и сложносостав-

ными процессами переработки информации. В качестве операциональных механизмов управления выступают метакогнитивные стратегии. Среди основных стратегий авторы выделяют: соотнесение поступающей информации с уже известной; выбор адекватных задаче мыслительных стратегий; планирование, мониторинг и оценка познавательных процессов. Авторы допускают и возможность целенаправленного формирования метакогнитивных стратегий через их феноменологическое описание и последующую технологизацию. Таким образом, могут быть сформированы не сами метакогнитивные способности, а способы «метакогнитивного поведения» и через него – метакогнитивные навыки.

Итак, проведенный анализ ряда основных направлений исследований метакогнитивных процессов в зарубежной психологии позволяет заключить, что на современном этапе метакогнитивизм представляет собой самостоятельное исследовательское движение, в рамках которого изучаются все психические процессы, имеющие отношение к мониторингу и контролю познавательных психических функций. При этом метапроцессы изучаются не только и не столько в структуре систем переработки информации, как в ранней когнитивистской традиции, сколько в структуре коммуникации, индивидуального и группового решения задач, а также в контексте проблемы адаптации. Многочисленность и «популярность» исследований метапроцессов в настоящее время обусловлена также и запросами на их результаты со стороны таких прикладных психологических дисциплин, как педагогическая, возрастная психология, нейропсихология, юридическая психология.

Среди отечественных работ, в которых продуктивно разрабатывается проблематика, связанная с изучением метакогнитивных процессов и механизмов, необходимо отметить исследования М.А. Холодной и предложенную ею «феноменологическую» концепцию интеллекта как формы организации ментального опыта [87]. Ментальный опыт, согласно М.А. Холодной, представлен в трех основных формах: ментальных структурах, ментальном пространстве и ментальной репрезентации. В свою очередь, в ментальных структурах можно выделить три уровня опыта, каждый из которых выполняет свои функции: когнитивный опыт – это ментальные структуры, основное назначение которых – оперативная переработка текущей информации об актуальном воздействии на

разных уровнях познавательного отражения; метакогнитивный опыт включает в себя ментальные структуры, позволяющие осуществить произвольную регуляцию процессов переработки информации и произвольную, сознательную организацию собственной интеллектуальной активности; интенциональный опыт включает ментальные структуры, предопределяющие субъективные критерии выбора относительно определенной предметной области, направления поиска решения, определенных источников информации, субъективных средств ее представления и т.д.

Рефлексивные процессы входят в состав метакогнитивного опыта и определяются как "произвольный интеллектуальный контроль", базовыми для существования которого выступают следующие способности: способность планировать; способность предвосхищать последствия принимаемых решений; способность оценивать этапы собственной интеллектуальной деятельности; способность прекращать или притормаживать интеллектуальную деятельность на любом этапе ее выполнения; способность выбирать и модифицировать стратегию собственного обучения.

* * *

Таким образом, представленные выше материалы достаточно убедительно свидетельствуют о том, что в настоящее время целесообразно дифференцировать две основные тенденции развития когнитивной психологии в целом.

С одной стороны, это исходно присущая уже самым первым когнитивистским исследованиям установка на приоритетное изучение *синтетических*, целостных структур, механизмов и процессов переработки информации; своего рода – трансформация доминировавшей длительное время когнитивно-*аналитической* парадигмы в области изучения познавательных процессов в когнитивно-*синтетическую* парадигму.

С другой стороны, сама логика развертывания и углубления изучения когнитивных процессов в их высших и наиболее сложных, то есть синтетических и целостных, проявлениях привела к необходимости изучения таких их видов и форм, которые достаточно существенно – качественно отличаются от традиционных объектов изучения в когнитивной психологии. Возникла необходимость дифференциации и последующего изучения таких про-

цессов, которые обеспечивают не «познание как таковое», не непосредственную реализацию познавательных функций, а *регуляцию* и организацию познания и для этого – «познание (точнее самопознание) процесса индивидуального познания».

Следовательно, все эти процессы, являясь именно познавательными, то есть когнитивными по своему статусу, направленности и механизмам, одновременно очень специфичны по своему *предмету*: им являются также психические процессы, причем опять-таки познавательные, когнитивные. В результате складывается ситуация, при которой процессы, обозначаемые понятием метакогнитивных процессов, *атрибутивно двойственны* по своей психологической природе, а также по своему статусу; они одновременно являются и когнитивными (по механизмам, содержанию, закономерностям, «носителю») и регулятивными (по тем функциям, которые являются для них главными). Происходит своего рода «удвоение качественной определенности», когда один и тот же процесс (то есть любой из процессов, принадлежащих к категории метакогнитивных процессов) является одновременно и когнитивным, и регулятивным. Уже в самой этимологии понятия «*метакогнитивный*» содержится момент выхода за пределы когнитивной подсистемы психики; момент перехода в иную качественную определенность – регулятивную. Поэтому метакогнитивные процессы – это не только и не столько «сверх» – когнитивные процессы, сколько «пост» – когнитивные, то есть регулятивные.

В связи со всеми рассмотренными особенностями следует, на наш взгляд, констатировать и постепенную эволюцию *когнитивно-синтетической* парадигмы в *регулятивно-синтетическую*; точнее, их взаимодополнение. Познание, когниция, взятые в их высших проявлениях и формах, не могут разворачиваться и быть эффективными без и «вне» участия в их организации собственно регулятивных процессов. Не включая их достаточно долго в сферу своего изучения, а, напротив, намеренно дистанцируясь от них в начале своего развития, когнитивная психология тем не менее вынуждена сегодня включить их в свой состав, обозначив их понятием метакогнитивных процессов. Если «ранняя» когнитивная психология возникла и развивалась в значительной мере как реакция на доминирование бихевиоральных традиций и атомистичность «функциональной психологии», то «зрелая» когнитивная психология,

обратившись к понятию метакогниции, явилась «реакцией на исходную узость и ограниченность самой себя, присущую ей на ранних этапах развития. Метакогнитивизм как одно из наиболее мощных, перспективных и показательных течений в когнитивной психологии самим своим фактом (а также причинами его возникновения) убедительно свидетельствует о том, что ее будущее – в трансформации, точнее, в ее дополнении и конвергенции с регулятивной психологией.

Вместе с тем, следует, конечно, отдавать полный отчет в том, что метакогнитивизм, являясь, действительно, одним из крупных теоретических «прорывов», не только по-новому *решает* те или иные общие психологические проблемы. Он одновременно *ставит* множество других – еще более общих и сложных задач. Более того, он, строго говоря, находится еще на относительно ранних стадиях своего развития, а трудности изучения метакогниции велики, принципиальны и множественны. Все они в конечном счете связаны, на наш взгляд, с двумя основными причинами. Во-первых, «в лице» метакогнитивных процессов когнитивная психология (и психология в целом) сталкивается, по существу, с *новой психической реальностью*, суть которой состоит в том, что эти процессы являются психическими не только по механизмам своего осуществления, но также и по самому своему «предмету», объекту репрезентации и регуляции. Во-вторых, сам по себе вопрос о существовании метакогнитивных процессов как таковых автоматически (то есть по определению) ставит еще более острую проблему – *проблему достаточности* сложившихся традиционных представлений о составе тех психических процессов, которые действительно, реально существуют и должны выступать предметом изучения в психологии.

В самом деле, анализ основных результатов, полученных в русле метакогнитивизма (в том числе и рассмотренных выше), позволяет зафиксировать следующие принципиальные трудности и вопросы, которые оформились в нем к настоящему времени и которые остаются пока не преодоленными. Каков *состав* (то есть своего рода «номенклатура») метакогнитивных процессов? Каковы *критерии* для дифференциации метакогнитивных процессов от иных психических процессов и где «пролегает граница» между первыми и вторыми? Как могут и должны быть систематизирова-

ны метакогнитивные процессы, то есть какова их обоснованная собственно психологическая *классификация*? На какие категории и классы они дифференцируются? Каковы *отношения* метакогнитивных процессов с традиционными – основными классами психических процессов (когнитивных, эмоциональных, волевых, мотивационных)? Каков психологический *статус* метакогнитивных процессов и механизмов их реализации? Являются ли они качественно своеобразными и специфическими – *несводимыми* к аддитивной совокупности всех иных – «первичных» психических процессов? Как они «встроены» в общую аналитическую картину психических процессов, в их общую структурно-функциональную организацию? Каковы принципы и возможная *структурная организация* самих метакогнитивных процессов?

Очевидно, что без решения указанных вопросов затруднительно или даже невозможно дальнейшее продуктивное развитие не только метакогнитивизма как такового, но и когнитивной психологии в целом, поскольку первый сегодня во многом репрезентирует вторую. Данное обстоятельство все отчетливее осознается исследователями, что стимулирует попытки решения сформулированных выше вопросов. Вместе с тем, ни один из них не раскрыт пока в достаточной степени, что требует новых усилий в данной области и привлечения дополнительных результатов к их решению.

Определенную роль в решении сформулированных вопросов может сыграть, на наш взгляд, концепция интегральных процессов психической регуляции деятельности и поведения, основные положения которой были рассмотрены выше (см. также [35, 37, 39, 42]). И хотя по своим исходным положениям, а также по общей направленности и задачам данная концепция во многом отличается от исследований, выполненных в русле метакогнитивизма, по результатам и выводам она в итоге вплотную подходит к решению тех вопросов, которые сформулированы сегодня в нем как наиболее актуальные. Данная концепция явилась результатом разработки общих прикладных вопросов психологической теории деятельности, осуществляемой в основном на базе психологического анализа различных видов и типов профессиональной деятельности, реализуемых в естественных, то есть «экологически валидных» условиях.

Одной из отличительных особенностей всех этих разработок явилось то, что все они осуществлялись в соответствии с принципиально иной по сравнению с традиционно принятой парадигмой. Как известно, в качестве последней выступает подход, связанный с выделением и последующим изучением ее основных психологических «составляющих» (компонентов). Этот подход получил наиболее завершенное выражение в разработанных в 1970 – 80-е годы структурно-функциональных представлениях, моделях деятельности [8, 25, 58, 58, 70, 88]. Они характеризуются достаточно выраженной общностью состава – *морфологии* выделяемых компонентов деятельности, а также функциональных связей между ними. Такой подход вполне объясним с точки зрения логики развития науки, поскольку за ним стоит стремление понять вначале, «из чего состоит» предмет изучения (деятельность), расчленив его на составляющие и проанализировать.

Вместе с тем, в рамках данного подхода постепенно сложились предпосылки для его дополнения другими аспектами изучения деятельности. И прежде всего, возникает необходимость раскрытия того, как конкретно, в форме *каких функций и процессов* реализуются, «работают» выявленные ранее «составляющие» деятельности. Другими словами, возникает необходимость дополнения *структурно-морфологического* исследования иным – *процессуально-динамическим* изучением. Последнее связано с выяснением вопроса уже не о том, «из чего состоит» деятельность, а о том, «как она функционирует»; более конкретно – какие *процессы* лежат в основе организации и динамики деятельности как целостной системы.

В качестве «основных составляющих» деятельности в структурно-морфологической парадигме рассматриваются, как отмечалось в 3-й главе, цели деятельности, представления о совокупности ее результатов, информационная основа, программирование действий и деятельности, отражение ее нормативных условий, принятие решения, индивидуальные качества субъекта, коррекция, сличение, контроль, самоконтроль, исполнительские компоненты и ряд других. Такая общность закономерна. В ней отражен наиболее общий результат; для реализации деятельности объективно необходим определенный и достаточно инвариантный набор некоторых основных *деятельностных функций* – функций формирования

цели и ее дифференциации на подцели; функции редукции неопределенности и выработки решения; функции построения плана и программы; функции контроля и самоконтроля и т.д. Все эти базовые деятельностные функции, составляя в совокупности «каркас» психологической регуляции деятельности, достаточно инвариантны как по составу, так и по отношению к различиям в предметном содержании деятельности, ее типам, видам, условиям реализации. В то же время все эти деятельностные функции объективно предполагают необходимость своего собственно процессуального обеспечения. Итак, само установление этих функций ставит закономерный вопрос – вопрос об определенной группе специфических процессов, столь же инвариантной, как и сама совокупность базовых регулятивных, деятельностных функций. И такие процессы, хотя уже достаточно давно известны сами по себе, не рассматриваются как качественно специфический класс процессов. Речь идет о процессах целеобразования, антиципации, принятия решения, прогнозирования, планирования, программирования, контроля, самоконтроля и др.

Можно видеть, что даже этимологически, не говоря о содержательной стороне, те комплексные процессы, которые объективно существуют, но «не укладываются» в традиционную систематику естественным образом, достаточно полно и однозначно соответствуют основным функциональным составляющим системы деятельности. Следовательно, появляются основания для понимания этих процессов в качестве именно тех динамических, процессуальных средств, которые обеспечивают собой функционирование основных «составляющих» системы деятельности. Совокупность этих «составляющих» является, как показано выше, устойчивой, инвариантной и, следовательно, объединяет указанные процессы в столь же инвариантный класс процессов – более комплексных, синтетических по составу, нежели традиционно выделяемые.

В структуре этих комплексных и интегративных процессов, каковыми являются процессы целеобразования, антиципации, принятия решения, прогнозирования, планирования, программирования, контроля, самоконтроля, осуществляется синтез всех иных психических процессов (когнитивных, эмоциональных, мотивационных, волевых) при реализации последними своих регуля-

тивных функций. В деятельности основные психические процессы соорганизуются в такие интегративные процессуальные образования, каждое из которых направлено на обеспечение той или иной базовой регулятивной функции. Эти образования хотя и реализуются на основе всех известных психических процессов, но несводимы к их совокупности. Дело в том, что интеграция последних (как и любая иная интеграция) объективно приводит к формированию новых – системных по своей природе качеств. Эти новые качества не позволяют редуцировать содержание интегративных образований к совокупности включенных в них основных психических процессов.

Таким образом, можно заключить, что сама психологическая структура деятельности (структура ее базовых регулятивных функций) объективно выступает как основа для объединения указанных комплексных процессов в качественно специфический класс процессов – синтетических и интегративных по строению и регулятивных по функциональной направленности. Эти комплексные процессы организации и регуляции деятельности обеспечивают ее психологический синтез, являются процессуальным, динамическим аспектом психологической системы деятельности.

Таким образом, анализ процессуальной регуляции деятельности приводит к необходимости дифференциации двух форм, двух классов организации процессов психики. Во-первых, основных, традиционно изучающихся (когнитивных, эмоциональных, волевых, мотивационных) – как своего рода процессов «первого порядка». Во-вторых, синтетических, регулятивных процессов – процессов «второго порядка». Их целесообразно обозначить как интегральные процессы регуляции деятельности и поведения. Они выступают необходимым промежуточным звеном, этапом и уровнем интеграции между основными психическими процессами и целостной регуляцией деятельности и поведения²⁸.

Двумя важнейшими особенностями данного класса процессов является то, что они, во-первых, выступают *интегративными* по своим психологическим механизмам и, во-вторых, *регулятивными* по их статусу, направленности, исходным детерминантам включе-

²⁸ Дополнительная аргументация данного вывода представлена в 3-й главе, а также в [37, 39, 42].

ния в деятельностную и поведенческую активность. Очевидна, таким образом, связь этих ключевых особенностей интегральных процессов с атрибутивными характеристиками метакогнитивных процессов – как и синтетических (интегративных), и регулятивных (направленных на координацию познавательных функций). Вместе с тем, поскольку исследования интегральных процессов проведены в контексте реальной деятельности (то есть во вполне определенной – онтологически представленной метасистеме), они могут способствовать получению дополнительных данных о механизмах психической интеграции в целом и о сути метакогнитивных процессов в частности.

Действительно, с этих позиций становится очевидным, что деятельность как целостная система, имеющая свою собственную логику и структуру, объективно невозможна без специальных процессов, направленных на ее организацию и регуляцию – без интегральных процессов. С той же объективной необходимостью, с какой в онтогенезе формируется сама деятельность (вначале, разумеется, в ее элементарной, "практической" – внешней форме), формируется поэтому и система указанных интегральных процессов. Более того, само формирование и последующее усложнение деятельности с содержательно-психологической стороны – это и есть становление и развитие процессов ее регуляции – интегральных процессов. В их системе воспроизводятся все основные особенности строения и содержания самой деятельности.

Однако (и это еще одна из основных особенностей интегральных процессов) они по своим механизмам и содержанию, по своей онтологии представляют собой закономерный синтез всех иных – традиционно выделяемых основных психических процессов (в терминологии метакогнитивизма – «первичных процессов»). Следовательно, получая организацию в структуре каждого из интегральных процессов, а также в их общей системе, вся совокупность основных психических процессов также начинает строиться «по образу и подобию» деятельности, повторяет ее архитектонику и принципы организации. В силу этого вся система психических процессов приобретает деятельностную форму организации; сама начинает строиться и развиваться именно как деятельность. Однако это уже не «внешняя», а внутренняя деятельность (или, в более традиционной терминологии, – «внутренний план деятельности»). Поэтому, как мы отмечали ранее,

система интегральных процессов – это тот «ключ», то недостающее звено, которое необходимо для объяснения феноменов и механизмов порождения внутренней, собственно психической деятельности на основе деятельности внешней [42]. Психическое «рождается» из деятельности, активности субъекта не на основе абстрактного и не вполне определенного механизма интериоризации, а опосредствуясь возникновением, развитием и совершенствованием системы интегральных процессов. Будучи первоначально организовано в соответствии с «логикой отражения», психическое начинает поэтому постепенно воспроизводить в себе «логику деятельности» и вообще строиться по ней. Оно тем самым существенно расширяет свои потенциальные и операциональные возможности, развивается как внутренняя деятельность, приобретает в этой форме самодвижение и саморазвитие. Поэтому и само понятие внутренней деятельности приобретает в данной форме уже не только метафорический и переносный смысл, но и прямое, непосредственное значение. Самое ее процессуально-психологическое содержание, психическое как процесс транспонирует на себя архитектонику деятельности, строение деятельности и развивается как деятельность, хотя уже в ином – идеальном плане.

Вместе с тем, по отношению к этой внутренней, идеальной деятельности (как и по отношению к внешне-преобразующей деятельности) с такой же объективной необходимостью требуются средства ее организации и регуляции. Поскольку, однако, внутренняя деятельность в своих принципиальных чертах изоморфна внешней, то в качестве этих средств могут и должны использоваться средства, первоначально сложившиеся для реализации внешней деятельности. Это не что иное, как опять-таки система интегральных процессов. Класс интегральных процессов начинает «обслуживать» саму внутреннюю деятельность, транспонируется на нее. Тот регулятивный инвариант, который зафиксирован в содержании класса интегральных процессов и который первоначально обслуживает внешнюю деятельность, начинает при этом регулировать собственно внутреннюю деятельность. Тем самым этот регулятивный инвариант становится *саморегулятивным инвариантом*. Данное понятие уже рассматривалось в 3-й главе, оно фиксирует систему процессов, необходимых и достаточных для порождения, организации и регуляции некоторого целостного поведенческого (деятельностного) акта и составляющих замкнутое

«регулятивное кольцо». Регулятивный инвариант включает те процессы, которые входят в класс интегральных, но с двумя дополнениями. Во-первых, он придает им хронологическую упорядоченность, о чем уже было сказано в 3-й главе. При этом в своей временной развертке регулятивный инвариант выглядит следующим образом: целеобразование → антиципирование будущих результатов → принятие решения о способах, средствах, направленности и т.д. деятельности → прогнозирование возможных изменений условий деятельности, своих действий, их результатов и пр. → планирование деятельности (включающее ряд возможных сценариев, вариантов ее развертывания) → программирование деятельности (предполагающее уже выбор какого-либо одного варианта действий, его временную организацию) → собственно исполнение → контроль (текущий и заключительный) исполнения → самоконтроль (также текущий и результативный) → коррекция посредством сличения реально полученных результатов с идеальной целью и антиципированными результатами. Во-вторых, регулятивный инвариант имеет замкнутый, «кольцеобразный» характер: результаты контроля соотносятся с исходными представлениями о целях деятельности (как аспектом процесса целеобразования) посредством обратной связи, в итоге чего может иметь место коррекция двух типов – либо компенсирующего, либо трансформирующего.

Далее, при этом имеет место довольно своеобразный феномен «деятельностного рефлексирования». Он состоит в том, что по отношению к внутренней, собственно психической деятельности в качестве ее основных регуляторов начинают использоваться операционные средства, которые первоначально сложились опять-таки в деятельности и имеют поэтому аналогичную ей - деятельностную природу. Это система интегральных процессов регуляции. Тем самым архитектоника, структура и принципы деятельности «оборачиваются» на самое себя, возникает феномен (и механизм) деятельностного рефлексирования. Данный феномен является поэтому реальной основой для рефлексивной регуляции деятельности, а также и для рефлексии как процесса в целом. Наиболее отчетливо это проявляется в максимально сложных формах внутренней деятельности: например, в интеллектуальной деятельности, в интеллекте как таковом. По отношению к нему, точнее, к его динамическому аспекту система интегральных процессов (целеобразование, антиципация, принятие решения, прогнозирование, планирование, программирование, контроль,

самоконтроль) выступает в качестве когнитивных и регулятивных метаопераций, метасредств, как система метакогнитивной регуляции. Она координирует и организует работу всех иных интеллектуальных функций и механизмов. Наши исследования показывают, что мера развития у субъекта системы интегральных процессов значимо коррелирует с общим интеллектом [27]. Следовательно, в основе метакогнитивной регуляции интеллекта, составляющей один из высших его уровней, также лежит система специфически регулятивных – интегральных процессов.

Таким образом, в итоге проведенного анализа можно сделать заключение о том, что основные положения концепции интегральных процессов, а также следствия из нее реально содействуют решению именно тех – ключевых и наиболее острых, но не решенных до сих пор вопросов, к которым привело развитие метакогнитивизма в настоящее время. Фактически любая из основных психологических особенностей интегральных процессов служит своеобразным «ключом» для решения этих вопросов. Поясним сказанное.

Во-первых, уже наиболее общая особенность класса интегральных процессов – *единство объективного критерия* их выделения – дифференциации от всех иных классов процессов психики позволяет определить границы самого *класса метакогнитивных процессов* как таковых. Этим критерием является соответствие каждого из интегральных процессов той или иной – вполне определенной и базовой, комплексной регулятивной функции по организации деятельности, поведения. Интегральные процессы столь же объективны и столь же специфичны, сколь объективны и специфичны сами основные регулятивные функции.

Следовательно (и это во-вторых), вполне естественным образом решается и вопрос о *составе* («номенклатуре») метакогнитивных процессов, поскольку сам общий критерий их дифференциации дает необходимые и достаточные основания для определения границ этого состава.

В-третьих, установление специфичности общепсихологического статуса интегральных процессов, выступающих процессами «второго порядка» сложности по отношению к традиционно выделяемым классам психических процессов («первичным процессам» в терминологии метакогнитивизма), позволяет предложить и ре-

шение вопроса о *соотношении* интегральных (и метакогнитивных) процессов с иными процессами психики. Кроме того, интегративные механизмы и принципы, закономерности и феномены, имеющие место при включении «первичных» процессов во «вторичные» (метакогнитивные) и раскрытые в концепции интегральных процессов, содействуют и решению вопроса о межуровневых взаимодействиях психических процессов в их общей структурно-функциональной организации. Аналогичным образом в разработанных представлениях об интегральных процессах содержится, как известно, и решение вопроса о принципах их собственной организации, главным среди которых выступает гетерархический принцип [39, 42]. Он, соответственно, должен быть транспонирован на реализацию метакогнитивных процессов и функций.

Делая эти заключения, мы, вместе с тем, хотели бы со всей определенностью подчеркнуть следующее обстоятельство. Представления о метакогнитивных процессах, само направление метакогнитивизма в целом, с одной стороны, и концепция интегральных процессов – с другой, имеют существенно разные «гносеологические истоки», разную исходную методологию и различные исследовательские цели, а также несходный во многом понятийный аппарат. Поэтому очень трудно или даже невозможно ожидать полного совпадения тех результатов, к которым они приводят. Мы имеем в виду при этом, в первую очередь, вопрос о соотношении *объемов понятий* метакогнитивных и интегральных процессов. Эти понятия и та психическая реальность, которая в них отражена, скорее всего, не вполне тождественны; они, однако, характеризуются очень существенной «зоной перекрытия» их содержания и особенностей указанных классов процессов. Мы считаем, что понятие интегральных процессов уже по объему, чем понятие метакогнитивных процессов, но одновременно оно обладает более высоким уровнем обобщенности.

Действительно, с одной стороны, конкретный состав метакогнитивных процессов, несомненно, не сводится к тем процессам, которые составляют содержание системы интегральных процессов; он может варьировать в зависимости от изменения внешних задач, от специфики условий реализации познавательных функций и др. Кроме того, каждый метакогнитивный процесс может быть представлен на разном уровне организации, с разной степенью си-

туативной конкретизации, что в итоге будет давать разные формы самих метакогнитивных процессов, их разные виды.

Однако, с другой стороны, в понятии интегральных процессов как особого, специфического класса, а также в представлениях об инвариантности состава данного класса зафиксировано положение о существовании определенного регулятивного инварианта, необходимого и достаточного для реализации координационно-регулятивных функций организации деятельности и поведения в целом (а также их более локальных фрагментов в частности). Данный инвариант процессов (то есть, по существу, сам класс интегральных процессов) в значительной мере «безразличен» к содержанию той регулятивной базы, на которую он «накладывается» и которую он координирует, организует. Тем самым интегральные процессы должны быть поняты как объективная основа и как своего рода «стержень», «ядро» всей совокупности метакогнитивных процессов.

В более общем плане в вопросе о соотношении понятий метакогнитивных и интегральных процессов проявляется логика и «встречная направленность» развития представлений в области психических (особенно – когнитивных) *процессов* и по проблеме психологии *деятельности*. Исследования в области когнитивной психологии в их современном воплощении (то есть в виде течения метакогнитивизма) привели к оформлению представлений о метакогнитивных процессах как таковых. Это потребовало, однако, достаточно радикальных – собственно парадигмальных трансформаций – перехода от когнитивно-аналитической парадигмы исследования к регулятивно-синтетической.

Аналогичные, то есть также парадигмальные, преобразования произошли, однако, и в психологии деятельности: это – переход от доминировавшей длительное время структурно-морфологической парадигмы психологического анализа деятельности к процессуально-динамической парадигме. В рамках последней оказалось возможным дифференцировать класс интегральных процессов как таковой. В связи с этим можно заключить, что понятие интегральных процессов является одновременно и своеобразным «концептуальным мостом», позволяющим синтезировать два очень крупных, но существенно разных по исследовательским установкам и традициям направления – когнитивную психологию в целом (и мета-

когнитивизм в особенности), с одной стороны, и психологическую теорию деятельности – с другой.

Взаимная конвергенция путей развития когнитивной психологии и психологической теории деятельности, обнаруживаемая сквозь «призму» понятия интегральных процессов, проявляется, однако, не только «в целом», но и во множестве иных – более частных, но также очень важных вопросах, проблемах, направлениях. И прежде всего, это, разумеется, проблема принятия решения, современная теория решений в целом. Процессы принятия решения по самой своей психологической природе являются, как было показано выше, одновременно и специфически метакогнитивными (в их отношении к регуляции и координации познавательных функций и структур), и атрибутивно регулятивными, то есть интегральными (в их отношении к организации и реализации деятельности, поведения). Взятые в первом из указанных планов, они могут и должны быть раскрыты с опорой на те представления, которые сложились сегодня в метакогнитивизме, в когнитивной психологии в целом. Но, взятые во втором из отмеченных планов, они требуют опоры на концептуальный потенциал психологической теории деятельности. Оба этих исследовательских плана органично и естественно совмещаются – конвергируют в понятие интегральных процессов психической регуляции деятельности и поведения, что и создает адекватную и достаточно конструктивную базу для разработки проблемы принятия решения, для развития психологии решений. Отсюда следует также, что психологическая теория принятия решения как регулятивного процесса с необходимостью должна раскрывать его как интегральный, а значит, и как метакогнитивный процесс. Но это означает, что психологическая теория принятия решения, особенно обобщающая, с необходимостью должна выступать и как когнитивная, точнее, метакогнитивная.

4.3. Принятие решения и проблема структурно-функциональной организации психических процессов

Введение в концептуальный аппарат психологии понятий метакогнитивных и интегральных процессов, а также установление закономерностей организации одного из важнейших среди них – процесса ПР – не только позволяет, но и требует обращения к еще одной, быть может, наиболее значимой и перспективной теоретической проблеме. Каким образом включаются метакогнитивные процессы в общую систему психических процессов в целом; каковы их роль, место и функции в ней? При последовательном анализе данной проблемы она трансформируется в еще более общую проблему *структурно-функциональной организации психических процессов в целом*, а также в проблему *достаточности современных представлений о содержании и составе («номенклатуре») психических процессов для адекватного и полного раскрытия их реальной совокупности*. Одним из значимых аспектов этой общей проблемы является вопрос о месте и роли процессов ПР в общей структурно-функциональной организации всей системы психических процессов. Ниже мы предпримем попытку дать ответ на сформулированные вопросы и показать, как конкретно представления об интегральных процессах могут способствовать разработке этих – значимых проблем.

Как мы уже отмечали выше, одной из характерных особенностей всей системы интегральных процессов является то, что, формируясь первично для целей регуляции и организации «внешней» деятельности, они затем, на более поздних онтогенетических стадиях развития, транспонируются и на собственно «внутреннюю» (психическую) деятельность. Тот регулятивный инвариант, который зафиксирован в содержании класса интегральных процессов и который первоначально обслуживает внешнюю деятельность, начинает при этом регулировать собственно внутреннюю деятельность. Тем самым этот регулятивный инвариант становится саморегулятивным инвариантом. При этом имеет место феномен «деятельностного рефлексирования», состоящий в том, что по от-

ношению к внутренней, собственно психической деятельности в качестве ее основных регуляторов начинают использоваться операционные средства, которые первоначально сложились опять-таки в деятельности и имеют поэтому аналогичную ей – деятельностную природу (это система интегральных процессов регуляции).

На основе этого оказывается возможным уточнить и детализировать представления о *структуре* самой *рефлексивной регуляции*, о строении рефлексии как специфического психического *процесса*. Вскрывая изначально деятельностную, регулятивную природу данного процесса, сформулированный подход показывает, что в состав рефлексии по необходимости входит комплекс всех основных интегральных процессов. Они включаются, однако, в состав рефлексии не только в плане их направленности на решение непосредственно регулятивных задач, но и в плане направленности на решение задач саморегуляции, то есть по отношению к организации внутренней деятельности. Следовательно, сама рефлексия как процесс *синтезирует* всю систему интегральных процессов и в значительной степени состоит в таком синтезе. Те свойства, которые обычно выделяются посредством анализа в процессе осознанной регуляции (вообще – в сознании как феномене), являются свойствами каждого из интегральных процессов в отдельности и их совокупности в целом: целенаправленность, возможность идеального предвосхищения результатов поведения (антиципирование), свобода выбора (принятия решения), упорядоченность и осмысленность поведения (его планируемость и прогнозируемость), атрибут “отчета в своих действиях” (контролируемость и самоконтролируемость) и т.д. Наличие у процессов, включенных в рефлекссию, всех этих свойств обуславливает феноменологию сознания как такового, лежит в основе рефлексии не только как процесса, но и рефлексии как состояния.

Следовательно, рефлексия в своем процессуальном статусе раскрывается как процесс еще более высокого уровня обобщенности, нежели рассмотренные выше интегральные процессы. Она включает их в себя в качестве своих операционных компонентов и базируется на их синтезе. Тем самым, рефлексию можно и нужно рассматривать, на наш взгляд, как процесс уже не «второго поряд-

ка» сложности (как интегральные процессы), а «третьего порядка сложности».

С этих позиций общая картина психических процессов обретает достаточно стройный вид, включающий три основных уровня интеграции – *микро-, мезо- и макроуровень*. Первый образован традиционно выделенными классами основных психических процессов (т.е. «первичных» процессов). Второй (мезоуровень) образован классом интегральных процессов. Третий (макроуровень) включает рефлекссию как процесс, точнее, синтез рефлексивных процессов, в том числе, разумеется, и класс метакогнитивных процессов.

Эта картина в существенно большей степени отражает реальную сложность психических процессов, «психического как процесса». С одной стороны, она показывает, что совокупность традиционных психических процессов (когнитивных, эмоциональных, волевых, мотивационных), рассматриваемая обычно как исчерпывающее содержание категории «психические процессы», в действительности лишь *один* из уровней реальной организации процессов. С другой стороны, уже в этой картине рефлексия как процесс обретает свое естественное место в общей системе психических процессов, но одновременно она не утрачивает и своей качественной специфичности.

Вместе с тем, и методология психологии, и исследовательская практика уровневых описаний различных систем убедительно свидетельствуют о том, что дифференциация только трех каких-либо уровней, как правило, не является достаточно полной [3, 16, 35, 62, 73, 81]. Она характерна обычно для относительно более ранних этапов познания; затем она обогащается и детализируется, приобретая более развернутую форму. Данная гносеологическая закономерность проявилась, например, в наших исследованиях уровневой структуры деятельности [41, 43, 44], а также структурно-уровневого строения процессов ПР [38, 42]. В обоих случаях предмет анализа, дифференцированный вначале на три основных уровня, в дальнейшем обнаруживал существенно бóльшую сложность. Адекватным средством ее выявления и описания выступала более развернутая уровневая дифференциация. Однако самым сильным аргументом в пользу тезиса о недостаточности трехуровневой дифференциации и ее переходном характере (как фазы, эта-

па познания) являются, на наш взгляд, те основные методологические представления, которые сформулированы в современной теории систем относительно общих принципов их уровневой организации [62, 73]. На этой основе нами были сформулированы представления об общем *критерии-дискриминаторе уровней* (то есть о «критерии-различителе»), позволяющем распознать, а затем верифицировать в какой-либо целостности (системе) ее основные уровни [36]. Суть этих представлений состоит в следующем.

В структуре сложного целого (явления, процесса) необходимо дифференцировать, как минимум, следующие интегративные уровни. Во-первых, уровень целостности, на котором явление, процесс представлены во всей полноте состава, структуры и качественных характеристик. Это собственно *системный* уровень. Во-вторых, уровень отдельных подсистем, включенных в сложное целое, формирующихся для обеспечения различных ее функциональных проявлений (“функциональные органы” системы) и имеющих собственное достаточно сложное строение. Это *субсистемный* уровень. Он принципиально гетерогенен, поскольку предполагает множество различных по сложности частных декомпозиций системы. В-третьих, уровень структурных компонентов как базовых единого целого. Наряду с этим, в психологии (в силу предельной сложности предмета изучения) он специфичен и дифференцируется на два качественно специфических по своим характеристикам уровня – собственно *компонентный* и *элементный*. Под компонентом понимается такое простейшее образование, которое еще обладает качественной специфичностью целого; под элементами понимаются те структурные составляющие, из которых образованы компоненты, но которые уже утрачивают качественную определенность целого (хотя и являются его онтологически необходимыми составляющими). Наконец, с позиций общего решения проблемы иерархии уровней необходимо учитывать и то, что любая сложная целостность сама выступает как составляющая еще более широкой и общей метасистемы. В составе последней то или иное явление (процесс) вообще только и может существовать не как абстракция, а как онтологическое образование; приобретает свое конкретное – ”внутрисистемное” бытие [50]. Во взаимодействии с метасистемой явление, процесс приобретают новые качественные характеристики, измерения и параметры, которые образу-

ют в совокупности высший – *метасистемный* уровень организации. Подчеркнем, что он трактуется в методологии науки как принципиально открытый: через него целостность взаимодействует с системами более высоких порядков и тем самым развивается, качественно трансформируется [62, 81].

Пять указанных уровней (элементный, компонентный, субсистемный, системный, метасистемный) носят, таким образом, *общий* характер и именно на них целостность обладает наиболее различающимися качественными “измерениями”. Кроме того, эти же пять уровней и как бы “исчерпывают” собой весь диапазон качественных проявлений системы, охватывают все многообразие качественных характеристик целого в его реальной многомерности. Так, на низшем (элементном) уровне происходит как бы “отрицание” общего качества системы, поскольку в самих элементах система проявляется не в своих атрибутивных свойствах, а в аспекте свойств тех микросистем, из которых она, в конечном счете, складывается. Но аналогичный эффект “исчерпываемости качеств” системы имеет место и на высшем уровне – метасистемном, поскольку на нем целое приобретает особенности систем высших по отношению к ней порядков, выступает как их составляющая и также теряет статус автономной.

Таким образом, диапазон выделенных уровней – это не только исчерпывающий континуум всех их возможных, качественно различных уровней организации, но одновременно и полный диапазон возможных форм бытия системы как автономной целостности. Все это позволяет рассматривать совокупность из пяти указанных уровней в качестве общего основания для дифференциации специфических уровней в общей структуре психических процессов. Та мера, с которой основные уровни удовлетворяют этим представлениям, является поэтому показателем обоснованности их выделения. Последнее тем более правомерно, что ряд фундаментальных результатов в области исследований психических процессов, а также современные исследования в русле данной проблемы предоставляют многочисленные аргументы и доказательства сказанного.

В самом деле, при сопоставлении трех «срединных» из пяти констатированных выше уровней психических процессов («микро»-, «мезо»- и «макро»-уровней) с пятью основными значениями

критерия-дискриминатора очевиден следующий вывод. Эти три уровня полно, точно и вполне естественным образом соотносятся с тремя промежуточными – «средними» значениями критерия-дискриминатора – компонентным, субсистемным и системным. Действительно, любой из известных сегодня традиционно выделяемых психических процессов – это именно компонент единой и онтологически неразделимой системы психических процессов. Он «несет на себе» ее атрибутивные характеристики – качественные особенности целого. В то же время любой из них – это продукт аналитического расчленения процессуального содержания психики, и именно эта аналитичность создает постоянные и хорошо известные всем психологам трудности изучения проблемы психических процессов.

Далее, столь же очевидно, что любой из охарактеризованных выше интегральных процессов (мезоуровень) органично соотносится с субсистемным значением критерия-дискриминатора, поскольку последний как раз и фиксирует те или иные синтезы компонентов внутри целого (системы), каковыми и являются сами интегральные процессы. Они реализуются как синтезы – как результаты интеграции ряда компонентов – «первичных» психических процессов.

Наконец, очевидно и то, что рефлексивные процессы – это процессы макроуровня, соотносящегося с собственно системным значением критерия-дискриминатора. Он характеризуется предельно высокой степенью обобщенности и минимальной «гносеологической аналитичностью» (которая свойственна всем иным уровням и способам описания процессуального содержания психики). В нем, по существу, предстает все содержание «психического как процесса» на том или ином интервале его функционирования. Он, следовательно, именно в силу своей наибольшей интегративности, выступает уже не как «срез», не как аспект в онтологии психических процессов, а как сама эта онтология – в ее действительном, а не аналитически расчлененном выражении. Лишь в нем (что, по существу, равнозначно феномену сознания в целом) онтология процессуально-психологического содержания и возможные способы его гносеологического осмысления фактически совпадают. Достигая в нем своего предела, максимума, механизмы психической интеграции – через ряд переходных этапов и

уровней – порождают саму онтологию психического, представленную субъекту в феноменах рефлексии, сознания.

В то же время критерий-дискриминатор указывает, что уровней в общей структурной организации психических процессов должно быть не три, а пять. Следовательно, два уровня общей «аналитической картины» психических процессов оказываются пока не эксплицированными. Они, согласно теоретическим предположениям, должны соотноситься, соответственно, с элементарным и метасистемным значением критерия-дискриминатора. Последнее очень показательно и достаточно конструктивно.

В самом деле, вся история развития представлений о психических процессах постоянно демонстрировала их неразрывную связь с определенными психическими (и психофизиологическими) *функциями*. Тот или иной психический процесс явным образом соотносится с вполне определенной функцией и даже базируется на ней. И фило-, и онто-, и даже социогенетически такая взаимосвязь прослеживается достаточно отчетливо. Данное фундаментальное, на наш взгляд, обстоятельство многократно зафиксировано в ряде психологических концепций. Так, в частности, в концепции Б.Г. Ананьева функциональные механизмы психических процессов трактуются как база и онтологическая основа для их развития в целом [2]. М.С. Роговин отмечал в этой же связи, что «создававшаяся веками система знаний в области познавательных процессов демонстрировала явную тенденцию соотносить тот или иной из них с некоторой функцией» [81].

Вместе с тем, функции «сами по себе» – это лишь предпосылка психического, но не само психическое. Не обогащенные операционными механизмами и средствами, не прошедшие свое становление и превращение в процесс, функции еще не «несут на себе» специфики психического, не являются поэтому его «подлинными единицами» (то есть компонентами) в строгом смысле данного понятия. Однако, не являясь ими, а выступая как их онтологическая основа (как то, из чего формируются и структурируются впоследствии эти компоненты), функции объективно необходимы для всей «надстраивающейся» над ними системы психических процессов. Проще говоря, они в своей совокупности естественно и полно соотносятся с элементарным значением критерия-дискриминатора. И именно поэтому – как то и предписывается данным значением – на

нем, то есть на уровне функций, имеет место трансформация двух качественных определенностей – собственно психического в непсихическое, идеального – в материальное (и наоборот). Психофизиологическая реальность, составляющая содержание функций, столь же психологична, сколь и физиологична; это своего рода «мост» между двумя реальностями. Соотношение психического и физиологического (психических процессов и функций) «на языке» теории систем – это отнюдь не соотношение «системы и элемента» и даже не соотношение «субсистемы и элемента», а соотношение компонента и элемента.

Обращаясь, далее, к еще одному – последнему из отмеченных, но «не охваченному» пока значению критерия-дискриминатора – метасистемному, мы хотели бы специально подчеркнуть следующее. Именно оно, это значение, представляет наибольший интерес (но одновременно и сложность) для изучения рефлексии как процесса, для разработки представлений о структурно-уровневой организации системы психических процессов в целом. Сама сущность и психологическая специфика рефлексии состоит не только в том, что это наивысший по степени интегративности и целостности процесс. Это одновременно и такой процесс, самым *предметом*, материалом репрезентации в котором становится специфичнейшая из реальностей – реальность психическая. Будучи максимально интегративной по своим механизмам и процессуальным средствам (а значит, соотносясь с системным значением критерия-дискриминатора), рефлексия по своему материалу, предмету и содержанию есть не что иное, как отражение этой системы, оперирование с ней, то есть по определению – *выход за ее пределы*. Складывается ситуация, при которой рефлексия как процесс образует собой, с одной стороны, системный уровень в общей структуре психических процессов (по механизмам, процедурам, операционным средствам), то есть именно по процессу. Но, с другой стороны, по своим результатам она же всегда, и притом совершенно объективно, означает и выход за этот уровень, то есть переход на иной – метасистемный уровень организации. Повторяем, в этом заключается не просто какая-либо из рядовых особенностей рефлексии как процесса, а ее *главная* характеристика и даже самый ее механизм, эксклюзивность ее роли в организации психики.

Двойственность, точнее, двойная принадлежность рефлексии и к системному, и к метасистемному уровням – это и основной механизм порождающих, генеративных свойств психического, способ «выхода за наличное». Психика тем и уникальна, что в ней как в системе заложен такой механизм, который позволяет ей преодолевать собственную системную ограниченность, постоянно выходить за свои собственные пределы, делая саму себя предметом своего же функционирования. Иначе говоря, в самой организации психики предусмотрен и реализован высший из известных уровней – метасистемный. Рефлексия же – это и есть процессуальное средство реализации данного уровня. Результативным проявлением данного средства (точнее, системы средств) как раз и выступает вся феноменология сознания, сознание как таковое. И именно поэтому сознание в его собственно процессуальном аспекте соотносится именно с метасистемным уровнем организации психических процессов.

Таким образом, общая организация системы психических процессов может быть представлена как иерархия пяти основных уровней, каждый из которых, повторяем, однозначно и вполне естественным образом соотносится с определенным значением общесистемного критерия-дискриминатора (табл. 2).

Таблица 2

Общая организация системы психических процессов

<i>Значения критерия-дискриминатора</i>	<i>Уровень организации психических процессов</i>
Метасистемное	Сознание
Системное	Рефлексивные процессы
Субсистемное	Интегральные психические процессы
Компонентное	Основные классы «первичных» психических процессов (когнитивные, эмоциональные, волевые, мотивационные)
Элементное	Психические функции

* * *

Итак, выше была предпринята попытка анализа некоторых достаточно общих вопросов, возникающих «на стыке» проблемы принятия решения и проблемы метакогнитивных процессов. Показательно, что эти вопросы не только могут, но и должны решаться в связи с иной, более общей задачей – задачей исследования общих принципов структурно-функциональной организации системы психических процессов. Этому может содействовать, в частности, разрабатываемая нами концепция интегральных процессов и процесса ПР как одного из них. Процессы ПР, равно как и вся совокупность интегральных процессов, находятся на вполне определенном (и притом «серединном», центральном) уровне общей иерархической организации психических процессов. Тем самым, в определенной мере решается весьма актуальный вопрос о месте и статусе этих процессов, об их соотношении со всеми иными классами и уровнями организации психических процессов. Кроме того, трактовка ПР как интегрального процесса позволяет навести «концептуальные мосты» между теорией решений, с одной стороны, и современными исследованиями в области метакогнитивизма, а следовательно, и с когнитивной психологией в целом – с другой. Через понятие интегральных процессов сама теория решений становится не только деятельностной, поведенческой (как это сложилось традиционно), но и – с необходимостью – когнитивной, точнее, метакогнитивной. Более того, реально синтезируясь с метакогнитивизмом и когнитивной психологией в целом, теория решений одновременно способствует и развитию некоторых их собственных, повторяем, общих и актуальных проблем, в особенности – проблемы изучения метакогнитивных процессов и проблемы структурно-функциональной организации системы психических процессов.

Литература

1. Абульханова-Славская К.А. Деятельность и психология личности. М.: Наука, 1980.
2. Ананьев Б.Г. О проблемах современного человекознания. М.: Наука, 1976.
3. Анохин П.К. Очерки по физиологии функциональных систем. М.: Медицина, 1975.
4. Американский капитализм и управленческие решения / Под ред. Л.И. Евенко. М., 1977.
5. Аткинсон Р. Человеческая память и процесс обучения. М.: Прогресс, 1980.
6. Бенерджи Р.Б. Теория решения задач. М.: Мир, 1972.
7. Блекэулл Д., Гарник М. Теория игр и статистических решений. М.: Иностран. лит., 1958.
8. Бодров В.А., Орлов В.Я. Психология и надежность: человек в системах управления техникой. М.: Институт психологии РАН, 1998.
9. Большой философский словарь. М.: Политиздат, 1987. Т. 2.
10. Брушлинский А.В. Субъект: мышление, учение, воображение. М.: МОДЭК, 1996.
11. Веккер Л.М. Психические процессы. Л.: Изд-во ЛГУ. 1974. Т. 1; 1976. Т. 2.
12. Величковский Б.М. Современная когнитивная психология. М.: Изд-во МГУ, 1982.
13. Венделин А.Г. Подготовка и принятие управленческого решения. М.: Экономика, 1977.
14. Вержбицкий А.П. Переговоры и посредничество в условиях конфликта: многосторонняя рациональность и интерактивные процессы // Системные исследования. 1987. М.: Наука, 1988. С. 76 – 98.

15. Вилкас Й., Майминас Е.З. Решение: теория, информация, моделирование. М.: Радио и связь, 1981.
16. Выготский Л.С. Мышление и речь // Собр. соч.: В 6 т. М.: Педагогика, 1982.
17. Головаха Е.И. Структура групповой деятельности. Социально-психологический анализ. Киев: Наукова думка, 1979.
18. Де Гроот М. Оптимальные решения. М.: Прогресс, 1974.
19. Дескриптивные исследования процедур принятия решения. М.: Наука, 1980.
20. Дикая Л.Г. Особенности регуляции функционального состояния оператора в процессе адаптации к особым условиям // Психологические проблемы деятельности в особых условиях. М.: Наука, 1985.
21. Дружинин В.Н. Психология общих способностей. СПб., 1999.
22. Емельянов С.В., Наппельбаум Э.Л. Системы, целенаправленность, рефлексия // Системные исследования, 1980. М.: Наука, 1981.
23. Завалишина Д.Н. Психологический анализ оперативного мышления. М.: Наука, 1985.
24. Завалишина Д.Н., Барабанщиков В.А. Детерминация и развитие психики // Принцип системности в психологических исследованиях. М.: Институт психологии АН СССР, 1990.
25. Зинченко В.П., Гордон В.М. Методологические проблемы психологического анализа деятельности // Системные исследования, 1975. М.: Наука, 1976.
26. Знаков В.В. Понимание в познании и общении. 3-е изд. Самара: Алетейя, 2000.
27. Карпов А.В., Скитяева И.М. Психология рефлексии. М.; Ярославль, 2002.
28. Карпов А.В. К проблеме психических процессов // Психол. журн. 1986. Т. 7. № 6.
29. Карпов А.В. Когнитивный и регулятивный аспект психологического обеспечения деятельности // Практическое

мышление: функционирование и развитие. М.: Институт психологии АН СССР, 1991.

30. Карпов А.В. Проблемы принятия решения в трудовой деятельности // Психол. журн. 1992. Т. 13, № 1.

31. Карпов А.В. Процессы принятия решения в регуляции трудовой деятельности // Психол. журн. 1993. Т. 4, № 1.

32. Карпов А.В. Психологический анализ процессов принятия решения в деятельности. Ярославль, 1985.

33. Карпов А.В. Психологический анализ трудовой деятельности. Ярославль, 1988.

34. Карпов А.В. Психология принятия решения в профессиональной деятельности. М.: Институт психологии РАН, 1991.

35. Карпов А.В. Психология принятия межличностных решений. М.: Институт психологии РАН, 1993.

36. Карпов А.В. Психология принятия управленческих решений. М.: Юристъ, 1998.

37. Карпов А.В. Психология менеджмента. М.: Гардарики, 1999.

38. Карпов А.В. Общая психология субъективного выбора: структура, процесс, генезис. М.: Институт психологии РАН, 2000.

39. Карпов А.В., Шадриков В.Д. Экспериментальное исследование процессов подготовки и принятия решения в деятельности операторского типа // Психол. журн. 1981. Т. 2, № 5.

40. Карпов А.В., Пономарева В.В. Психология рефлексивных механизмов управления. М.: Институт психологии РАН, 2000.

41. Карпов А.В. Методологические основы психологии принятия решения. Ярославль, 1999.

42. Карпов А.В. Процессы принятия решения в структуре управленческой деятельности // Психол. журн. 2000. Т. 21, № 1.

43. Карпов А.В., Скитяева И.М. Понятия метакогнитивных и интегральных процессов как концепты психологической

теории принятия решения // Психологические проблемы принятия решения / Под ред. А.В. Карпова. Ярославль, 2002.

44. Карпов А.В. Психология групповых решений. М.: Институт психологии РАН, 2000.

45. Кини Р., Райфа Г. Принятие решений при многих критериях: предпочтения и замещения. М.: Сов. радио, 1981.

46. Когнитивная психология / Под ред. В.Н. Дружинина, Д.В. Ушакова. М.: ПЕРСЭ, 2002.

47. Козелецкий Ю. Психологическая теория решений. М.: Прогресс, 1979.

48. Конопкин О.А. Психологические механизмы регуляции деятельности. М.: Наука, 1980.

49. Кричевский Р.Л., Дубовская Е.М. Психология малой группы. М.: Изд-во МГУ, 1991.

50. Кузьмин В.П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М.: Политиздат, 1986.

51. Кулюткин Ю.Н. Эвристические методы в структуре решений. М.: Педагогика, 1970.

52. Кунц Г, О'Доннел С. Управление. Системный и ситуационный анализ управленческих функций. М.: Прогресс, 1981.

53. Ларичев О.И. Объективные модели и субъективные решения. М.: Наука, 1987.

54. Ластед Л.Б. Введение в проблему принятия решения в медицине. М.: Медицина, 1974.

55. Лекторский В.А. Субъект. Объект. Познание. М.: Наука, 1980.

56. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.

57. Ломов Б.Ф., Сурков Е.Н. Антиципация в структуре деятельности. М.: Наука, 1980.

58. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.

59. Луковников Н.Н. Нарастание дифференциации как закономерность развития психических процессов // Психол. журн. 1985. Т. 6, № 1. С. 81 – 90.

60. Мангутов Н.С., Уманский Л.И. Организатор и организаторская деятельность. Л.: Изд-во ЛГУ, 1975.
61. Мейстер Дж. Эргономические основы разработки сложных систем. М.: Мир, 1979.
62. Месарович М., Мако Д., Такахара И. Теория иерархических многоуровневых систем. М.: Мир, 1973.
63. Мескон М., Альберт М., Хедуори Ф. Основы менеджмента. М.: Дело, 1992.
64. Михайлова С.В., Карпов А.В. Методика диагностики устойчивости к неопределенности // Методы психологической диагностики. М.: Институт психологии АН СССР, 1988.
65. Найссер У. Познание и реальность. М.: Прогресс, 1981.
66. Наумова Н.Ф. Психологические механизмы свободного выбора // Системные исследования. 1983. М.: Наука, 1984. С. 197-221.
67. Нейман Дж. фон, Моргенштерн О. Теория игр и экономическое поведение. М.: Наука, 1970.
68. Никифоров Г.С. Самоконтроль как механизм надежности человека-оператора. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977.
69. Нормативные и дескриптивные модели принятия решения. М.: Наука, 1981.
70. Ошанин Д.А. Предметное действие как информационный процесс // Вопр. психол. 1970. № 3.
71. Познавательные процессы. М.: Педагогика, 1982.
72. Планкетт Л., Хейл Г. Выработка и принятие управленческих решений. М.: Экономика, 1984.
73. Принцип системности в психологических исследованиях. М.: Наука, 1991.
74. Проблемы принятия решения. М.: Наука, 1976.
75. Психологические механизмы целеобразования. М.: Наука, 1977.
76. Психологические проблемы принятия решения / Под ред. А.В. Карпова. Вып. 1. Ярославль, 2001.
77. Психологические проблемы принятия решения / Под ред. А.В. Карпова. Вып. 2. Ярославль, 2002.
78. Психология рефлексии в управлении. М., 1988.

79. Райфа Г. Анализ решений. М.: Наука, 1977.
80. Рефлексия в науке и обучении. Новосибирск: Наука, 1989.
81. Роговин М.С. Современная когнитивная психология и проблема мышления // Мышление: процесс, деятельность, общение. М.: Наука, 1982.
82. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973.
83. Саймон Г. Наука об искусственном. М.: Мир, 1973.
84. Совместная деятельность. М.: Наука, 1988.
85. Солсо Р. Когнитивная психология. М.: Тривола, 1996.
86. Теплов Б.М. Проблемы индивидуальных различий. М.: АПН РСФСР, 1961.
87. Холодная М.А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. М.: Барс, 1997.
88. Шадриков В.Д. Проблемы системогенеза профессиональной деятельности. М.: Наука, 1982.
89. Шадриков В.Д. Способности и деятельность. М., 1995.
90. Abelson R.P., Levi A. Decision-making and decision theory. In Handbook of social psychology (V.1). N.Y, Random House, 1985.
91. Ackoff R.L. Scientific Method. Optimistic Applied Decision. N.Y.: J. Willey, 1969.
92. Alexis M., Wilson C. Organizational Decision-Making. N.Y.: Englewood-Cliffs, 1967.
93. Arrow K.I. Social choice and individual values. N.Y., J. Wiley, 1957.
94. Axelrode R.M. Framework for a General Theory of Cognition and Choice // Inst. of intern. Univ. Of Calif., Berkeley, 1972.
95. Beach L.R. Image theory: Decision-making in personal and organizational contexts. Chichester, Wiley, 1990.
96. Borkowski, J. G., M. Carr, E. Rellinger, and M. Pressley. (1990). Self-regulated cognition: Interdependence of metacognition, attributions, and self-esteem. In B. F. Jones and L. Idol (Eds.), Dimensions of Thinking and Cognitive Instruction. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates.

97. Brayboorke D., Lindblom C. A Strategy of Decision. N.Y.: The free Press, 1963.

98. Brehm J.W. A Theory of Psychological Reactance. N.Y., 1970.

99. Brown A.L., Campione J.C. The problem of access. // Intelligence and learning. NATO conference July 16-20, 1979. P. 515-529.

100. Brown, A.L. Campione J.C. Communities of learning and thinking, or a context by any other name. In D. Kuhn (Ed.), Developmental Perspectives on Teaching and Learning Thinking Skills. Basel: Karger, 1990.

101. Bruner J.S., Postman L. An approach to social perception. Journ. Of Soc. Psychol., 1948.

102. Cohan J. Behavior in uncertainty. London, George Allen, 1964.

103. Communication and Group Decision-Making / Ed.by. R. Hirokawa, M. Poole. Texas AM University, 1996.

104. Conflict and Consensus / A General Theory of Collective Decision / Ed.by S. Moscovici, W.Doise. N.Y., 1996.

105. Conflicting objective in decision / Ed. Bell et al. Wiley, 1977 (IIASA Intern. Ser. Vol. 1.

106. Cooke S., Slack N. Making management decisions. N.Y, Prentice-Hall, 1991.

107. Core W.J. Administrative Decision-Making: A Heuristic Model. N.Y., 1964.

108. Cowan T.A. Decision Theory in Law, Science and Technology // Science, 1963, № 6.

109. Davidson D., Sappes P., Siegel S. Decision-Making. An Experimental approach. N.Y. McGraw-Hill, 1868.

110. Davies J.H. Group decision and interaction: a theory of social decision schemes // Psychol. Rev., 1973, v. 80.

111. Decision-Making by the Analytic Hierarchy Process: Theory and Application // Europ. J. Operational Research. 1990. Vol. 48, № 1.

112. Donaldson G., Lorsch J. Decision making at the top: the shaping of strategic direction. N.Y., Basic Books, 1983.

113. Dörner D. Problemlösen als Informationsverarbeitung. Stuttgart, 1977.

114. Edwards W., Tversky A. Decision making // Harmondsworth Middlesex, England. Penguin Books, 1972.

115. Festinger L. Conflict, Decision, and Dissonance. Stanford: SUP, 1964.

116. Fischhoff B., Lichtenstein S., Slovic P., Jerby S., Keeny R. Acceptable Risk. London.

117. Fisher B.A. Small Group Decision-Making: Communication and Group Process. N.Y., 1976.

118. Flavell J.H. Metacognitive aspects of problem solving // The nature of intelligence. N. Y., 1976.

119. Flavell J.H. Metacognition and cognitive monitoring: a new area of cognitive-developmental inquiry. American Psychologist, 1979.

120. Flavell J.H. Speculations about the nature and development of metacognition. In F.E. Weinert and R. H. Kluwe (Eds.), Metacognition, Motivation, and Understanding. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1987.

121. Flavell J.H., P.H. Miller, and S.A. Miller. Cognitive Development. Third edition. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall 1993.

122. Forrest-Pressley D.L., G.E. MacKinnon, and T.G. Waller (Eds.). Metacognition, Cognition, and Human Performance, Vols. 1 and 2. Orlando, FL: Academic Press, 1985.

123. Garner R. and P.A. Alexander. (1989). Metacognition: answered and unanswered questions. Educational Psychology, 1989. V. 24: pp. 143-158.

124. Ghiselli E.E. Intelligence and managerial success // Psychol. Report. 1963. V. 121.

125. Hollander E.P. Leader, Groups and influence. N.Y., 1964.

126. Irwin F.W. Stated expectations as functions of probability and desirability of outcomes // J. of Pers., 1953, V. 21.

127. Janis I.L. Groupthink. Boston, Houghton Mifflin, 1982.

128. Jarman, R. F., J. Vavrik, and P. D. Walton. (1995). Metacognitive and frontal lobe processes: at the interface of cognitive

psychology and neuropsychology. Genetic, Social, and General Psychology Monographs 121: 153-210.

129. Jeffrey R.C. The logic of decision. N.Y. Mc Graw-Hill, 1965.

130. Kahneman D., Slovic P., Tversky A. Judgment under uncertainty. Cambridge, Cambridge UP, 1982.

131. Kegan R. The evolving self. Harvard University Press. 1993.

132. Koopman P.L. et. al. Complex Decision-making in Organizations. – In: Handbook of Work and Organizational Psychology. London, Psychology Press, 1998.

133. Le Cocq P., Tiberghien G. Memoire et decision. Lille, PU de Lille, 1981.

134. Lefebvre-Pinard M. Understanding and auto-control of cognitive functions // International journal of behavioral development, 1983. Vol. 6. P. 15-35.

135. Lee W. Decision theory and human behavior. N.Y., Wiley, 1971.

136. Levinger B., Schniger D. Test of “risk-as-value” hypothesis // J. Person. and Soc. Psychol., 1969, v. 11, N 2.

137. McCrimmon K.R., Taylor R.N. Decision-Making and Problem-Solving // Handbook of Industrial and Organizational Psychology.

138. March J., Olsen J. Ambiguity and choice in organizations. Bergen (Norway), 1976.

139. March J.G. (Ed.). Decisions in Organizations. Oxford, Basil Blackwell, 1988.

140. Metcalfe, J. and A.P. Shimamura (Eds.). (1994). Metacognition: Knowing about Knowing. Cambridge, MA: MIT Press.

141. Miller J.R. Professional Decision Making. N.Y., Praeger Publishers, 1970.

142. Nelson, T.O. (Ed.). (1992). Metacognition: Core Readings. Boston: Allyn and Bacon.

143. Nelson, T.O. and L. Narens. (1990). Metamemory: a theoretical framework and new findings. In G. Bower (Ed.), The Psy-

chology of Learning and Motivation, Vol. 26. New York: Academic Press. P. 125-141.

144. Newman J.W. Management Applications of Decision Theory. N.Y., 1971.

145. Peterson C.R., Beach L.R. Man as a intuitive statistician // Psychol. Bull., 1967, V. 68.

146. Reder, L.M. (Ed.). (1996). Implicit Memory and Metacognition. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates.

147. Schlaifer R. Probability for business decision / McGraw-Hill, 1978.

148. Schraw, G. and D. Moshman. (1995). Metacognitive theories. Educational Psychology Review 7: 351-371.

149. Sen A.K. Collective Choice and Social Welfare. San-Francisco, 1970.

150. Shull F., Delberg A., Cummings L. Organizational Decision Making. N.Y., 1970.

151. Simon H.A. Administrative Behavior on a Problem-Solving task // Psychol. Rev. 1990. Vol. 40, № 2.

152. Simon H.A. New Science of Management Decision. N.Y., 1960.

153. Starr C. Social benefit versus technological risk // 1969, v. 165, № 3899.

154. Stoner J.A. A comparison of individual and group decision involving risk. MIT, 1961.

155. Tversky A., Kahneman D. The framing of decision and the psychology of choice. Science, 211, 1981.

156. Vroom V.A. New Look of Managerial Decision-Making // Organizational Dynamics. 1973. № 1.

157. Vroom V.A., Yetton U. Leadership and Decision-Making. Pittsburgh, 1973.

158. Wellmann H.M. Metamemory revisited // Contributions to human development. 1983. Vol. 9. P. 31-51.

159. Yates J.F. Judgment and decision-making. N.Y., Prentice-Hall, 1990.

Оглавление

<u>ВВЕДЕНИЕ</u>	3
<u>ГЛАВА 1. ОБОБЩЕННАЯ ТАКСОНОМИЯ ОСНОВНЫХ КЛАССОВ ПРОЦЕССОВ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ</u>	11
<u>1.1. Проблема разработки обобщенной таксономии процессов принятия решения</u>	11
<u>1.2. Основные критерии обобщенной таксономии процессов принятия решения</u>	19
<u>1.3. Структура и содержание обобщенной таксономии основных классов процессов принятия решения</u>	32
<u>1.4. Стратегия обобщения психологических закономерностей основных классов процессов принятия решения</u>	43
<u>ГЛАВА 2. ОБЩИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ОСНОВНЫХ КЛАССОВ ПРОЦЕССОВ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ</u>	50
<u>2.1. Методологические основы обобщения закономерностей организации процессов принятия решения</u>	50
<u>2.2. Интегративно-психологический статус процессов принятия решения</u>	56
<u>2.3. Структурно-уровневая организация основных классов процессов принятия решения</u>	68
<u>2.4. Функциональные закономерности основных классов процессов принятия решения</u>	86
<u>2.5. Общие особенности генезиса основных классов процессов принятия решения</u>	99

<u>ГЛАВА 3. РЕФЛЕКСИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПРОЦЕССОВ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ</u>	119
<u>3.1. Методологические основы исследования</u>	119
<u>3.2. Рефлексивные детерминанты качества процессов принятия решения</u>	136
<u>3.3. Рефлексивные детерминанты процессуальной организации принятия решения</u>	143
<u>3.4. Интегративные функции рефлексии в психологическом обеспечении процессов принятия решения</u>	162
<u>3.5. Рефлексивные детерминанты организации процессов принятия управленческих решений</u>	180
<u>ГЛАВА 4. ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЯ И ПРОБЛЕМА СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПСИХИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ</u>	190
<u>4.1. Постановка проблемы исследования</u>	190
<u>4.2. Понятия метакогнитивных и интегральных процессов как концепты психологической теории принятия решения</u>	193
<u>4.3. Принятие решения и проблема структурно-функциональной организации психических процессов</u>	217
<u>ЛИТЕРАТУРА</u>	227

Научное издание

Карпов Анатолий Викторович

Психология принятия решения

Редактор, корректор В.Н. Чулкова
Компьютерная верстка И.Н. Ивановой

Подписано в печать 27.06.2003 г. Формат 60х84/16.
Бумага тип. Усл. печ. л. 13,95. Уч.-изд. л. 12,43.
Тираж 150 экз. Заказ .

Оригинал-макет подготовлен
в редакционно-издательском отделе ЯрГУ.

Отпечатано
ООО «Аверс Пресс»
150003 Ярославль, пр. Ленина, 25.